

ЗОЛОТОВА ОЛЬГА

16+

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ

ЗАЖИГА СОЛНЦЕ

Ольга Золотова

Девочка, которая зажгла солнце

«Автор»

2020

Золотова О.

Девочка, которая зажгла солнце / О. Золотова — «Автор», 2020

Это история о чудном спасении. Джек Дауни, вынужденный жить в чужом для него городе, хорошо знает, как дорого может человеку обойтись пусть даже самое потрепанное и жалкое на вид счастье. Однако его солнце неожиданно вспыхнуло от прикосновения чьей-то ладони. Сможет ли маленькая рыжеволосая девочка с зелеными глазами показать, что не все ангелы носят платье до самого пола, пьют мятный чай и выбирают из крыльев белоснежные перья?

© Золотова О., 2020

© Автор, 2020

Ольга Золотова

Девочка, которая зажгла солнце

Глава 1

По залитому лунным светом кладбищу гулял осенний ветер, холодные порывы которого чуть слышно перегоняли успевшие опасть листья. Туман, ставший постоянным и совершенно обыденным явлением Бостона, на этот раз осел, затерявшись где-то в траве, словно разлитое молоко. Несколько утопанных дорожек, ведущих от центрального входа-арки к полукругу могил, растущие поодаль тонкие деревья, в темноте кажущиеся тощими, или даже костлявыми, ожившими чудовищами... Вот одно из них будто бы вновь зашевелилось, замахнулось когтистой лапой на кладбищенскую пустошь, а после замерло в угрожающем жесте, как бы говоря: «Я никогда не сплю, и не мечтайте. Моя работа – сторожить мертвецов, ведь именно из-за меня, из-за моего присутствия они не покидают свои деревянные постели!» И, в последний раз покачнувшись во время очередного сильного порыва, затихает, убаюканное лунным сиянием.

Вдруг чья-то тень скользнула по серым и безмолвным надгробиям, пронеслась мимо лысеющих ветвей деревьев, и секунду спустя на одной из тропок вырос человеческий силуэт. Немного постоял, замороженный ледяной красотой ночи, прошел вперед к ничем не примечательной плите и медленно, словно каждое движение приносило невероятную боль, опустился на колени.

Звук соприкосновения тонкой джинсовой ткани с сухим мхом, наверняка уже пожелтевшим, сменился другим, более продолжительным – незнакомец закатал длинные рукава толстовки и бережно вытер пыль с мрамора, вода по нему ладонями и замирая, чуть только дрожащие пальцы задевали выпуклые очертания букв.

Шарлотта Дауни-Уинтроп
1970 – 2011

– Я пришел. Скучала? – тихо, но с такой нежностью в голосе прошептал таинственный ночной гость. – Прости, что так долго не заходил. Мэг никак не хотела угомониться и выпустить меня, но это ничего. Теперь уже ничего.

Темный человек чуть приподнялся и подогнул под себя ноги, становясь похожим на уставшего странника-йога. Застыл в таком положении, и только когда ветер встрепенул его густую копну волос, кудрявящихся на самых кончиках, продолжил, не переставая упрямо глядеть на именную табличку:

– За эти дни не произошло почти ничего нового. Учебный год едва начался, а я уже думаю о его окончании, забавно, правда? Кстати, вчера один подонок... – юноша резко прервался и шутливо шлепнул себя по губам, расплываясь в грустной улыбке. – Один молодой человек, именно это я имел в виду! Прошу прощения, мэм. Так вот, один крайне нехороший человек подошел ко мне и плюнул прямо в лицо, сказав: «Где твоя мамочка, малыш Джеки? Очень хочу повидаться с ней! А твоя тетя не подкинет мне травы?» А потом заржал, как конь, и его огромное жирное тело сотрясалось в такт смеху...

Незнакомец закрыл глаза, видимо, погружаясь в пелену еще свежих воспоминаний: *вот он идет по слабо освещенному коридору школы; старается перешагивать каждый второй черный квадратик плитки, совершенно не заботясь о времени до начала урока, потому что явиться на химию вовремя – что-то ему несвойственное, а репутацию нужно поддерживать. (Да и к тому же, если все в этом мире будет правильно, и каждый человек начнет чистить зубы, помогать соседям, перестанет опаздывать и будет пить только по воскресеньям, пла-*

нета сойдет с орбиты, и люди потеряют баланс. А, как известно, гармония и равновесие являются важнейшей частью человеческого существования.) Видит, как проходящие мимо девушки – кажется, у одной из них нос с небольшой горбинкой, а другая гордо носит струящиеся шоколадом до самого пояса кудри – недвусмысленно подмигнули ему и бросились прочь, намеренно виляя ягодицами, торчащими из-под ну слишком коротких юбок.

«Боже, как это можно носить...» – вздохнул про себя Джек и тут же почувствовал удар в плечо.

– Джеки! Я-то думал, тетка снова тебя обкурила!

– И тебе привет... – промышчал парень, пытаясь проскользнуть как можно дальше от жирной туши Тоби Рокуэя. «Интересно, ему хоть раз говорили о пользе души?»

– Я тут подумал... Не хочешь пойти на футбол сегодня вечером? Пышиногрудые красотки из группы поддержки White School...

Джек уже было раскрыл рот, ведь любой вечер, проведенный вне компании Мэг и стен ее грязной прокуренной квартиры, считался подарком свыше, как вдруг наткнулся на злобный, ничем не отличающийся от крысиного, оскал.

– погоди, мы же не берем с собой сопливых сироток! Но не грусти, Джеки, ты всегда можешь пожаловаться маме! Вот только где же она? – Тоби неуклюже огляделся по сторонам, изображая искреннее недоумение. – Где твоя мамочка...

Парень почувствовал, как все внутри закипает от ярости и праведного гнева. Сердце заколотилось в груди быстрее, дыхание участилось, и неслабая дрожь охватила сжатые в кулаки руки. Казалось, весь окружающий мир замер в немом ожидании – шаги бегущих учеников раздавались все медленнее, да и сам Джек словно погрузился в густой туман, марево, а теперь четко, как в замедленной съемке, видел что-то говорящего Рокуэя, его пухлые и слюнявые губы в движении, подбородок, трясущийся от смеха так же, как и складки торчащего из-под майки живота трутся друг о дружку.

Еще мгновение, и кулак стремительно приближается к чужому лицу, насмешка в глазах Тоби превращается в испуг, а рот вытягивается в небольшое кольцо...

– Поверь, Тоби получил по заслугам! – расплылся незнакомец в довольной улыбке. – Стоило видеть, как он улепetyвает со всех ног к учительскому кабинету, а под его глазом расплзается фиолетовое пятно! Но, знаешь... – парень замялся, кашлянул в ладонь, сдерживая горький приступ грусти, но все же продолжил:

– Мне тебя все еще не хватает, и что-то в его словах не дает покоя. Прошел целый год, и все наперебой говорят: «Время лечит. Смирись. Ты себя накручиваешь...» А у меня не получается забыть. Очень сложно, знаешь ли, обрывать связи с прошлым, когда оно так прочно срослось с сердцем, а теперь приходится голыми руками отдирать с кровью, кожей и... Ну, не будем о грустном, хорошо?

Черная тень вновь дернулась, когда дрожащий юношеский голос замолк. Послышался глухой хруст вырываемой с корнем травы.

– С Мэг все в порядке, но она так и не завязала. Я стараюсь ее переубедить, так она тут же свирепеет, становится слишком опасной, и говорить с ней уже нет толку.

Парень вздрогнул, почувствовав, как по запястью что-то ползет. Поначалу он подумал, что это ожившая мертвячка тянет к нему руки сквозь земляные комья, хочет схватить и забрать ТУДА, вниз, тянуть, пока он будет давиться грязью и задыхаться от этой ужасной хватки... «Я, может, и не прочь», – всплыло где-то на краю чужого сознания, в то время как по пальцам маленький жук усердно молотил крошечными лапками. Тихий шелчок раздался в сером воздухе, и насекомое отлетело в жидкие кусты, затерявшись в них и замолкнув.

– Пожалуй, мне пора, – пробормотал ночной гость, поднимаясь с земли с хрустом затекших ног. – Я постараюсь прийти на этой неделе, если не произойдет никаких неприятностей.

Ладонь снова коснулась идеально гладкой поверхности надгробия, но тут же отдернулась прочь, будто вспыхнувшая от раскаленных докрасна углей.

– Пока, мам. До скорого.

Стоило этим словам растаять в ночной тишине, тень сорвалась с места и бросилась по тропинке в сторону входной арки.

Еще минуту слышен был удаляющийся топот и шлепанье кроссовок по грунтовой дороге, а после кладбище вновь погрузилось в мрачную дремоту, убаюканное светом уходящей луны и ласками холодного осеннего ветра.

Глава 2

В старшем классе школы было на удивление тихо и спокойно. Воздух в кабинете медленно перегонял старый, периодически выплевывающий из себя пыль вентилятор, но духота все равно тяжело давила на виски расплывшихся по партам учеников.

– Психология человека – невероятно глубокая и занимательная тема, – восторженно рассказывал мистер Фредерик, чуть прикрыв глаза, как он всегда делал, начиная все больше и больше удаляться от основной темы урока. – Представьте только, сколько различных способов манипулировать другими людьми было найдены учеными! К примеру, легкие кивки головой и доброжелательная улыбка позволяют без особых усилий расположить к себе собеседника...

Мужчина резко крутанулся на месте и, обойдя огромный грязно-зеленого цвета учительский стол, рухнул в кожаное кресло. Мебель протяжно застонала.

– Возьмем следующую ситуацию. У вас возникла срочная необходимость вновь наладить контакт с человеком, как вы знаете, вас недолюбливающим. Вы мигом оказываетесь между двух ям – с одной стороны, унижаться и подобным путем вымаливать прощение вы не намерены, с другой же повернуть назад не является возможным, ибо общение с этим человеком представляет из себя немалую ценность. То есть, возникает проблема, над которой можно ломать голову долгие недели. Секрет в том, что разгадка до смешного проста! К человеку – объекту данного эксперимента, если можно так выразиться – нужно всего лишь обратиться с личной просьбой. Не имеет значения ее суть – будь то щепотка соли для приготовления супа или сотня в долг до следующей пятницы – этот жест, по мнению исследователей, поможет вам добиться расположения...

Джек Дауни что-то промычал себе под нос, улегшись на рукав толстовки, и закрыл глаза. Иногда отключить разум и слух бывает сложно, но многолетняя практика не прошла даром – цепляйся он к каждому слову, а тем более запоминай сказанное, давно стал бы похож на заучку-Линси. «Ну, давай же...» – взмолился парень, еще сильнее зажмуривая глаза и с облегчением ощущая, как окружающие звуки начинают угасать и растворяться, а мягкая темнота обнимает за плечи, нежно баюкает и несет вместе с темным потоком мыслей, туда, где грань сна...

– Джек! – настойчивый укол в плечо чем-то острым стал своего рода предупреждением, сродни надоедливому звону разрывающегося ранним утром будильника, и позволил, хоть и с трудом, вырваться из забвения. – Не смей засыпать! Мало прошлого раза?

Правый глаз юноши лениво распахнулся. Кудрявая бестия по имени Кэтрин снова уже было замахнулась карандашом, но, увидев, что вечно-во-все-вляпывающийся-сосед соизволил взглянуть на нее, проворчала:

– А потом мы будем жалостливо умолять и мило улыбаться, когда придет время теста, и протяжно мямлить: «Ну Кэ-э-эти... Мы же друзья...»

– Я слушал лекцию, – отрезал Джек и приподнялся на локтях, выпрямляя сгорбленную спину и пытаясь изобразить на своем лице полную сосредоточенность и равнодушие к адресованному ему упреку. Иногда людям нужно дать волю посмеяться, чтобы после они не отрав-

ляли мир своими серыми кислыми лицами. Таков закон жизни – вероятно, мистер Фредерик пока еще его не усвоил.

– И что же ты о ней думаешь?

Брюнет наградил усмехнувшуюся девушку усталым взглядом. «Слабо отключиться прямо сейчас?» – зашептал предательский голосок в голове, в то время как Дауни заворожено уставился на россыпь веснушек на чуть заостренном носике. «Нет, пожалуй, не время».

– Она ошибочна. Сама посуди, если я сейчас встану и вежливо попрошу Фредерика заткнуться, он не станет лучше ко мне относиться.

Джонс прыснула, прикрыв рот ладонью, и с озорным упреком взглянула на Джека. Вот такой он ей нравился – открытый, веселый, пытающийся шуткой развеять душную скуку в классе. Пожалуй, если бы Кэтрин спросили о том, кому бы она отдала звание «обаятельный красавчик старшего класса», она бы объяснила: «Все предельно просто, особенно, когда усердно занимаешься литературой – в конце концов привыкаешь к бесконечному сравнению характера героев того или иного произведения. Нет, здесь ГОРАЗДО проще. Начнем с чисел – класс состоит из 20 человек. Из них 11 – девушки, следовательно, вариантов осталось 9. Толстяка Тоби в счет не берем, как и Ника с Робом – зубрили не в моем вкусе. Итак, всего шестеро, один из которых приходится мне братом (если вы это записываете, то добавьте, что Дарэл – очаровашка, и для меня всегда был, есть и будет первым красавцем). Фишер и Уилсон также отпадают, иначе наладить отношения с их девушками я не смогу, даже воспользовавшись этой несчастной лекцией по психологии... Что до Джона Картера, то злых и самоуверенных в себе футболистов я недолюбиваю. Следовательно, осталось не так уж и много: Майки, милашка Брэд и Джек. Первого из них я вычеркну – по личным причинам, иначе вся школа прознает мои секретки – словом, у нас есть два финалиста. Правда, иногда Дауни меня пугает. Может начать нести какую-то чушь, а один раз закричал на улице во весь голос про свою покойную мать... Так, стоп! Достаточно подробностей, господа. Интервью окончено, спасибо, что были с нами, а мне пора бежать!»

У мисс Джонс отличное воображение.

Да, это уж точно. Еще в детстве малышку Кэти показывали друзьям и знакомым, как редкостный предмет выставки, и все смотрели на нее, ожидая, что сейчас у нее вырастут крылья или покажется змеиный язык. А мать тем временем приговаривала, взирая на удивленных гостей с высоты задранной к небу от гордости головы: «У нее очень богатый внутренний мир! Вот если бы только ваш ребенок был хоть капельку похож на Кэйт (она часто называла дочь так, холодно отчеканивая глухие согласные). У нее...»

Замечательное воображение...

Чей это голос? Да и зачем так настойчиво повторять?

Кэтрин вырвалась из окружившего ее выдуманного кабинета с десятками телекамер, микрофонов и что-то записывающих людей в реальность, сфокусировав пока еще мутный взгляд на Джеке. Он почему-то вытянулся, будто проглотил палку, и стрелял глазами куда-то влево. Туда, где рассерженный учитель сверлил взглядом их третью с конца парту.

– Благодарю вас, мисс Джонс, за то, что, наконец, соизволили обратить на меня свое внимание, – протараторил мужчина, вытерев ладонью морщинистый лоб. – Как я сказал ранее, вы слишком мечтательны, юная леди...

Не прошло и минуты, как девушка вспыхнула от накрывшей ее волны стыда: вот чертов Дауни слегка улыбается, насмехаясь над ее положением и предполагая, что этот жест останется благополучно незамеченным; спиной она чувствует укоряющий взгляд Дарэла; десятки глаз уставились ей прямо в лицо, как бы спрашивая: «Она это серьезно?»; а кончики кудрявых волос из темно-бурого начали светлеть и отдавать красным, сливаясь с лицом их обладательницы.

Неловкую и явно слишком уж затянувшуюся паузу прервал глухой стук в дверь.

– Всем доброго дня, класс. Здравствуйте, Мартин, – обратилась к Фредерику вошедшая женщина лет тридцати пяти, чья стройная фигура была упакована в бежевый пиджак и коричневую юбку-карандаш. – Я не отниму у вас много времени. Джек Дауни и Тобиас Рокуэй! – огласила она и пробежалась взглядом по застывшим ученикам. Названные юноши встали у своих мест.

– Прошу вас обоих незамедлительно проследовать в кабинет директора.

Женщина сделала шаг назад, в сторону двери, кивком головы показывая, что требование действительно срочное. Укладывая в рюкзак пенал с канцелярскими принадлежностями, Джек наклонился к соседке и прошептал:

– Если я не вернусь, закопай на заднем дворе все мои личные вещи.

Из класса он вышел, чувствуя спиной блеклую улыбку Кэтрин.

Глава 3

Тишину огромной светлой комнаты с расположенным посередине дубовым столом нарушил звук рвущейся бумаги. Лысый мужчина, который, кажется, своими габаритами полностью соответствующий немалому размеру мебели, да и самого кабинета, протяжно вздохнул, склонившись над кипой листов.

– И что же мне с вами делать, молодой человек?

Сидящий напротив парень неопределенно пожал плечами и закинул в рот обрывок мятой бумажки, усердно его жуя. «Чтоб я подавился прямо здесь», – пронеслось в его голове, в то время как очередной кусочек таял под языком от размочившей его слюны, – «это же будет просто *сенсация*. Внимание, внимание, ученики худшей в Бостоне (да и в Массачусетсе, и во всей Америке) школы White School! Срочное объявление! Вчера один из учеников старшего класса по имени Джек Дауни подавился бумагой и задохнулся. Да, этот парень совершил СМЕРТЕЛЬНУЮ ошибку! А сейчас давайте взглянем на этого умору!» Картинки с невероятной скоростью сменяли друг друга и проносились в сознании Джека, но суть их он явно уловил: огромные плакаты с его посиневшим лицом на переднем плане, закотившиеся мертвые глаза и несколько ярких надписей под ними.

«Отсутствие средств – не помеха суициднику!»

«Бумажный скандал, первая смерть в стенах школы!»

«Несчастный случай или осознанное самоубийство?»

– Выдать аттестат и отпустить на свободу, – заключил Джек, бросая на директора короткие испытывающие взгляды.

– Глупая шутка, мистер Дауни. Я подумываю, что недельное отстранение от занятий будет подходящим наказанием.

Стоило этим словам вылететь из-под пухлых губ Лоуренса, и юноша болезненно содрогнулся. Неприятные образы, прятавшиеся долгое время в глубинах его памяти будто почувствовали «то-самое-время» и с новой силой выскочили из своих нор, являя омерзительные отрывки прошлого.

Узкий, ничем не освещенный коридор. Всюду разбросаны банки, бутылки, а в углу, между входом в кухню и ванной, кажется, лежат чьи-то вещи. Невыносимо воняет сигаретным дымом. От него вскоре начинает неприятно першить в горле, будто пропитанный никотином воздух корябает горло и оседает тонким слоем прямо на языке, глаза заволакивает слезная пелена, и дорогу приходится искать почти наощупь.

– Джеки, солнце мое! – грубым голосом зовет кто-то стоящего в проходе мальчика. Тот испуганно отшатывается, до боли щипая себя за кожу (а ведь после останутся некраси-

вые черточки-рубцы, которые можно будет обвести ручкой в какое-нибудь невиданное никем прежде созвездие), чтобы только не вскрикнуть от страха.

– Что заставило тебя прийти в мой дом, детка? Кончился хлебушек? А может, твоя мамочка привела дядю и велела тебе пойти погулять?

Худошавая женщина с зажатой в правой руке сигаретой отделяется от стены и ласково манит к себе ребенка.

– Не нужно меня бояться, тетя Мэг никогда тебя не обидит...

Откуда-то сзади, быть может, из спрятанной от посторонних глаз спальни, доносится звон бьющегося стекла. Джек пятится к двери, через которую только что вошел, и случайно задевает ладошкой торчащий в стене гвоздь. Из маленькой ранки вытекает пара алых капель, но мальчик не позволяет себе даже всхлипнуть. Прежде, чем он вновь собирался просить денег, мама раз за разом повторяла, что тетя Мэг добрая, и ее нельзя ни в коем случае злить. Хороших людей ведь расстраивать ни к чему, верно? Иначе они уже перестанут быть такими хорошими.

Дверь спальни распахивается, и на пороге вырастает огромная человеческая фигура, чуть покачивающаяся из стороны в сторону. Мужчина смотрит на мальчика сначала с удивлением, потом трясет мощной головой, поворачивается в сторону улыбающейся Мэг и скалится, получив в ответ легкий кивок. Корчит некое подобие улыбки и начинает громко хохотать, указывая на царяпину:

– Бедный мальчик! Тебе, наверное, бо-о-ольно... Хочешь, заражу тебя СПИДом?

Он тянет к заплаканному личику волосатые руки, но Джек срывается с места и пулей вылетает из квартиры. Вслед его крикам долго еще летят отзвуки безумного смеха.

Сцена первого визита Дауни к Мэг Стилсон блекнет, пропуская новую, более четкую и светлую картину на воображаемый экран.

– Сдохни, тварь! Вали из моего дома!

Женщина замахивается на несопротивляющегося и застывшего от ужаса подростка туфлей, и острый каблук пролетает в опасной близости от лица, слегка его задев.

А ведь она могла раскроить мне череп.

Или взять нож, чаще всего лежащий где-то у раковины, и вскрыть горло. Без колебаний и страха, с горящими от гнева и решительности глазами занести надо мной оружие и, подобно палачу средневековья, спрятать эмоции под тканевой маской. Ее бы оправдали, как умалишенную, но я бы вряд ли смог отметить это событие праздничным пунишем.

«Перестать так думать», – сморщился Джек, пытаюсь вернуться в нынешний разговор.

– ... не глуп, ведь понимаешь, что мистер Рокуэй активно участвовал в строительстве школы и регулярно перечисляет средства для ее содержания...

– Пожалуйста, только не отстранение... – прошептал парень, силясь подавить появившийся образ расвирепевшей Мэг, замахивающейся для удара. – Он виноват так же, как и я, а значит, это несправедливо. Я соглашусь на дополнительные занятия в классе после уроков или даже утром; могу брать листы с тестами и прорешивать их отдельно; принять участие в каком-нибудь очередном благотворительном концерте... Что угодно. Прошу вас.

– Боюсь, твои слова сейчас мало что значат. Учителя будут в курсе, ты свободен.

Джек выскочил из кабинета, на ходу закрывая рюкзак. «А этот чувак знает, как испортить жизнь людям», – подумал он и тут же ощутил сильный толчок в грудь. Инстинктивно отшатнулся, краем уха отмечая стук чего-то о плитку пола, и злобно уставился на врезающуюся в него девушку.

– Осторожнее! Под ноги смотри!

– Извини, – покраснела она, – я не...

– Засунь свои извинения... – начал было Дауни, но, вспомнив, где находится и чем карается сквернословие, выдохнул и зашагал к гардеробу.

Растерянная и возмущенная, девушка присела на корточки, отводя рукой от лица прядь рыжих волос и поднимая с пола оброненную грубияном мелочь.

В ее ладошку легла маленькая медная подковка.

Глава 4

В небольшом доме на пересечении Бейкон Стрит и Сторроу Драйв все еще горел свет. Одно лишь окно на втором этаже ярко светилось и, по сравнению с мрачной чернотой дома Робертсонов, казалось нелепо нарисованным пятном на фоне затихающего города. На улицах все еще яркими пятнами горели огни шоссе и перекрестков, и фонари мутнели желтым, раскрашивая уходящие вдаль улицы грязными тенями. Казалось бы, разве можно придумать лучше – приглушенный свет за окном, тихий шум проезжающих мимо автомобилей, свежее дыхание осени наполняет легкие через приоткрытую форточку... Лечь бы на холодные простыни и забыться долгим сном, что-то обдумывая и рассчитывая в уме или же просто с головой погрузившись в кавардак мыслей, не пытаясь разобрать их и получая истинное наслаждение от воцарившегося хаоса. И все же кому-то не спалось.

Рэйчел Робертсон спрыгнула с кровати, кубарем скатилась на ложе сестры и, закинув ноги на стену, вопросительно посмотрела на Хлою, которая, хоть и была ее старше всего на каких-то там четыре года, уже носила пирсинг и одевалась так, словно собирается прожить всю оставшуюся жизнь без родительского контроля. В ответ на такую выходку раздалось сонное и несколько даже раздраженное мычание:

– Чего тебе, Рэй?

– Да так... Почти ничего, – девочка замолкла, давая ей время прийти в себя после легкой дремоты, и затем продолжила на удивление громко и звонко:

– Скажи, смогла бы ты опознать человека, допустим, примерно твоего возраста, который учится в нашей школе?

– Опознать его труп? – улыбнулась блондинка, полностью развернувшись и напустив на себя как можно более загадочный вид. В карих глазах ребенка вспыхнул ужас:

– Нет, что ты! Его личность по внешности, конечно. Он был одет в такую темную толстовку с капюшоном, я еще подумала: «Как ему не жарко, бедняга». А еще у него темные густые волосы, немного кудрявые, и серый рюкзак.

Хлоя высокомерно взглянула на сестру и наклонилась к ней еще ближе, так, что Рэйчел почувствовала ледяной укол от прикосновения серег-колец к своей шее. На самом деле, этот вопрос в течение всего дня наводил на Робертсон уныние и странную грусть; то ли вспоминалась грубость, с которой незнакомец с ней говорил, то ли собственная нелепость и неуклюжесть заставляли краснеть снова и снова...

– Кажется, я знаю, кого ты имеешь в виду, пчелка. Он учится в моем классе – Дауни Джек.

Рыжеволосая подавила в себе дикое, требовательно рвущееся наружу «не называй меня так» и полностью обратилась в слух, от нетерпения покачивая ногами в разноцветных носочках. Время на часах давно перевалило за полночь.

– По крайней мере, это единственный из моих знакомых, подходящий под описание. Только вот зачем он тебе сдался? Неужели ты...

Хлоя победно улыбнулась и села чуть поодаль от сестры, наблюдая за ней с присущей хищникам внимательностью. Ее ставшие львиными глаза задержались на смущенном личике (ночные тени так кстати перекрывали собою его настоящий цвет, что нельзя было определенно сказать, изменился ли хоть на каплю его оттенок).

– Нет, даже думать об этом не смей! – рассердилась младшая из Робертсонов и вцепилась что есть силы в наволочку своей подушки. Секунда – и мягкий квадрат превращается в оружие, приземлившись прямо на макушку умолкнувшей девушки. Та принялась отчаянно бороться и высвободить запутавшиеся из-за небольшой застежки волосы.

Рэйчел вернулась в положение ноги-стена, решив не дожидаться рассерженного шепота сестры – наверняка громкие вскрики родители случайно могли услышать. «Какого было бы их удивление, – подумала она про себя, – если бы они узнали, что «юные леди» давно не спят и занимаются обсуждением... О чем мы вообще говорим?»

«Ах, да, я зачем-то пытаюсь узнать хоть что-то о том парне, с которым столкнулась в коридоре, потому что моя чистейшая совесть не позволяет оставить себе ЕГО ВЕЩЬ.

Ведь мамы всего мира будут теперь являться ко мне во снах и наперебой причитать: «На чужом добре счастья не построишь! Ты можешь оставить эту безделушку себе, и через месяц-другой она затеряется в твоём шкафу, заживо похороненная массой скопившихся там вещей, или... ты найдешь настоящего владельца и вернешь. Вернешь немедленно».

Девочка представила, как сотни разъяренных женщин, одетых в старые рваные тряпки, босиком и с копнами невымытых колтунов вместо волос ползут со всех сторон, тянут к ней худые, покрытые пятнами руки. Как одна из тех, кому удалось подобраться максимально близко к веснушчатому лицу, вонзает обгрызанные ногти в мягкое плечико и наклоняется к самому уху, опалая кожу смрадным дыханием, и хрипло стонет: «Вернешь...». И Рэйчел будто наяву чувствует исходящее от женщины зловоние и прикосновение к себе страшных костлявых пальцев.

Мягкая пяточка розового носка начала тереться о шершавую поверхность обоев.

Все то время, пока маленькая-проблема-семьи рассматривала белоснежный потолок, видимо, глубоко погрузившись в собственные мысли, Хлоя выбиралась из своей ловушки, опасаясь повредить остро заточенные ногти.

– И зачем тебе нужен Джек? – пропыхтела она наконец и отбросила в сторону ненавистную подушку. – Личный интерес или что-то еще?

Рэй медленно вынырнула из задумчивого облака и повернулась к говорящей, начиная бурить карим взглядом маленькое колечко в ее носу. Мысли никак не хотели выстраиваться в ровную линию, и теперь девочка барахталась между ними, то и дело ухватываясь руками за одну, а после тут же ее отпускала и принимаясь за другую. И так снова и снова, пока особо сильная волна не захлестывала с головой, погружая под воду ее тело и не позволяя ей вырваться, а некогда спасительные островки тыкались в живот, грудь и ребра, отдаваясь в ушах мерзким бульканьем.

– Я... – пробормотала рыжеволосая, когда комната перестала казаться темным морским дном, и перед глазами чуть посветлело. – Это долгая история, – загадочная улыбка разорвала продолжительную паузу, и, усевшись ближе друг другу, «юные леди семьи Робертсонов» тихо перешептывались, время от времени поглядывая на приоткрытую входную дверь.

– Черт возьми, ты серьезно? – Хлоя силой подавила рвущийся наружу смешок, и тут же прикрыла рукой рот, понизив голос. – Нет, ты это серьезно, правда? Так заморачиваться из-за какой-то подковы?

– А вдруг она ему нужна? – парировала Рэйчел, уперев кулачки в щеки и поджав губы. Теперь идея возвращения найденного показалась такой непрочной, с каждым словом все более и более расшатывающейся из стороны в сторону башней, готовой обрушиться на маленькую голову. – Вдруг эта какая-то дорогая ему вещь, что-то вроде моего блокнота или твоих наушников? То, без чего ему ОЧЕНЬ ПЛОХО? Или это не его вовсе, и он должен вернуть ее в срок, иначе возникнут проблемы, а теперь...

– А теперь успокойся, пчелка. Ты слишком сильно беспокоишься из-за пустяков, – превратилась ее блондинка и встала с кровати, чуть не стянув вслед за собой одеяло. Посмотрела на себя в зеркало, глубоко и широко зевнула и засунула стопы в мягкие тапочки. – Выпьем чаю?

Рэйчел недоуменно посмотрела на сестру, уже направившуюся к двери, и прошептала:

– В такое время?

– По-моему, время – полная чушь, согласна? С какой стати кто-то поставил временные рамки на наши действия? То есть завтрак должен быть утром, а вечером – исключительно ужин и ничего кроме? Глупости – вот, что я думаю. А если кто хочет покончить с собой, неужели он будет дожидаться определенного часа? Нет, потому что в этом нет смысла, – выпалила Хлоя, переходя с шепота на недовольное тихое ворчание и обратно. Голос ее из мягкого и певучего сразу стал грубее и звучнее, таким, что каждое сказанное слово вдальблывалось в подсознание собеседника, а затем крутилось в нем и отдавалось эхом в ушах. Но, осознав, что немного заболталась, и разговоры о висельниках-самоубийцах на ночь могут плохо повлиять на детскую психику, она добавила, как бы извиняясь или оправдываясь:

– Чай поздней ночью гораздо вкуснее.

Рэй весело сверкнула глазами, прыгнула с мягкой простыни, поддаваясь свойственной всем детям беззаботности, и сестры направились в сторону кухни, едва сдерживая рвущиеся наружу смешки и не переставая грозно «шикать» друг на друга, как будто только это способно было усмирить хотя бы одну и приглушить разгорающееся внутри веселье, какое нахлынет волной в самое замечательное время, будь то обыкновенный вечерний чай или лучшая в мире медовая вафля в самом дорогом ресторане какого-нибудь вычурного Парижа.

Глава 5

Несколькими днями позже Рэйчел бодро шагала по парковой аллее. Рыжую копну волос то и дело трепал легкий осенний ветерок, подошвы кроссовок весело шлепали по чуть влажному после дождя асфальту, и настроение было просто великолепным. Давно в Бостоне не припоминали таких теплых дней, тем более сегодня юная Робертсон выполнит свой священный долг – избавится от этой ненавистной ей подковы, а вместе с ней и от гложущего чувства вины.

Ты слишком сильно заморачиваешься по пустякам...

«По-другому будет скучно», – вывела она в своем маленьком блокноте во время семейного ужина. «Если не задумываться о мелочах, станет неинтересно жить». Привычка вести регулярные записи появилась у нее с того самого ночного разговора с Хлоей, то есть около недели назад, однако для Рэй эти дни медленно ползли, подобно дождевым каплям на оконном стекле. Если бы не отвратительная погода, девочка, не задумываясь, вскочила бы с места и направилась напрямик к дому Дауни (благо, адрес ей подсказала сестра), чтобы, наконец, увидеть его и признаться: «Да, это я взяла то, что принадлежит тебе, да, это я наткнулась на тебя в коридоре тем днем и до сих пор жалею об этом, а теперь забирай ЕЕ, забирай, иначе я брошу прямо тебе в лицо».

К счастью, девочка записывала не все, о чем думала.

– Прекрасная погода... – пробурчала Рэйчел, когда ей на плечо приземлился очередной сухой лист. – Идеальная для того, чтобы забыть всю эту историю.

Подарок осени был тут же отправлен в полет небрежным движением руки, и Робертсон погрузилась в глубокую задумчивость, вынырнув из нее, лишь когда оказалась перед лестницей к входу в дом.

С виду он был непримечателен: кирпичные стены с какими-то черными пятнами краски в некоторых местах, уныло выглядывающее из углубления окно без штор (*полное отсутствие приличия*, по словам Марго Робертсон) и черный смоляной фонарь около деревянной двери с металлическим глазком посередине. «Интересно, зажигают ли фонарь каждую ночь?»

– почему-то подумала про себя рыжеволосая, поднимаясь по плотным ступеням. Наверное, иначе

монстры, отвратительные и ужасающие, приходят в дом к Дауни и играют с ним в карты на его душу, и поэтому он такой мрачный и безрадостный

из него просто выкрутили бы лампочку. Совсем нет ничего страшного, верно?

Рэйчел занесла кулак, и уже было первый удар глухо отразился от дерева, как рука замерла в воздухе.

«А если он прогонит меня? Обсмеет или опозорит, а после расскажет всем своим знакомым (да и незнакомым тоже), и те будут шептаться и показывать на меня пальцами... Может быть это и не его вещь, она могла зацепиться за замочек от рюкзака, ее могли подкинуть, нарочно спрятать, а я подумала...»

Робертсон крепко зажмурилась и нащупала в заднем кармане подкову. Взяла ее во вторую ладонь и, стоило холодному металлу прикоснуться к нежной коже, кулак дернулся, набрал силу и врезался в дверь. И еще раз. И еще.

Тук – тук – тук, Рэйчел, назад пути нет

Послышался быстрый топот ног, словно кто-то опрометью несется через комнаты, перескакивает вещи прыжками (шаги тогда затихают, раздается стук, и бешеный бег продолжается снова), очень спешит, *почему-то ужасно торопится*, желая поскорее встретить незваную гостью. Дверь неприветливо распаивается, и девочке приходится отступить на пару шагов, чтобы не получить еще один подарок, но не от осени, а на этот раз от Джека Дауни, стоящего перед ней.

Волосы парня выглядели взъерошенными, сонные глаза лениво блуждали по открывшемуся виду на улицу. Казалось, он специально не поворачивает голову в сторону пришедшей, и не просто не желает никого видеть, так еще и уши готов закрыть руками (или даже вырвать, и *ничего не слышать*) для избавления от ее тихого, немного растерянного приветствия:

– Эм... Привет, я...

– Что-то срочное? – резко перебил ее Джек, по-прежнему почему-то избегая зрительного контакта и то и дело оборачиваясь назад, туда, где темнел вход в коридор.

Поначалу девочка не поняла сути вопроса и глупо уставилась на брюнета. «О чем это он? Где же вежливость и манеры, где заходи-присаживайся-не-хочешь-чаю? Он что, просто...»

просто издевается?

– Я хотела отдать...

– Ты пришла в **ОЧЕНЬ** неподходящее время, – снова отрезал Дауни и, проверив в очередной раз мрак за своей спиной, продолжил, – так что давай отложим болтовню на потом. Мне некогда. Быть может вечером... да, в парке, часиков в семь. А теперь мне пора. Жду не дождусь нашей встречи.

Рейчел уже открыла рот, чтобы закричать на него, выразить все свое недовольство, сказать этому мерзавцу: «Неужели ты даже не спросишь, зачем я здесь? Это ведь в твоих интересах – получить свою несчастную подкову! Как будто к тебе часто приходят гости! Ты невоспитанный хам, Дауни, который *испортил мне настроение!*» Но не успела – парень схватился за ручку, и дверь стремительно понеслась назад, оглушив стоящую у порога громким хлопком.

Девочка недовольно топнула ногой и хотела снова постучать, но резко остановилась. «В доме могут быть люди», – размышляла она, нерешительно двигаясь по улице в неясном ей самой направлении. «Ты помешаешь, если будешь ломиться – или уже помешала – иначе почему ОН так странно себя вел? Как будто боялся чего-то... Но это теперь не имеет значения. Надо решить, куда идти».

Все зависит от того, куда ты хочешь попасть

Жаль, что у Рэйчел нет собственного чеширского кота и личной сказки, где она получит все, чего только пожелает.

Короткий взгляд на дисплей мобильного – время всего четыре часа дня, то есть скоротать придется немало. Девочка в который раз мысленно обругала Джека и направилась в сторону книжного магазина, своими яркими синими вывесками притягивающего прохожих. Разве нет чего-то лучше, чем прогуляться по рядам с сотнями книг, затеряться где-то между полками и, возбужденно водя глазами по блестящим обложкам забыться, начать читать, погружаясь с каждым мигмом глубже и глубже в вымышленный автором мир? Тем более когда время не поджидает, как обычно (прогулки по книжным лавкам Рэй могла позволить себе только в выходные), а балует своим количеством, позволяя распоряжаться как угодно подаренными минутами...

Предвкушая удовольствие от выбора (и, возможно, даже покупки) книги и таком своеобразном времяпрепровождении, Робертсон распахнула белоснежную дверь и твердой походкой двинулась к дальним полкам, желая обойти все и не обделить вниманием ни один роман, напрочь забыв о встрече в парке, недавнем инциденте и своей бесконечной, но, как оказалось, не такой уж и сильной злости на Дауни.

В то время как расстроенная Рэйчел покидала порог дома Джека и утешала себя всевозможными способами, парень тихо прокрался на кухню и уже две минуты стоял у холодильника, замерев и напряженно прислушиваясь к ворчанию мотора за окном.

«Мэг вернулась? Нет, не неси чушь, Джон или Майкл или кто-то там еще привезет ее только к вечеру, когда меня здесь не будет. Тогда почему я сомневаюсь? Можно же выглянуть из-за двери, всего на секундочку, и посмотреть, кто же приехал – вероятность попасться очень мала, но она всегда есть. Давай, Джек, перестань вздрагивать от каждого постороннего звука!»

Парень потянулся к лежащему на полупустой полке банану, держа вход в дом под постоянным наблюдением.

Знаешь, почему ты боишься? – зашептал предательский голосок в его голове. *Все просто, как дважды два, Джеки. Страх – постоянное твоё состояние, так тебе комфортней и легче жить. Ты привык к ЕЕ сумасшедшим выходкам, и потому тебе проще бояться все время, без перерывов на рекламную паузу... Никогда ведь не знаешь, с чего начнется следующая серия – накормит она тебя тортом или разобьет об стену бутылку в опасной близости с перепуганным лицом, попытается наброситься или завалится пьяная и тут же рухнет в коридоре. Проблема в том, что ты знаешь цену временного спокойствия, только и всего. Понимаешь, что, если Мэг приведет друга – возможны побои, или чего хуже. Сама же она не представляет из себя опасность для жизни, её женская вечно дрожащая рука не поднимет что-то тяжелее чугунной сковороды. А ты всегда сможешь убежать от НИХ. Что бы ни случилось, черт возьми, ты убежишь, и ничего плохого не произойдет, а потом ОНИ забудут про тебя, и ты вернешься через окно в свою комнату, и уснешь, только перестань думать обо всем этом.*

Ты же не боишься ИХ, Джеки?

Не боишься ЕЕ, правда?

Они не имеют права причинить тебе зло или навредить, и мы с тобой прекрасно об этом знаем, такие мысли придают нам уверенности и не позволяют окончательно свихнуться...

Тогда почему ты все еще дрожишь и до сих пор вслушиваешься?

Джек несколько раз моргнул и сфокусировал блуждающий взгляд на открытом нараспашку холодильнике. Интересно, как долго он стоит здесь и препирается со своим внутренним «Я»?

Не желая больше терять ни секунды, парень проворно схватил банан, захлопнул небольшую дверцу и осторожными шагами направился в дальнюю комнату.

– А недельное отстранение – не такое уж плохое наказание, – подумал он вслух, чуть вздрогнув от такого приглушенного звука собственного голоса, и довольно растянулся на кровати, откусывая первый кусочек сладкого фрукта.

По крайней мере, есть время подумать, да, Джеки?

Например, о вреде той-самой-всего-одной-сигареты-в-день.

«Это мелочи, так ведь? Эта маленькая тайна

раньше срока сведет тебя в могилу

никому не повредит, к тому же всего одна штука ничего не изменит. В моей жизни шансов умереть от чьей-нибудь тяжелой руки в десятки раз больше, нежели заполучить рак или болячку в этом роде. Тем более сегодня я постараюсь воздержаться. Что там дальше по списку?»

Спланировать следующий визит на кладбище. Так, чтобы Мэг не догадалась.

«Как-нибудь на следующей неделе. Если ОНА узнает о наказании, то быть может немного разозлится, а вот о маме... Не стоит близко подходить к клетке со львами, если от тебя за километр разит свежим мясом и ты не уверен, закрыт ли сегодня засов».

А как же встреча в парке? Ты ведь не забыл о ней, Джеки?

«Рыжая девчонка? Да, я помню. Интересно только, что ей нужно от меня? Если бы ее послала Кэти или Роджер – другое дело, но они бы заранее позвонили. Значит, сама пришла».

Чем тебе поможет знакомство с малолеткой? Будешь обмениваться с ней фантиками или обсуждать новые сериалы? Нет, это бред какой-то, прощай

«прийти в парк чуть раньше и смыться оттуда под предлогом нехватки моего времени и ее отсутствия. Блестяще!»

Джек дожеввал последний кусочек банана и разблокировал телефон, отмечая время на небольшом черном экране и устанавливая сигнал на 6:30 вечера. Прделав это, парень откинулся на подушки и натянул одеяло по самую шею. Больше никаких отвлекающих мыслей, ничего плохого, только сладкий послеобеденный сон, который в любую секунду может нарушить скрежет входной двери или, чего хуже, шлепки чужих ног по полу.

Топ-топ... – раздалось где-то в воображении, но так явственно и правдоподобно, что Дауни приоткрыл один глаз, готовясь подобраться и тут же вскочить с места.

Топ-топ... – совсем близко, так, что снова приходится насторожиться. Это всего лишь стук сердца, Джеки, его же не выключишь по одному щелчку, правда? Иначе зашипит, как телевизионный экран в пятницу вечером, и вскоре совсем погаснет, так и не показав ночной матч.

Топ-топ... – и сердечная мышца оборвалась; звук шагов отразился от стен полупустой квартиры, как цокот заведенных часов-маятников. И снова тишина, гложущая изнутри и пугающая до тряски костей своей тяжестью – именно такую, наверное, и включают в страшных фильмах, чтобы зрители могли слышать только свое и чужое дыхание, шевеление грудных клеток, биение пульса прямо в голове. Мелодия собственной плоти гораздо страшнее, и они умоляют мысленно, чтобы уже закончилась эта отвратительная для ушей сцена, и раздались крики, смех или пусть даже обыкновенный всхлипы – только бы не эта ненавистная тишина.

Топ-топ..

Глава 6

Если долго смотреть лжецу в глаза, он не сможет продолжать обманывать. Ведь поддерживать зрительный контакт и одновременно с этим сочинять крайне сложно – более того, ложь будет звучать сухо и совершенно неубедительно. Именно так считала Мэг Стетлер, и, когда вошла в квартиру, обнаружив спящего Джека у себя в комнате, бесцеремонно схватила его за волосы:

– А теперь немедленно объясни мне, почему директор школы только что позвонил мне с жалобой на твое поведение?

Женщина намертво вцепилась в темные пряди еще сонного, но уже отчаянно вырывающегося мальчишки, и что есть сил заорала, с каждым словом все сильнее и сильнее оттягивая волосы.

– Почему он позвонил мне? Ах, да, наш малыш ПЛОХО СЕБЯ ВЕДЕТ!

Мэг сделала рывок в сторону, желая сбросить провинившегося с постели, но, когда услышала его жалобные стоны, продолжила, как ни в чем не бывало:

– Нравится распускать кулаки? Тогда чего ты ждешь, Дауни, давай, врежь мне, сделай, что умеешь! Почему же сейчас ты *уже не такой смелый*?

Женщина бросила на раскрытое настежь окно короткий, но расчетливый взгляд. Джек встретился с тетиными грязно-коричневыми глазами и на миг время для него вновь остановилось. Совсем как тогда, посреди ненавистного школьного коридора, но в прошлый раз за этим, казалось бы, секундным промедлением последовал приток сил. Теперь же отчетливее видна была каждая тоненькая ресничка Стетлер, ее вздернутая в яростном припадке губа, дряблые щеки и пожелтевшие от курения, едва виднеющиеся из-за приоткрытого рта, зубы. Всем своим видом она словно говорила: «Даже не вздумай закричать, парень. Мы оба знаем, чем *это* может закончиться, правда? Так что давай без глупостей, иначе я потрачу уйму своего драгоценного времени, рассказывая прохожим, как ты случайно прищемил дверью палец и неистово орал».

Они смотрели друг на друга чуть больше минуты, и, когда Мэг прочитала понимание и повиновение во взгляде напротив, рванула снова и сильной рукой закрыла последний-шанс-на-спасение-Джека-Дауни.

– Неужели ты до сих пор не понял, что твое существование в этом доме – не более прихоти моей доброй души? – тихо начала она после этой, кому-то показавшейся вечностью, паузы. – Я кормлю тебя, дарю тепло и крышу над головой, и вот чем ты решил мне заплатить? Так ты благодаришь свою тетю, Джеки?

Парень терпел, когда острые ногти прошлись по коже на макушке, терпел, в то время как ОНА снова и снова бросалась на него, брызжа ядовитой слюной, но стоило слезам боли выступить на глазах, Дауни начал сопротивляться. Выбрав удобный момент, извернулся, несмотря на хруст вырываемых с корнем волос, и всем своим телом навалился на ошарашенную противницу, сбивая ее с ног и не позволяя подняться.

– Отпусти меня, урод! Живо слезь, иначе я вспорю тебе глотку ножом, и ты очень пожалеешь об этой выходке!

Джек изменил свое положение, по-прежнему не реагируя на выкрики и угрозы, и посмотрел в сторону выхода из комнаты. Вон там, в сером сумраке, должна быть спасительная дверь, нужно всего лишь...

«Успеть, вот, что тебе *действительно* нужно. Ты уже не маленький мальчик, которого она не ударит за просто так, нет, чувак, тебе скоро восемнадцать. Ни для кого не секрет, что будет, если ты сейчас смоешься и оставишь ее – вряд ли после этого ты сможешь вернуться сюда».

Но ты знаешь кое-что наверняка: если покажешь себя слабым, она накажет тебя. Или даже убьет. Теперь точно может убить, Джеки, и ты сам виноват в том, что разозлил голодного зверя. Им положены клетки. Так может ты оставишь ЕЕ наедине с железными прутьями? Кажется, тебе пора на выход. Посещение зоопарка несколько затянулось.

Более не медля ни секунды, парень сгруппировался, ожидая возможного удара, и дернулся вправо, к заветному выходу и свободе. Он уже мысленно распахивал дверь дома, вылетая в осенний вечер, слышал быстрый победный топот ног по дороге, вдыхал влажный, пахнущий травой и гниющими листьями воздух...

Костлявая рука вцепилась в запястье Джека, не давая ему сдвинуться, и на мгновение Дауни увидел повернутое к себе женское лицо. Глядя на него, на искаженное злобой и ненавистью выражение, на прилипшие к потному лбу пряди волос, он подумал: «Она ни за что не позволит мне вернуться».

Резкий рывок, и кожа тут же отозвалась острой болью.

Еще один – до серебристой ручки меньше метра.

Последний, и от свежего городского воздуха чуть не закружилась голова, а Джек все бежал и бежал, слыша за собой крик Мэг, по-прежнему несясь без остановки, перепрыгивая ямы и расталкивая идущих людей. Стюарт – Стрит, следом Арлингтон, Тремонт...

Только убедившись, что погони не намечается, и дом давно исчез вдаль, скрытый фонарными столбами, деревьями и перекрестком, он остановился, судорожно глотая воздух.

«Такому не учат в колледже или школе, это уж точно. Можно часами грызть корки книг по физической культуре и упасть в грязь на первом же повороте... Лучше не думать о том, что случилось бы, упави я где-нибудь недалеко от НЕЕ».

А что теперь, Джеки? Тебе некуда идти.

Парень взглянул на наручные часы и вздохнул. Еще полчаса до этой импровизированной встречи в парке, а он без сотового и совершенно не знает, как скоротать время. Лучше и быть не может.

Посуди сам, ведь теперь тебе не придется убежать от этой девчонки и предстоящего с ней разговора – скука не позволит. И что бы ты там сейчас не говорил, это правда, ведь твое подсознание машинально отторгает одиночество и приветствует любое общение, будь то даже простой секундный контакт. У тебя нет выбора, конечно, если ты не хочешь вернуться обратно. Радужные объятия и вкусный ужин – по-моему, тебе не следует ожидать чего-то особенного. Чего-то хорошего.

– По-моему, общением с людьми я уже сыт по горло, – усмехнулся Дауни, поднимая поврежденную руку на уровень глаз. Проходящая мимо женщина в бежевом пальто недоуменно посмотрела на парня, что-то пробормотала про себя, и ускоренным темпом двинулась дальше.

Джек вздрогнул и подпрыгнул на месте, когда ему на голову плавно опустился оранжевый лист. Немного придя в себя и успокоив бешено колотящееся сердце («А вдруг это была бы ОНА, бросилась за мной и, увидев, что я остановился, напала сзади, схватив за шкуру и, как строгая мать, причитая на всю улицу, волокла бы к дому, а там...»), он смахнул мусор и, бодро развернувшись, пошел по Тремонт – Стрит к бостонскому парку.

Едва миновав полукруглую арку входа с выведенным на ней белой краской «Добро пожаловать» и огромный разноцветный стенд с подробным расписанием мероприятий на всю будущую неделю, Джек огляделся по сторонам. Всюду, куда только падал взгляд, пестрели трехцветные дубы; некоторые из них были сплошь зеленые, и сухое дыхание осени не успело их коснуться, кое-где на других верхушки уже пожелтели, а растущие вдоль заасфальтированных дорожек кусты полностью иссохли, став похожими на уродливые колючки. Немного спереди из-за редкой листвы выглядывал серый памятник, жаль, его название по-прежнему остается для парня загадкой, ведь урок истории на свежем воздухе он благополучно прогулял.

мы ведь никогда не упустим возможность упустить возможность, верно?

Вновь смерив статую печально-холодным взглядом, Дауни продолжил прогулку, внимательно вглядываясь в лица сидящих на лавочках. Какое-то странное и навязчивое чувство все более и более нарастало, стремясь полностью его поглотить – казалось, что именно сейчас,

здесь, в этом несчастном парке, что-то должно случиться, нечто крайне важное и значимое; и теперь он слишком внимательно и подозрительно смотрел на людей, напрягал слух, готовясь получить какой-либо сигнал, будь то простой удар в плечо или звук знакомого голоса... «Привет, паранойя», – подумал Джек, увеличивая скорость ходьбы, но тут же себя одернул. «Тебе некуда спешить, идиот. Ты умудрился вляпаться в сильнейшие неприятности, но это ничего, *нужно лишь дать ЕЙ остыть*, и все будет в полном порядке».

Брюнет плелся по подметенной аллее до тех пор, пока не увидел свою новую знакомую на одной из скамеек. Она что-то быстро печатала в телефоне, временами не сдерживая улыбку и выпуская из себя тихий смешок, из-за чего запроваленная за ухо прядь рыжих волос то и дело попадала ей в глаза. Синяя джинсовая куртка была распахнута, своей длиной почти перекрывая черную, доходящую до колен, юбку. Обыкновенно люди сидят с кислыми лицами на этих самых скамейках, подложив под себя какую-нибудь кофту или сумку и таким образом спасаясь от холода; поднимают грустные глаза к небу, и в двух бездонных стекляшках отражаются серые облака и изредка расчерчивающие их точки-птицы; а эта улыбается, как будто ей далеко не все равно, и так странно смотреть было ей в лицо, будто в том есть что-то запретное или стыдное.

Пока есть время – беги, Джеки, и к черту эти детские игры. Общение с ней не принесет...

Дауни уже было хотел нырнуть за растущее неподалеку дерево и медленно, шаг за шагом, пятиться к выходу, чтобы остаться незамеченным, но девочка оторвала глаза от дисплея и обвела взглядом аллею. Приветливо улыбнулась, поправив непослушные волосы, и помахала рукой застывшему в полной нерешительности парню.

Ты упустил шанс на спасение, чувак. Теперь тебя ждет смертная скука, сопровождаемая щенячьим блеском в глазках этой рыжей.

– Привет, меня Рэйчел зовут, но сокращенно – Рэй, – поздоровалась она, освобождая половину места для пришедшего. – И, между прочим, *я здесь уже очень давно. Жду тебя.*

– Да, я знаю. Приношу свои извинения, – съязвил он и театрально откланялся, усаживаясь рядом. – Так о чем же ты хотела поговорить – неужели это было настолько срочно, что ты не поленилась прийти в мое скромное обиталище?

– Помнишь, мы однажды виделись в школе? – осторожно начала девочка, засовывая руку в карман джинсовки и ощущая уверенность при сжатии в ладони лежащей там подковы. Джек ухмыльнулся и уже открыл было рот, но тут же оказался бессовестно прерван пылкой речью. – Наверное, ты сейчас скажешь: «Вообще-то я учусь в ней одиннадцать лет, а ты, быть может, пять или шесть», – и я легонько тебя ударю, потому что перехожу уже в восьмой класс, и мне далеко не двенадцать. Но затем ты снова продолжишь, вернувшись к сути вопроса, ведь вероятность нашей встречи в помещении школы очень велика, и, наверняка, мы уже не раз друг друга встречали...

Рэйчел выпалила все это почти на одном дыхании, отчаянно жестикулируя и не желая показаться глупой в чужих глазах. «Ты думаешь, что говоришь с ребенком, Дауни, хотя разница в три, четыре или сколько-там года не делает тебя взрослым».

– Я не собирался придираюсь к твоим словам, – поправил ее парень и прервал этот, возможно очень долгий и неинтересный, монолог. – Меня больше беспокоит причина твоей настойчивости.

– Ах, точно... Так вот, когда мы столкнулись в коридоре несколько дней назад, ты обронил кое-что...

– То есть это ты та самая рыжая, которую я очень вежливо попросил отвязаться и в чужие дела не совать нос?

Джек громко хохотнул и впился глазами в новую знакомую, отмечая детали ее внешности. Ну, конечно – те же самые веснушки, покрывающие щеки, зеленоватые с ореховыми вкраплениями глаза, плотно сжатые, но постоянно растянутые в улыбке губы, голос... Как можно было раньше всего этого не заметить?

У тебя были дела куда важнее, помнишь?

– Почему твое «рыжая» звучало как оскорбление? – насупилась Рэйчел и встала с лавочки, теперь возвышаясь над брюнетом.

– Каждый воспринимает фразы так, как ему больше нравится. Это психология, рыжик, и ты...

– Как ты только что меня назвал?!

Не дожидаясь обидного подзатыльника или пинка, Дауни сорвался с места и побежал по аллее, иногда оборачиваясь назад и смиряя догоняющую победным взглядом. «Эта пробежка куда лучше той, правда?» Девочка старалась не отставать, но слезы смеха делали свое дело, и она остановилась в нескольких метрах от Джека, все еще смеясь и пытаясь отдышаться. Дауни подскочил к ней и пропел прямо над ухом:

– А ты редко балуешь себя физическими упражнениями. Может, тебе стоит всерьез заняться спортом?

Робертсон слабо замахнулась на него. «Ты не ошиблась, пчелка», – раздался в ее голове голос Хлои, услужливо озвучивающий непрошенные мысли. «Он, конечно, не подарок, и характером не блещет, но друг из него ничего так. На твердую тройку».

– Сделаю вид, что не слышала этого, – парировала девочка, как вдруг радостно облизнулась, краем глаза заприметив тележку мороженщика. Удивительно, что в такой поздний час он еще не повесил тяжелый замок на свой белоснежный вагончик. Джек сунул руку в карман, почти выпотрошив его, и извлек оттуда мятую десятидолларовую купюру.

Это почти все твои сбережения, Джеки, и ты решил потратить их на сладкое для себя и какой-то (как ее там зовут, надо бы вспомнить) Рэйчел. Сейчас не время для благородства, особенно если ты собираешься провести эту ночь неизвестно где без единого цента и крошки хлеба на ужин

«Уверен, оно того стоит», – успокоил себя парень и ровным шагом направился к продавцу.

– Какое будешь? – спросил он девочку, и в ту же секунду был по уши засыпан извинениями и бормотанием:

– Да нет, что ты, я просто... Просто увидела, только и всего... И вообще, я равнодушна к мороженому и всякому такому...

– Если не хочешь брать его, как угощение или подарок, сделаем так: сегодня я куплю два рожка, а в следующий раз придется заплатить тебе. Идет?

– Конечно! – снова повеселела пристыженная некогда Рэйчел и с важным видом нависла над прилавком. Каких только вкусов не предлагал купить этот полноватый мужчина в смешной приплюснутой сверху шапочке – темно-желтое «лимонное», белоснежный «пломбир», сливочное с шоколадной крошкой, манящее фиолетовым «черничное», «банановое», «персик»... Казалось, глаза уже готовы разбежаться, а сделать выбор не так уж и просто. Слишком много притягивающих цветов, слишком яркие образы подбрасывает одурманенное открывшимся видом воображение, ведь можно вечно думать о покрытом взбитыми сливками стаканчике с холодным лакомством, или же горе различных шариков в глубокой розовой миске...

Тишину нарушил поежившийся от порыва ветра мороженщик:

– Никак не можете выбрать? С моей дочерью та же беда – как увидит в магазине полки с конфетами или печеньем, замирает около них и всматривается, оценивает каждую пачку, а простоять так может с час и больше!

– А я, сэр, пожалуй, все же определился, – подал голос Дауни и указал пальцем на коричневую массу, – одно шоколадное.

Мужчина удовлетворенно кивнул и медленно натянул прозрачные перчатки, изогнутой ложкой начиная соскребать десерт в вафельный рожок. Прodelывая все это, он бросал на обоих своих покупателей короткие удивленные взгляды.

– Знаю, что не должен этого говорить, но... в такую-то погоду... и мороженое... Признаюсь честно, хотел уже было уезжать из города – к счастью, эта малышка моя собственная, – мужчина гордо указал кончиком локтя на свой вагончик, но после несколько помрачнел и добавил с нескрываемой грустью:

– Эмили просила не закрываться до первых дождей. А там что будет, как знать...

Он демонстративно вздрогнул и передал лакомство Дауни. Тот выглядел снова помрачневшим и равнодушным, а вот его спутница дружелюбно улыбнулась и поспешила восторженно пояснить:

– Моя сестра говорит, что временные рамки, придуманные людьми – полные глупости. Не важно, жарко сейчас или такой холод, что зуб на зуб не попадает, главное искренне хотеть, и тогда любое, даже самое абсурдное на первый взгляд действие будет казаться нормальным. Человек не обращает внимания на помехи и прочие препятствия, когда чего-то отчаянно желает, верно?

– А вы абсолютно правы, юная леди, – ответил ей мужчина, теперь замерев над прилавком с ложкой и новым, на вид хрустящим и очень аппетитным рожком. – Каким вкусом я смогу вас порадовать?

Рэйчел прикусила губу и в последний раз пробежалась глазами по контейнерам с названиями – этикетками. «Ну же, не испытывай судьбу и не заставляй его ждать тебя. Ты же помнишь, что он все еще с недоверием к тебе относится и может в любую секунду развернуться и уйти прочь, так что... Выбери уже это чертово мороженое!»

– Черничное, пожалуйста.

– С вас пять долларов, – произнес, наконец, продавец, протягивая десерт девочке и в ожидании теребя пухлыми пальцами пуговицы плаща. Казалось, что он хочет поскорее получить сумму и избавиться от этих странных людей, поведение которых предсказать невыносимо, ведь, если они в эту же секунду бросятся бежать, догнать их будет невероятно сложно.

Джек рассчитался и засунул сдачу в карман, небрежно прощаясь с мороженщиком и вновь располагаясь к Рэй. Та не медлила, а нижняя губа уже была измазана фиолетовым сиропом. Словно не замечая этого, девочка продолжала неспешно есть, особое внимание уделяя каждому кусочку и при этом блаженно жмурясь.

– Только не говори мне, что уже несколько лет не ела мороженого, – предупредил Дауни, расправившись с большей частью своего лакомства.

– А что будет, если скажу?

– Я разочаруюсь в тебе, рыжик.

– Да почему... Ладно, неважно. На самом деле раньше, то есть довольно-таки давно, отец привозил нам вкуснятину каждые выходные – будь то фруктовый лед или шоколадные конфеты, – начала Робертсон и захрустела вафлей. – Мы с Хлоэй этого не ценили, а относились больше как к должному. Поэтому подарки скоро прекратились.

– Хлоя... Она твоя сестра, да? – уточнил Джек, почему-то поднимая голову к небу и бормоча себе под нос имена. – Ты хочешь сказать, Хлоя Робертсон?!

Так вот, откуда она знает твой адрес... Неплохо они подготовились, да? Теперь под твоим боком вечно будет вертеться ее информатор.

– Да. Я думала, ты знаешь. Она же вроде учится вместе с тобой.

– Ты на нее непохожа, – после некоторого неловкого молчания произнес Джек, откашливаясь и сжимая в ладони с десяток крошек от съеденного рожка. – Не знаю, как такое бывает, вы же вроде сестры, но... Просто поверь, что вы *очень разные*. Никогда бы не подумал...

Парень улыбнулся собственным мыслям, еще не понимая, были они озвучены или до сих пор мирно покоятся в его голове. «Значит, Рэйчел Робертсон... Неплохо звучит».

Девочка вдруг подскочила на месте и начала шарить рукой в кармане джинсовой куртки. Спустя минуту напряженных поисков она выудила оттуда что-то маленькое, по цвету напоминающее камень, и протянула изумленному брюнету.

– Я пыталась отдать ее еще утром, но ты *меня очаровал своей любезностью*, поэтому держи.

Медная подковка, подаренная Дауни его отцом еще в детстве, аккуратно легла в раскрытую юношескую ладонь.

– Я... потерял ее? – неверяще спросил Джек то ли у спутницы, то ли у самого себя, боясь прикоснуться к вещице.

– Еще тогда, в школе, но я не знала, твое это...

Но брюнет уже ничего не слышал. Слова быстрым потоком проносились мимо ушей, а в голове снова кто-то случайно включил проектор. Черно-белые картинки мгновенно превратились в целостный фильм, и теперь перед глазами был не парк и аллеи с опавшими листьями, а далекое-далекое всеми забытое воскресенье. Солнце тогда еще не грело,

но весенняя оттепель лучие всякой жары поднимала серое настроение, придавая ему радужных красок. В небольшом доме Дауни готовился праздничный обед; с минуты на минуту должен вернуться из длительного отъезда глава семьи. Шарлотта нарядилась в свое любимое, и потому свято оберегаемое от пыли, но редко сидящее на самой женицине, белое платье до колена, с завязанным на боку в виде банта шелковым поясом. Сам же Джек наряжаться не хотел, но, видимо, мамина ласка и пару теплых слов сделали свое дело – выглаженная и отутюженная рубашка и клетчатые штанишки делали мальчика похожим на насупившуюся куклу.

Только-только из духовки хозяйка вытащила румяную утку, покрытую золотистой корочкой, и начала быстрыми отточенными движениями шинковать зелень, как дверь дома распахнулась и выпустила на порог высокого мужчину лет тридцати. Взлохмаченные ветром темные волосы так и норовили попасть ему прямо в лицо, а бежевая сумка болталась на сильном плече. Джек бросился к отцу:

– Папа! Почему ты так долго?

– Прости, мальши, злые акулы в серых костюмах никак не давали поскорее уйти. Им снова нужны были разные бумажки – а разве можно оставить акул без помощи? Пусть лучие едят бумагу, чем кого-то еще.

Джордж бросился на кухню и стиснул в объятиях свою улыбающуюся жену, что-то прошептал ей на ухо, а когда та в ответ легонько шлепнула его по губам и отстранилась обратно к плите, вернулся к сыну. Присел на корточки и вытащил какую-то мелочевку из сумки.

– Угадай, что я тебе принес?

Джек заворожено уставился на сжатый кулак.

– Печенье?

– Нет, это гораздо лучие любого печенья, – рассмеялся Дауни и раскрыл ладонь, передавая мальчику небольшую подковку на тонкой серебряной нити. – Теперь она твоя. Эта штучка может исполнять желания, но только если ты веришь в то, что они действительно сбываются.

– Правда, папа?! – охнул мальши и крепко-крепко прижал подарок к груди. – Любое желание?

– Все, что ты захочешь. Просто подумай об этом и поддержи подкову в руках – но помни, что без твоих собственных усилий она не будет работать. Если ты просто будешь что-то хотеть и ничего не сделаешь для осуществления своей мечты, она так и останется всего-навсего желанием в голове, понял меня?

– Да... – младший в семье Дауни тут же посерьезнел, но тон отца мигом изменился на прежний, искренне-радостный:

– А кто у нас проголодался? Мальши Джеки, давай поцелуем маму, и тогда она разрешит нам съест эту чудесно пахнущую утку!

Джордж подхватил сына и усадил к себе на плечи. Шарлотта уже накрыла на стол, а ласковая улыбка не сходила с ее счастливого лица.

Когда спустя год отец ушел из дома, собрав свои вещи и оставив записку с просьбой не искать его и никогда не звонить, Джек не отчаялся. В то время как миссис Дауни глушила печаль алкоголем, он каждый вечер подходил к окну и просил у всего, что только видел – у звезд, ночного неба и своей медной игрушки – чтобы папа вернулся. Позже выяснилось, что Джордж переехал в Нью-Йорк и счастлив с новой семьей.

Когда еще спустя пять лет семья Дауни была на грани банкротства, и Шарлотта соглашалась на любые унижения в попытках наскрести несколько долларов на оплату счетов и погашение долга. Мальчик снова просил, но уже не так рьяно и настойчиво, чтобы в их жизни произошло чудо. Через пару месяцев женщине пришлось продать загородный дом и переехать с сыном в Бостон.

Долгие два года отозвались Шарлотте Дауни тяжелой болезнью, которую она, к сожалению, перебороть не смогла. В течении недели женщина мучилась и бредила, и в конце концов умерла от лихорадки.

Джек перестал просить.

В этом все равно не было смысла.

Тогда почему ты до сих пор не избавился от этой дешевки? На что-то надеешься?

«Это память», – ответил парень внутреннему голосу и, немного помедлив, добавил, – «о тех временах, когда я действительно считал себя счастливым, думал, что лучше быть не может, и оказался чертовски прав».

– Джек? – раздался взволнованный голос откуда-то издалека. – Джек, все хорошо?

«Со мной всегда все хорошо», – грустно подумал парень и вытащил пленку. На сегодня кино закончилось.

– Да, разве что-то не так? – Дауни состроил непонимающее лицо и посмотрел на говорящую. Ее маленькие, но выразительные зеленые глаза беспокойно искали подвох и пытались уловить каждую перемену в движениях брүнета.

Рэйчел невольно поежилась и нехотя ответила:

– Ты немного странно себя вел. Я не сразу заметила, что ты меня не слушаешь, но когда ты уставился прямо перед собой и не обращал ни на что внимания... Кстати, мимо нас проходила женщина с миленькой собачкой, так она и вовсе подумала, что ты болен. Пришлось убеждать ее в обратном, – девочка подавила смешок, вспомнив, с каким недоверием смотрела на нее эта леди, и как пес заинтересованно обнюхивал кроссовки парня, но тут же посерьезнела и продолжила. – О чем ты думал?

– Да так... мелочи... – Джек скорчил жалкое подобие улыбки, не желая снова погружаться в эти не сулящие добра воспоминания, – забудем об этом. Готова наперегонки до вон того фонаря, рыжик?

И, не дожидаясь ответа, он рванул с места и понесся вперед под радостные крики бегущей сзади Рэй.

Чуть позже Джек понял, что теперь ни за что не отвяжется от этой веселой рыжеволосой девчонки, и, быть может, простое общение в скором времени перерастет в настоящую дружбу. Он подумал об этом спустя пару дней, когда пытался всеми силами унять колотящееся от страха сердце и крался к входной двери, ожидая увидеть там Мэг, но на пороге стояла Рэйчел. В руках она держала два небольших вафельных рожка с шоколадным мороженым.

Глава 7

– Привет, Фиш.

Парень пожегил и сунул руки в карман толстовки, продолжая удерживать телефонную трубку между ухом и подбородком. Осенний вечер выдался куда холоднее, чем он того ожидал.

– Джек? Это же не твой номер, – растерянно послышалось с того конца провода. Связь на мгновение прервалась, и отвратительное, безжалостно режущее слух шипение заставило Дауни зажмуриться. – У тебя там все хорошо?

– Да, я звоню с уличного аппарата, – нехотя признался он и снова печально посмотрел вокруг себя. Плохая погода и надвигающиеся на город темные серо-лиловые тучи мигом разогнали с улицы прохожих-гуляк; остальные же либо выглядывали из-за стеклянных витрин магазинов, ожидая, что вот-вот разразится дождь, другие спешили по тротуарам быстрым шагом, то и дело бросая короткие оценивающие взгляды на хмурое небо.

– Серьезно? Такие что, еще существуют?

– Всего двадцать центов, Роджер, и могу говорить с тобой целый час, если у тебя не отсохнут уши.

Сквозь трубку донесся приглушенный смех, и собеседник ответил:

– С радостью на это посмотрел бы. Осторожнее, Джеки, иначе у Николь могут появиться поводья для ревности!

Дауни через силу улыбнулся и подул на ледяные ладони. «Если ты и дальше будешь продолжать мямлить, то проведешь ночь на улице. Эта глупая болтовня бесполезна, перестань тратить свое время зря. Роджер твой друг, он не сможет тебя выгнать, даже если посчитает это правильным или необходимым, да?»

Так в чем же дело? сомневаешься в вашей «дружбе»?

– Фиш, понимаешь, я снова попал передрыгу, – начал медленно рассказывать парень, делая продолжительные паузы и пытаясь услышать хоть какую-нибудь реакцию, касающуюся сказанных им слов, будь то простое дыхание или даже короткий зевок. – Мэг настолько рассвирепела, что, кажется, готова *любыми способами* выкурить меня из дома, смешно, правда?

– Мэг – твоя та-самая-безумная-тетка, которую давно уже пора сдать в дурку или клинику, чтобы прочистить ее закуренные мозги?

– Именно так я думаю, но вслух не говорю, – немного повеселел Джек и продолжил, – иначе ты помнил бы обо мне только из-за совместных фотографий.

– Ты на улице? Деньги, мобильный – что-нибудь при себе? – участливо раздалось в трубке, и парень снова пожалел, что взвалил на Фишера тяжесть собственных проблем.

Сколько не пытайся твердо держаться, но когда человек жалуется окружающим, в девяноста шести процентах случаев получает слова утешения и лепет о сочувствии, в трех – равнодушие и холодное безразличие, и только один несчастный процент, быть может, уже спешит тебе на помощь.

– Около пяти долларов. Скажи, ты не будешь против, если... если я...

– Нет, стоящий под ветром в какой-нибудь своей дурацкой толстовке идиот, я не буду против. Мой дом полностью в твоем распоряжении, так что постарайся не медлить или, чего хуже, не схватить простуду.

Дауни никак не мог выдавить из себя ни звука, удивляясь странной удаче и невероятной легкости, с которой эти слова, некогда стоявшие камнем поперек горла, вырвались наружу.

– Эм... спасибо... А как же Николь? Она не будет против?

– Чувак, ты это серьезно? – даже не видя собеседника, парень почувствовал, как тот слегка постучал кулаком по виску. – Мисс Голдман категорически отказалась жить у меня, а наши отношения еще не заходили дальше обыкновенных поцелуев. Так что оставь при себе свои нелепые отговорки и быстро топай сюда. Я жду.

– Да, конечно... Слушай, ты просто не знаешь, как я тебе благодарен, Роджер, я даже...

– Конец связи!

Дауни пришлось через силу проглотить все те добрые слова, что он успел наскрести в знак признательности, когда из трубки раздалась ритмичные нудные гудки. Аппарат вернулся на место, звякнув и тем самым предупреждая о своей готовности к следующему звонку. Джек еще раз глупо улыбнулся самому себе, представив, как Фишер теперь плюхнулся в кресло и, наверняка, взял с чайного столика свои любимые печенки с арахисовым маслом, желая таким образом скоротать время до прихода нежданного гостя.

«Этот мир иссох бы без *сладостей*, – заявил как-то Роджер, в очередной раз кладя в рот квадратик Hershey's, – ведь они обеспечивают работу дантистам и кондитерам. Пожалуй, если меня спросят, выберу я симпатичную девушку или десерт, то без раздумий налью горячий шоколад в чашку и поставлю ее к тарелке, на которой меня уже будет ждать бисквитное пирожное с шоколадом в шоколадной глазури с кусочками шоколада в белом шоколаде и стружке».

Вспомнив этот разговор и то, как Фишер с набитым ртом разъяснял ему все прелести этого лакомства и происходных от него блюд, Дауни бодро зашагал по улице, вдыхая сухой воздух перед начинающимся дождем и глядя на расчерченный серыми облаками закат.

Джек только переступил порог скромного на первый взгляд жилища друга, как тут же был окружен легкой приятной музыкой и запахами чего-то аппетитного и кажущегося очень вкусным. Издалека раздалось приглушенное приветствие:

– Привет, а я уж думал, ты и не придешь вовсе. Вещи бросай на тумбу, рюкзак можешь оставить, где хочешь.

Дауни облегченно выдохнул, и тут же почувствовал, как заныли от усталости натруженные бегом и ходьбой ноги. Глубоко зевнув и потянувшись так, что спина приятно захрустела в ответ, парень снял с себя толстовку, оставшись в одной плотной черной майке, и прошел по небольшому коридору вглубь квартиры.

Несмотря на то, что Фишер жил здесь один (более того, он был единственным из всех друзей Джека, у кого уже было собственное жилье), комнаты пребывали в относительном порядке. Ковер в средних размеров гостиной был хорошо вычищен, на бархатистой спинке дивана – ни одного пятнышка от соуса, а библиотечные шкафы доставали до потолка и хранили в себе не меньше сотни книг. Парень застыл перед деревянными полками и крикнул, стараясь донести слова до колдующего на кухне друга:

– Вот уж не думал, что вы, мистер Фишер, увлекаетесь литературой и чтением! Быть может, мы могли бы с вами обсудить некоторые произведения классиков?

Джек ухмыльнулся, и, не получив никакого ответа, прошел дальше через узкую дверь. Следующими комнатами на пути к кухне были ванная и личная комната Роджера, в которой сам Дауни был не раз, а потому знает ее главный секрет. Если дизайном и обстановкой прочих частей квартиры занималась миссис Фишер с вероятной помощью своего мужа, то над собственным уголком парень трудился самостоятельно. В нем не было никаких ящиков с мелочевкой или прочим мусором, отсутствовал стол (вернее, полностью был занят техникой) и

окна были занавешены темно-синими тяжелыми шторами... Но посередине комнаты, отеснив скромную кровать к одной из стен, высился огромный компьютер с десятками исходящих от него проводов к наушникам, планшету, колонкам и микрофону, рядом с ним в жалостном ожидании своего хозяина покоились черные блестящие пульта и джойсы. Казалось, это место – истинный идеал любого геймера, и каждый приходящий в этот дом фотографировал волшебный уголок, а после разносил приукрашенные сплетни о нем по улицам и подворотням Бостона.

У брюнета эта комната уже не вызывала столь ярких эмоций и восторга, как это было несколько лет назад (правда, тогда в этом доме обитала вся семья Фишеров), поэтому он лишь окинул коротким взглядом черный гладкий бок компьютера и прошмыгнул на кухню.

– Еще минута, и я подумал бы, что ты умудрился заблудиться, – заметил светловолосый парень в помятой футболке, стоящий у плиты. Его серые глаза медленно просканировали Дауни, и, видимо, не заметив ничего неладного, Роджер вернулся к приготовлению ужина.

– Слушай, знаю, что странный вопрос, но... это твои книги в гостиной?

– Нет, хотя я подумывал заняться самообразованием. Но сам посудите: кто-то переносит свои мысли на бумагу и, что очень вероятно, страдает какой-нибудь душевной болезнью, а я должен читать этот бред? К чему мне чужие фантазии, когда и своих более, чем предостаточно? Это все оставили родители на те редкие времена, когда они приезжают в гости. А ты подумал...

– Нет, – резко оборвал его Джек, но тут же смягчился и оправдал свою грубость, – я слишком хорошо тебя знаю.

Роджер что-то хмыкнул себе под нос и, наконец, отстранился от кухонного стола. В руках он держал два блюда со спагетти.

Еще мгновение – и вот золотистые макароны уже расположились перед носом сидящего брюнета, а теплый пар и аромат заставили желудок чуть слышно заурчать.

– Фиш, я же не...

– Это не обсуждается, – рявкнул парень и уселся напротив, уже накручивая на вилку длинную масляную нить. – Держу пари, ты ничего не ел с самого утра.

На это Джек лишь неопределенно пожал плечами, но поспешно принялся за еду.

Некоторое время оба напряженно молчали, сосредоточившись на пище, и окружающую их тишину прерывали лишь звуки жевания и редкие звонкие удары вилки о дно тарелки. Наконец, Фишер заговорил, но размеренно и не торопясь, словно давая другу возможность впитать в себя все услышанное и как следует обдумать:

– В школе ходит множество разговоров о том инциденте с Рокуэем. Говорят, ты сломал ему нос, и теперь он подаст на тебя жалобу через своего отца.

Дауни никак не отреагировал на эту новость, но видно было, что он уже не так сильно наслаждался горячими спагетти.

– И что с того? Угрозы избалованного неженки не сильно меня беспокоят.

Роджер отложил приборы и наклонился к сидящему напротив, для большей убедительности понизив голос и почти перейдя на шепот, словно опасаясь, что кто-нибудь посторонний ненароком его услышит:

– Ты не понимаешь, да? Из-за твоей вспыльчивости тебя могут ждать *огромные* неприятности, уж поверь мне. Его папаша приложит все усилия, возможные и не очень, чтобы обидчик дорогого сынка получил по заслугам. Только не думай, что я на стороне Тоби, – неожиданно добавил юноша. – Просто я пытаюсь стянуть розовые очки с твоих глаз.

Сказав все это и сделав небольшую паузу для закрепления своих слов, Фишер вышел из-за стола и забрал тарелку у помрачневшего Джека. Свою он также отправил в раковину. Затем, не говоря ни слова, приблизился к небольшому буфетному шкафчику и выудил из него пачку лимонных бисквитов, немного улыбнувшись, когда твердая картонная упаковка коснулась пальцев руки.

– Как насчет десерта? Все еще пьешь кофе или поумнел и поделишь со мной чай?

Парень поставил угощение на стол, сняв с него упаковку, и теперь шесть пирожных, покрытых тонким слоем желтой глазури, уютно выглядывали из оборачивающих их бумажек. Дауни усмехнулся:

– Некоторые вещи не должны меняться. Ты всегда будешь пить это полупрозрачное и безвкусное недоразумение из травы...

– А ты и дальше станешь давиться горькой гущей, с виду больше похожей на землю или разбавленный водой помет, а по вкусу напоминающей сигаретные окурки, – парировал блондин, ставя наполненный водой электрический чайник на подставку.

– Согласен, мистер Фишер, ваш пример звучал оскорбительнее, – согласился Дауни писклявым голосом, парадировав известному одному ему человеку, – но это не делает вас лучше в моих глазах. Долго вы придумывали эту шутку?

Роджер задумчиво почесал затылок, отрывая все еще голодные глаза от десерта на столе, и язвительно ответил:

– С тех самых пор, мистер умник, как вы покинули мой чудесный дом, озадачив меня своим едким комментарием насчет вкуса великолепнейшего медового чая. Я не смог стерпеть нанесенное вами тогда оскорбление, а потому принял за свое, то, которое смогло бы затмить любое ваше. Если хотите взглянуть, в гостиной лежат два исписанных блокнота с остротами.

Джек тихо засмеялся, но тут же прекратил, стоило веселью в глазах друга перемениться на легкую тревогу.

Ты же понимаешь, Джеки, что вы рано или поздно вернетесь к этому разговору? Он беспокоится о тебе. Заодно услышишь лучшие сплетни, накопившиеся за время твоего отсутствия в школе. Уникальное предложение, а главное, только сегодня! Два по цене одного!

Когда в комнате раздался глухой щелчок, напоминающий о том, что вода давно уже закипела, Фишер резко развернулся к плите, скрывая свою злость и волнение под маской непринужденного равнодушия. Дауни внимательно следил за каждым его движением: вот рука сняла с крючков два стакана, а тот, что был чуть левее, брюнет сам подарил Роджеру на один из его дней рождений (разумеется, из-за отсутствия более привлекательной идеи), наклонила чайник, и кипяток тонкой струей начал заполнять пустоту кружек.

– Без сахара и молока? – бросил парень, так и не поворачиваясь к сидящему позади гостю. На довольное хмыканье он ответил легким кивком головы и поставил около коробки с лакомствами две полные до краев чашки. Джек с удовольствием сделал первый обжигающий глоток, ощущая, как горячий кофеин растекается вместе с кровью по венам и несет заветное расслабление и тепло всему телу. Фишер тоже хотел было испробовать свой напиток, но отложил стакан в сторону и глубоко вздохнул.

– Поговаривают, что старший Рокуэй очень зол, хотя еще не знает твоего имени. Он очень влиятельный человек, и ему не составит большого труда просто покачать головой, чтобы тебя выставили из школы. Что ты об этом думаешь?

Выпалив эту мысль, долго хранящуюся в светловолосой голове, парень взял из коробки лимонный бисквит и мгновенно освободил его из плена бумажной обертки, готовясь сделать самый первый и сладкий укус. Дауни тоже решил взять пирожное.

– Ничего. Нет, я серьезно, – добавил он, заметив, что таким односложным ответом друг явно не удовлетворился. – Да и вряд ли я смогу что-то сейчас сделать. Мы оба знаем, что в этом случае два пути – действие и, что меня больше привлекает, бездействие. Первое представляет из себя унижение перед Тоби и попытка вновь наладить с ним отношения, второе же не требует от меня невозможного. Я просто буду жить и надеяться на лучшее. Есть проблемы куда хуже этой.

Оба юноши замолчали, обдумывая эти слова и тщательно пережевывая десерт.

Роджер знал, конечно же, он знал о всем том кошмаре, что начал твориться в доме Дауни с недавних времен. Не раз слышал, как во время телефонного разговора с Джеком тишина сменялась криками и бранью, видел побои и многочисленные, не успевающие сходить с рук друга синяки, а иногда, проходя по Стюарт-Стрит мимо дома двадцать один замечал состояние заходящей в него женщины и мысленно молил о том, чтобы Джек не подвернулся под ее горячую тощую руку.

А еще он знал о том, сколько Дауни готов терпеть, лишь бы не привлекать к своей персоне лишнего внимания, а потому осторожно перевел тему разговора, в то время как уже второй бисквит растворился в его желудке:

– Извини, что вот так набросился на тебя с этим. Просто хочу понять, что с тобой происходит в последнее время.

Брюнет грустно улыбнулся и отхлебнул еще немного горького кофе. «Что со мной происходит? Хотел бы я рассказать тебе, но ты не сможешь понять меня, мистер доброе-сердце-и-чистые-побуждения. Почему-то я не могу разобраться с этим даже внутри себя».

– Даже не знаю, что на это ответить, – бросил Джек, и вновь наступила тишина, растворяясь в застывшем от напряженного молчания воздухе.

Несколькими часами спустя Дауни вскочил с дивана, часто дыша и обхватив горло потной рукой. Сердце нещадно колотилось в груди, словно внезапно начавшаяся барабанная дробь в тишине улицы. Казалось, этот звук оглушает и сводит с ума, заставляя перебирать в голове все известные науке цифры в жалкой попытке хоть немного успокоиться... Часы показывали почти полночь.

Что с тобой происходит, Джеки?

Ему снился кошмар, хотя такие видения практически перестали быть редкостью – каждая ссора с Мэг сопровождалась подобным сном, хуже дело обстояло, когда парень навывалился на кладбище. Тогда он и вовсе не мог сомкнуть глаз, постоянно выслушиваясь в шум улицы и пьяное бормотание людей в соседней комнате, ожидая, что *вот-вот к нему снова придет мамочка*, обнимет и крепко прижмет к себе, заставляя забыть о том, что он давно уже не маленький и беспомощный мальчик... Правда, Джек постоянно ловил себя на страхе больше не проснуться после такой встречи.

Так и сейчас чьи-то костлявые и уродливые руки безжалостно его душили, но впервые ощущение нехватки воздуха не вызвало искреннего ужаса. Было страшно, и в то же время хотелось узнать, чьи пальцы желают принести ему столь быструю смерть, кто (неужели Шарлотта?) будет виноват в произошедшем, кого благодарить за это короткое страдание...

А не душишь ли ты себя сам?

Джек потряс головой, пытаясь выкинуть из нее остатки пережитого кошмара, и прошлепал в сторону ванной. Немного побродив по дому, нашел ее и наполнил стоящий на раковине стакан.

«Кричал ли я во сне?» – подумал он, залпом выпивая всю воду и открывая кран для новой порции.

«А вдруг я разбудил Роджера? Да и где он, и почему квартира не сотрясается от его храпа?»

«Черт, как же хочется курить...»

Парень вливал в себя жидкость до тех самых пор, пока не почувствовал, что после еще одного стакана его точно вывернет наизнанку. Отставив стеклянный бокал в сторону, он посмотрел на человека, уставившегося на него по ту сторону зеркала.

Серые круги под глазами и немного слипшиеся между собой ресницы, опухшее лицо и спутанные темные волосы этого незнакомца не вызвали ничего, кроме молчаливого сожаления. Да и у самого Джека появилось навязчивое желание приласкать к себе беднягу, выкупать и накормить, ни на секунду от себя не отпуская и не переставая шептать ему слова утешения.

Теперь ты понимаешь, почему Роджер ТАК на тебя смотрел?

В который раз проклиная появляющийся в самые неподходящие моменты и знатно раздражающий голос в собственной голове, брюнет начал красться обратно в гостиную. Если Фишер до сих пор сладко спит, ему точно не смогут помешать легкие шаги, но... Джек замер на месте, стоя в раскрытых дверях кухни и разглядывая стоящую впереди, за стеклянной балконной дверью, фигуру. Она была неподвижна; только изредка рука черной тени тянулась куда-то вверх и затем незамедлительно возвращалась на место, словно чуть выше кто-то тянул за невидимую нить, изображая из себя кукловода.

«Это точно Роджер?» – подумал Дауни, медленно приближаясь к балкону. «А вдруг кто-то...»

влез в дом посреди ночи и решил прежде всего постоять на свежем воздухе и полюбоваться ночным городом? Bravo, детектив, может принесешь вору плед и теплое какао, мало ли он замерз и проголодался?

По-прежнему игнорируя едкие комментарии, появляющиеся в ушах, парень задержал дыхание и потянул на себя пластмассовую ручку двери. Фигура вздрогнула и поспешила обернуться.

– Джек? Черт возьми, чувак, не пугай меня так больше.

Дауни виновато пожал плечами, догадываясь, что этот жест друг не увидит в темноте, но точно почувствует, и пристроился рядом. Из открытого окна в лицо пахнул свежий ночной воздух, от которого поначалу прижилось слегка поежиться.

– Не спится? – шепотом спросил Фишер то ли парня, то ли себя самого, и в черной гуще вздрогнул маленький огонек зажигалки. Немного повилял из стороны в сторону, а затем рядом с ним вспыхнул заранее подставленный кончик сигареты, одинокой оранжевой точкой теперь выделяющийся из тьмы. Роджер блаженно улыбнулся.

– Ты это серьезно, Фиш?

Блондин подавил в себе смешок и выпустил изо рта первые клубы дыма. Тут же этот запах ударил в нос Джеку, и тот голодно облизнулся, продолжая дырять глазами крошечный огонек.

– Я могу дать тебе, но только если ты сам попросишь. Предлагать тебе из своих рук я не буду, и не надейся.

Дауни сделал глубокий вдох, по-прежнему ощущая сигаретный дым на языке. Роджер не глуп, он отлично знает каждую из его слабостей, потому и ведет себя с виду как самый настоящий... «Это для твоего же блага», – раздалось в голове предупреждение, но парень поспешил отмахнуться от него и с ненавистью, в которой четко выразилось дикое и непреодолимое желание, взглянул на сигарету в чужих руках.

Мы платим деньги за свою смерть...

Так однажды сказал им учитель по истории, немного отойдя от темы лекции и углубляясь в смысл сказанных слов. «Если, упаси Бог, вы когда-нибудь, даже в самом страшном сне потянетесь к табаку, вспомните времена Второй мировой войны. Эту дрянь использовали, чтобы убивать людей и ослаблять мощь американской армии. Просто задумайтесь, что держите в собственной руке пистолет, неизвестно, заряженный или пустой, и каждый раз спускаете курок, выкуривая сигарету. Поначалу шансов умереть крайне мало, но позже вам все чаще и чаще будет попадаться пуля».

Подумай о своем будущем.

Джек протянул вперед руку, не решаясь произнести эту фразу, давая себе последний шанс и одновременно с этим борясь с внутренним голосом.

Вряд ли Шарлотта обрадовалась бы, узнав, что ты делаешь.

В темноте встретился глазами с Роджером, который стоял в беззвучном ожидании и тоже о чем-то думал.

Остановись, не совершай глупых вещей... что ж, ты сделал свой выбор.

Брюнет на мгновение перестал дышать, чувствуя пульсирующую в висках кровь и легкое головокружение. «Это будет лучшая сигарета в моей жизни. Давай, Джеки, просто скажи ему, что ты хочешь, что тебе ЭТО нужно».

– Пожалуйста, Фиш. Пожалуйста...

Роджер помедлил, но только самую малость, и темноту раскрасил еще один кусочек яркого пламени. Джек заворожено смотрел на огонь.

Еще не поздно отказаться, – раздалось в голове, но парень отмахнулся от этих слов, как от назойливой мухи. Казалось, он вечно может вечно стоять здесь, на этом балконе, вдыхая ночную прохладу и с радостным блеском в глазах принимая подрагивающими пальцами свою дозу яда. Ощувив в пальцах приятную легкость сигареты, Дауни сделал глубокую затяжку, с диким восторгом поглощая дым легкими.

Наконец, Фишер прервал давящую тишину:

– Как тебе?

– Это великолепно, – растаял в теплой улыбке брюнет, – пожалуй, лучшее, что случилось со мной за последний год.

– Но ты же понимаешь, *что именно мы сейчас делаем?*

Фишер высунул руку из окна и стряхнул скопившийся серый пепел. Джек замер, глядя на эти кружащиеся в воздухе серые песчинки.

– Думаю, да. Ты отдаешь предпочтение давней привычке и не хочешь отказывать себе в удовольствии. Не думаешь о последствиях – тебе глубоко наплевать, сколько осталось в пачке, если ты действительно хочешь курить; все равно на то, какой час, если эта имбирная печенка лежит прямо перед носом и просится в твои объятия, – парень замолчал, обдумывая свои слова, и также тихо продолжил, – тебя это совершенно не волнует. Знаешь, одна моя новая знакомая говорит, что такие люди не ограничены временными рамками, и потому чувствуют себя лучше. Гораздо лучше остальных. Что до меня, так я просто наслаждаюсь хорошими вещами в хорошей компании.

Оба дружно рассмеялись, но ненадолго, и прежде чем отправить в полет сигарету, Джек добавил:

– Все равно мы рано или поздно умрем. Не в наших силах это изменить.

Как бы невзначай бросив эту фразу, Дауни широко зевнул и, улыбаясь самому себе, между тем чувствуя в темноте невидимое присутствие стоящего где-то сбоку Роджера, развернулся к раскрытому окну. Холодные порывы разыгравшегося ветра умыли горячее лицо, принося с собой приятную слабость и умиротворение. На Бостон огромным ледяным куполом опустилась октябрьская ночь.

Глава 8

Спустя еще пять холодных до дрожи, серых и безрадостных осенних дней, Дауни шагал по Бейкон-Стрит, вздрагивая и поворачиваясь спиной к сухому ветру. На удивление, настроение парня было немного приподнято, и причин этой странности оказалось несколько. Одна из них, и, пожалуй, самая значимая и влиятельная – отсутствие проблем в школе. Джек долго не мог поверить в то, что его «отвратительный, аморальный поступок, не достойный воспи-

танного молодого человека» остался более-менее безнаказанным (единственным неприятным нюансом была ссора с Мэг во время его пребывания под домашним арестом). Совсем недавно, плетясь по школьному коридору, он ожидал самого худшего обращения, уже отработывал в голове ответы и ругательства, в то время как надоедливый голос услужливо их подсказывал, и приготовился к неприятностям.

Поэтому, когда брюнет осторожно скользнул в раскрытые двери кабинета истории, несколько любопытных пар глаз обратились к нему, но тут же потеряли всякий интерес, вновь возвращаясь к прерванным делам. Остальные же либо пожелали сохранять глубокое и презрительное молчание, либо и вовсе забыли о том инциденте. Только Кэти, сидевшая до этого времени одна и что-то сосредоточенно выводившая в собственной записной книжке, обернулась, и, всеми силами скрывая дикую радость и рвущийся наружу восторженный крик, бросилась другу на шею, едва не опрокидывая его:

– Наконец-то вернулся! Ты не представляешь, сколько всего интересного произошло за это время... А ты, кажется, немного похудел, – Джонс озабоченно оглядела потухшие глаза и глубокие серые синяки под ними. – И вообще перестал спать. Хэй, чувак, у тебя была целая неделя беззаботного отдыха, куда ты ее дел?

Я бы с радостью отдохнул, детка, – подумал про себя Дауни, – если бы не тратил все свое свободное время на размышления об угрозах Рокуэя и постоянное бегство от Мэг и ее дружков, зная, что моя безопасность полностью зависит от ее расположения духа.

Вместо того, чтобы выпалить это на одном дыхании и гневно оттолкнуть от себя девушку, Джек слегка приобнял ее за плечи и прижал к себе, но не переступая границу дозволенных дружбой правил:

– Не получилось хорошенько оттянуться. Ну, так что там с новостями, или ты повторишь все то, что рассказала по телефону?

Несмотря на ежедневные звонки, Джонс все же сумела выудить из своей памяти кое-что любопытное. К примеру, то, как огромный толстяк с именовым бейджем на правой стороне груди, заключенной в узкую и слишком сильно обтягивающую каждую складку тела рубашку, ввалился на один из уроков и очень настоятельно попросил показать ему Джека. Правда, не понятно, что он впоследствии испытывал – злорадство или легкое разочарование – когда чуть позже покидал школу после продолжительного разговора с директором. Более того, она пересказала слух о том, что теперь Дауни терпеливо ждет исключения, и на этот раз все не ограничится недельным отстранением.

– Но это было давно, – успокоила его Кэтрин, увидев в глазах друга искренний ужас. – Сейчас все более-менее замялось, поэтому поводов для паники нет. Да и о тебе все на какое-то время забыли – скоро же осенние экзамены.

Брюнет тогда неловко плюхнулся на стоящий неподалеку стул и от навалившейся усталости на мгновение закрыл глаза.

Даже спустя столько дней, пролетевших слишком незаметно для Дауни, он помнил те секунды с невероятной точностью, словно они продолжались бесконечно долго и растянулись на весь октябрь. До сих пор ощущал слегка заметное покалывание в кончиках пальцев, какой-то непонятный звон в голове, словно кто-то поместил туда два металлических шарика и без устали колотил их друг об друга. Джек опустил веки, ставшие невероятно тяжелыми, и глубоко вдохнул, пытаясь снова обрести потерянный контроль над своим телом.

«Давай, соберись, если ты прямо сейчас заснешь или грохнешься без сознания – наживешь себе кучу неприятностей и привлечешь внимание. Тебе же это не нужно? Мало проблем, которые уже не дают тебе ни шагу спокойно ступить?»

А еще он прекрасно помнит руку, опустившуюся на плечо и доверительно его сжавшую. Парень, не глядя, накрыл ее своей, и впервые холод серебряных колец придал ему уверенно-

сти и помог сделать над собой усилие. Джек все же открыл глаза и удивленно посмотрел на склонившуюся к нему девушку, чьи кудрявые волосы щекотали шею.

– Знаешь, я все равно волновалась. Сложно это объяснить, но... Пожалуйста, будь осторожнее. Никогда не угадаешь, какой будет цена твоей следующей выходки.

Затем она тут же отстранилась, и весь оставшийся день вела себя совершенно обычно.

Об этом интересном случае и размышлял Джек, но, когда подошел к дому, который указала ему новая знакомая, застыл и не мог пошевелиться. Все это время под словом «дом» он понимал квартиру, ну или, быть может, занятый семьей целый этаж, потому, подойдя вплотную к железным воротам и окинув взглядом возвышающееся перед ним двухэтажное строение, не смог сдержать короткого: «Вот, черт...»

Дом был действительно огромен; небольшие окна на втором этаже и средних размеров дверь только сильнее подчеркивали чистоту светло-коричневых стен, а подстриженный сад и выложенная темным камнем дорожка вела прямо к деревянному крыльцу, которое, вероятно, с другой стороны дома превращалось в террасу.

Джек неловко улыбнулся, представив в своем воображении следующую картину. Вот вся семья Робертсонов приготовилась к ужину на свежем воздухе. Отец и мать очищают место на этой самой террасе, быстрыми и слаженными движениями переставляют кресла, чтобы в итоге расположить их полукругом, а в центре устанавливают небольшой стол. Из дверей дома показывается Хлоя, обеими руками придерживая круглый поднос с запеченной рыбой, и, оставив блюдо под родительским присмотром, убегает за следующим. Позже она появляется вместе с Рэйчел, неся сервиз, чайники и различные соусы в узких баночках.

Когда все основные приготовления завершены, Робертсоны, наверняка, приступают к трапезе (хотя в их случае нельзя исключить возможность предобеденной молитвы). Дауни как наяву увидел Хлою, аккуратно разрезающую свой кусок семги и обильно поливающую его пастой; Рэйчел, что-то оживленно рассказывающую и ковыряющую кусочки зелени в тарелке с салатом; миссис Робертсон, которая оценивающим взглядом пробегает по кушаньям и мысленно отмечает, что овощи надо бы нарезать солонкой, а не кружками; и, мистера Робертсона, увлеченно слушающего дочь и за обе щеки уплетающего свой обед. Полная идиллия.

Размышляя о хозяевах дома, Джек не сразу заметил, что перед ним возвышается чья-то невысокая фигурка. Женщина недоверчиво оглядела брюнета с ног до головы и открыла калитку, выходя ему навстречу.

– Вы что-то хотели, молодой человек? Если вам нужен мистер Джефферсон, то, огорчу вас, он уже год как переехал на кладбище. Обычно его почту оставляют вот здесь, в этом ящике, но я советую спустить письма в ближайший мусоропровод. Всего доброго.

Выпалив это, она осторожно прикрыла за собой дверцу, не позволяя незнакомцу заглянуть внутрь их уютного двора.

– Нет, мисс...

– Миссис Робертсон, – довольно холодно представилась леди и пристально уставилась в глаза нежданному гостю. Короткие светлые пряди волос женщины бережно укрывали ее плечи, словно легкий шарф.

– Оу, простите, – Джек в нерешительности почесал затылок. «Сказать ей, зачем я пришел? Глупости, а вдруг Рэйчел не объявила матери об этой прогулке, и я подставлю всех нас? Вдруг она сейчас рассвирепеет и бросится искать рыжую, а та будет плакать и кричать, умолять не трогать ее, потому что *это все большая ошибка*, и она понятия не имеет, кто я такой и что здесь забыл...»

Не все люди такие же, как Мэг, – ответил голос его мыслям, – *так что давай, Джеки, смелее. Не заставляй никого ждать.*

– Так зачем пришли? Вы не похожи на разносчика газет, – миссис Робертсон опасливо отступила на шаг от парня, назад, ближе к железной калитке и помощи, если такова ей потре-

буется. – Слушай внимательно и говори, что хочешь, но если ты со своими дружками снова разрисуете забор, я вызову полицию.

– Нет, что вы... Я пришел за вашей дочерью, она в курсе, но просила немного ее подождать...

– Странно, но Хлоя ни словом не обмолвилась о твоём приходе, – немного повеселела женщина и неуверенно посмотрела на стоящего перед ней молодого человека своими медового цвета глазами. – Наверное, подзабыла, но это ничего, она вечно витает в облаках в последнее время. Уж не из-за тебя ли?

Дауни улыбнулся и позволил себе засмеяться вместе с этой очаровательной дамой. Его удивляла абсолютно все, вплоть от самого дома и до каждого из живущих в нем; это казалось таким естественным, ненаигранным, таким живым и *правильным*, что создается ощущение, что это место оградило себя от тяжелого городского воздуха, грязных людей и похоти. Как будто после месяца пребывания в пустыне ты находишь небольшой островок, несешься к нему что есть сил, но все больше и больше сомневаешься в его реальности, а потом... боишься прикоснуться к зеленым листьям, опасаясь, что мираж исчезнет так же быстро, как и появился. И поначалу угрюмая недоверчивость, а затем веселый и жизнерадостный смех, эти переливающиеся на солнце глаза и пропускающие через себя лучи тонкие волосы не могли давать поводов даже для незначительной плохой мысли.

Я и не сомневался, что такие люди рождаются только в счастливых семьях. Нельзя излучать тепло и радость, если ты не был обласкан ими еще с раннего детства.

– Мне позвать ее? – снова нарушила на этот раз приятную тишину миссис Робертсон и уже было потянулась к ручке калитки, желая нырнуть в сад и первой обрадовать девушку, наверняка ничего и не подозревающую о приходе гостя, но Дауни быстро остановил ее:

– Нет, вы немного меня не поняли. Мне нужна Рэйчел.

– Рэйчел?!

Женщина отшатнулась от Джека и замерла с раскрытым ртом и застывшими в уголках глаз слезинками от смеха. Парень же твердо смотрел на ее лицо, пытаясь собраться с мыслями, но не зная, как успокоит эту любящую и теперь очень взволнованную и испуганную мать.

Чем дольше ты медлишь, тем быстрее возрастает вероятность того, что она сейчас закричит и бросится обратно в свой уютный замок, не забыв позвонить кому нужно. Поверь, после таких звонков ты сможешь навсегда забыть о поступлении в университет, работе, да и просто жизни в этом городе. Но как на это отреагирует Мэг...

– Выслушайте меня, только не бегите, пожалуйста, – Джек приблизился к женщине и с облегчением заметил, как та начинает успокаиваться и все более и более внимательно и заинтересованно его слушает. – Мне кажется, вы неправильно поняли мои слова. Да, я пришел именно за Рэйчел, а не за Хлоей, и она об этом знает. Наверное, уже обе, но не в этом суть. Мы с вашей младшей дочерью просто друзья, ничего больше, вам не стоит беспокоиться. Я ни в коем случае не рассматриваю ее как девушку, хотя она великолепный друг, о котором можно только мечтать.

Выпалив все это буквально на одном дыхании, парень затих и выжидающе уставился на миссис Робертсон, улавливая каждую перемену в ее настроении и лице. К счастью, та полностью смягчилась и двинулась в сторону дома, маня Дауни за собой и рассказывая на ходу:

– Я провожу тебя внутрь, пока эта копуша будет собираться. Поверь, ждать придется, хоть и не очень долго – обычно Рэйчел не сильно заморачивается с выбором одежды. Интересно, почему она о тебе так ничего и не рассказала?

Миссис Робертсон обиженно хмыкнула и продолжила путь вдоль аккуратно подстриженных кустов. Джек же покорно шел за ней следом и не замечал, что и вовсе не слушает бормотаний женщины; его полностью поглотило окружающее здание великолепия. Ровный, без единой травинки газон с сочной на вид травой (вряд ли искусственной), небольшие пестрые

клумбы, расположенные по какой-то особой, известной одним хозяевам, схеме, круглые шары-деревья, строгой колонной возвышающиеся около забора из темно-серых пик – все это выглядело слишком хорошо, чересчур вычурно и торжественно. Особенно странным казался сад на контрасте собственного жилья Джека, где привычным делом была ужасная вонь от тухлых продуктов и разбросанный по комнатам мусор. Парень не мог перестать удивленно оглядываться по сторонам.

– Чудесный вид, правда? – гордо спросила женщина, улавливая сильнейший восторг в чужих глазах, и легко поднялась по ступенчатому крыльцу. – Мой муж, Элиот, сам построил этот дом еще несколько лет назад, когда мы с детьми только собирались поселиться в Бостоне. По правде тебе скажу, здесь довольно шумно – гораздо спокойнее живется в Бруклине или Медфорде, уж я то знаю, о чем говорю. Мы колесили по всему Масачусетсу, прежде чем обустроиться в этом месте.

Сам того не заметив, Джек очнулся уже сидя на небольшом диванчике в гостиной чудного дома. Комнаты, казалось, были сделаны для проведения в них танцев или чего подобного – множество свободного от мебели и цветков в горшках (которые стояли на каждом подоконнике и в каждом углу) места давало немыслимый простор воображению. Глядя на уютно приютившуюся под белоснежным потолком хрустальную люстру, парень задумался: «Когда они успели обзавестись всем этим, если переехали несколько лет назад? Такой расклад кажется немного необычным, верно? Сначала семья живет где-то в другом месте, затем внезапно дается в путешествия по штату, а после покупает себе дом на немалую сумму денег...

«Нет, перестань так думать», – одернул сам себя Джек и благодарно улыбнулся миссис Роберстон на ее предложение поторопить Рэйчел. «Ты не хочешь так думать, но думаешь, потому что не можешь по-другому. Мэг научила тебя, что, если у людей хорошая жизнь, то они обязательно мошенники, убийцы или скрываются от уплаты долгов и налогов».

Наверху раздался быстрый топот маленьких ног, видимо, перескакивающих ступеньки лестницы, и другой, чуть менее спешащий и потяжелее. Не прошло и минуты, как в гостиную влетела рыжеволосая девочка, тормозя перед сидящим на диване Дауни. Ее средней длины волосы на этот раз были аккуратно собраны в конский хвост, теперь уныло болтающийся на худеньких плечиках, а голубая блузка аккуратно заправлена в оранжевого цвета юбку.

– Ты сегодня решила полностью соответствовать своему прозвищу?

Рэйчел громко, но коротко засмеялась и задрала вверх губу, наигранно поворачиваясь к гостю спиной. пышный подол юбки крутанулся вслед за ней.

– А ты, видимо, все такой же непроходимый зануда, – парировала девочка, но, мигом сообразив, что мама где-то поблизости, и подобными фразочками в стенах дома разбрасываться не стоит, добавила:

– Пойдем уже, если ты не хочешь просидеть в гостиной весь день. Который час?

Джек встал и двинулся за маленькой хозяйкой дома к выходу, бросая короткий взгляд на крошечный кружок циферблата и одновременно с этим сверяя свое время со временем на настенных часах комнаты.

– Половина второго. Ты стояла прямо перед часами, почему сама не посмотрела?

Рыжеволосая улыбнулась и, не реагируя на этот вопрос, словно и вовсе его не слышала, начала накидывать на себя куртку. Ненадолго замерла, борясь с десятком пуговиц и петель, а после снова удивленно посмотрела на Джека. Тот в нерешительности стоял в дверях.

– Это называется общение, мистер всезнайка. Какой смысл тогда двум людям находиться в одном помещении, если они оба молчат и могут самостоятельно завязать себе шнурки или налить стакан воды? Скучно. Поэтому я и спросила – поддерживаю нашу беседу.

Снова раздался звук шагов, и с кухни вышла миссис Робертсон, держа в руках заварочный чайник и в недоумении глядя на уже почти одетую дочь и ее друга. В чужих глазах

мигом промелькнули калейдоскопом десятки всевозможных чувств, что бывает, когда на один и тот же предмет через прошедшие годы глядишь по-разному – будто в зрачки установили две новенькие блестящие линзы, и теперь все чудно и кажется совершенно другим и новым. Наконец, женщина обиженно воскликнула:

– А как же чай? Рэйчел, милая, неужели ты даже ничего не предложишь гостю...

Но девочка холодно перебила укоряющий материнский тон и засунула ноги в черные кроссовки.

– Мы пообедаем в кафе, мама. Это тоже часть нашей прогулки, так что, будет неправильно, если Джек наестся дома печенюшек или каких-нибудь конфет и потом примется язвить каждый раз, когда я захочу что-нибудь съесть. Так что нет, к сожалению, мистер Дауни вынужден будет пересилить себя и отказаться от такого заманчивого и щедрого предложения.

Закончив кутаться во всевозможные шарфы и размышлять над необходимостью зонтика, Рэй подбежала к матери и чмокнула ее в щеку, в то время как Джек продолжал извиняющее пятиться к выходу. Девочка тоже не стала терять свое драгоценное время, и вот уже через несколько минут они шли по Беркелей-Стрит, молча и быстрыми шагами разрезая улицу вдоль на две невидимые полосы.

«Эта та самая неприятная тишина, – подумала вдруг Рэйчел, – которая иногда просачивается между делом, и не дает тебе вымолвить ни слова. С одной стороны прекрасно понимаешь, что это всего лишь неловкая пауза, и ее легко можно прервать сказанной невзначай шуткой или чем-то подобным, но с другой... не хочется бросить что-нибудь глупое или неловкое, чтобы потом чувствовать себя пристыжено – тогда правильнее и вовсе не говорить, а только внимательно смотреть себе под ноги. Именно из-за такой тишины люди быстро прощаются и с головой окунаются в свое гордое одиночество, полагая, что, верно, здесь они никому не нужны».

– Как тебе моя мама? – тихо спросила девочка, не чувствуя на себе вопрошающего взгляда идущего рядом парня.

– Очень заботливая. И гораздо гостеприимнее, чем ты, рыжик.

– Да, она такая. Ярая перфекционистка. Все в ее жизни должно быть безупречным – если дочери ругаются, то это «неподобающее для леди поведение», если в спальне бардак, «нужно немедленно прибраться, неужели поддерживать чистоту так сложно», ну а ее грандиозное «чтение книг легко может заменить тебе общение с друзьями, хотя, будь Моэм или Шекспир одними из них, я бы забрала обратно свои слова». Ты не поверишь, как же сильно это выводит из себя! Иногда мне кажется, что я живу в совершенно другом мире с другими правилами, – вздохнула рыжеволосая и поникла еще больше.

– Чьи-то странности не должны влиять на твое восприятие мира, – пояснил Джек, сворачивая с улицы и перестраивая их маршрут в сторону Чайнатауна. – Если твоей матери нравятся правильные вещи – в этом нет ничего плохого, ведь в любом случае можно прийти к компромиссу. Ты не представляешь, как важно ценить то, что имеешь. Особенно семью.

Дауни глубоко вдохнул и с большим трудом сдержал начинающуюся в пальцах дрожь. Каждый раз воспоминания о прошлом отдаются ему вот так, не как у всех, будто он чертово исключение из общего слаженного и стройного уравнения. Некоторые сидят вечером под теплым пледом и пьют какао с плавающими в нем зефирками, пересматривают старые фотографии, кассеты, смеются и шепчутся о прошедшем – они ложкой черпают золотистый мед из своих банок, доставая его из самого низа и с любопытством глядя, как тягучая масса переливается на солнце и стекает обратно, мягкой гущей укрывая верхние слои... Джек же видит это совсем иначе, для него на дне банки только сухой шиповник, и чем больше ковыряешь его ложкой и пытаешься достать, чтобы хоть одним глазком взглянуть и вспомнить, тем листья с каждым разом все более и более мельчают, оставляя на своем месте колючие шипы, а ягоды переминаются в отвратительную кашу.

Такая вот банка со сладким.

Рэйчел виновато посмотрела на нахмурившегося парня и осторожно, почти шепотом спросила его, раздумывая, как бы ненароком не обидеть:

– А что случилось с твоей семьей? Что-то плохое?

От девочки не укрылось, как Джек вздрогнул и сильнее стиснул кулаки, так, что костяшки пальцев чуть побелели. Он явно не хотел говорить о таком личном с новой (и совсем недавней) знакомой, это было слишком сокровенное, слишком тайное, чтобы выкладывать первому встречному. «Эта мелкая не поймет, точно не поймет, с ее-то воспитанием. Гораздо лучше...»

оставить свои проблемы при себе, запереть их где-нибудь глубоко-глубоко и терпеливо ждать, пока не начнут гнить прямо внутри тебя – это ты имеешь в виду, Джеки?

– Я позже расскажу тебе, – коротко бросил парень, снова закутываясь в мысленный кокон и по-настоящему жалея, что прогулка не задалась с самого ее начала. Теперь даже ненадолго выглянувшее солнце слепило глаза и раздражало, и казалось, будто весь окружающий мир решил «помочь Джеку сойти с ума».

– Хорошо, извини.

Рэйчел опустила голову, пытаясь не смотреть никуда, кроме как под ноги. «Черт, ну зачем я спросила! Видно же, что это него для колкая тема, а ты... Глупая, глупая! Не можешь ни слова сказать, никого не обидев. Интересно, почему он еще не ушел от тебя? Да и куда мы вообще?»

Девочка осторожно посмотрела на лицо Дауни, как бы случайно отмечая его мрачность и холодное безразличие. Затем огляделась по сторонам и резко стукнула нового друга по плечу, разыгрывая искреннее удивление:

– Куда ты нас завел? Хочешь меня похитить, а потом продать каким-нибудь злым типам в подворотне?

Дауни выдавил из себя слабую улыбку и, не сбавляя шаг чуть быстрее прогулочного, разъяснил ровным тоном:

– Если бы я и хотел сделать с тобой что-нибудь в этом роде, то, во-первых, не стал бы показываться на глаза твоей родне. Во-вторых, не позволил бы тебе узнать обо мне столько всего, иначе ты можешь использовать эту информацию против. Ну, и в-третьих, я не пошел бы сейчас с тобой в Старбакс.

– Старбакс? Серьезно!? Я не была там сто лет! Он маленький и уличный, где можно брать только напитки, или это действительно кафе?

– Поверь, ты сможешь закупить там столько сладкой гадости, сколько тебе захочется. Ты ведь так и не начала заниматься спортом?

Брюнет предусмотрительно отодвинулся на шаг от закипающей Рэйчел, именно в тот момент, когда ее кулак набирал скоростью и просвистел в воздухе точно там, где прежде была рука Джека. Рыжеволосая на это только презрительно фыркнула.

– Вы уже готовы сделать заказ? – грузная женщина с румяным дружелюбным лицом подошла к столику, легонько постукивая кончиком карандаша о твердую корочку блокнота. Джек театрально поднял вверх руки, всем своим видом показывая, что уступает даме, и официантка обратилась к Рэй с подобным вопросом.

После того неловкого разговора они шли в ноющей тишине, прерываемой лишь короткими указаниями парня касательно дороги к кафе, поэтому, когда двери заведения распахнулись, и в лицо ударил терпкий аромат свежего кофе и пекущегося теста, девочка не смогла удержаться от облегченного вздоха. Все же шум столовых приборов, чужих спокойных голосов и льющейся откуда-то сверху приятной музыки в разы лучше молчаливой враждебности. Похоже, Дауни придерживался того же мнения.

– Мне, пожалуйста, один ванильный коктейль со взбитыми сливками и клубникой, – начала перечислять Рэйчел, задумчиво глядя в меню и в очередной раз пересчитывая в уме данные матерью деньги, – и творожный пудинг. И, будьте так любезны, одну лишнюю ложечку.

Женщина понимающе кивнула и испытывающее посмотрела на второго посетителя. Тот наклонился и неотрывно глядел на собственные руки, будто желая прожечь в них огромную дыру. Очнулся он от глухого и кислого голоса:

– Молодой человек, вы будете что-нибудь заказывать, или я могу идти?

«Тебе же на самом деле некуда спешить», – подумал про себя Джек, переводя более осмысленный взгляд на официантку. «Это твоя работа. Ждать, пока гость не сделает свой выбор и, наконец, не закажет свой несчастный капучино или яблочный пирог, и уйти с полностью испорченным настроением, устало положить листок с заказом на стол бармена, а после бросить короткий взгляд на наручные часы и терпеливо вынести последние шесть часов рабочего дня, натянув на лицо бессовестную и неискреннюю ни на цент улыбку. И ты прекрасно знаешь, по моим глазам видишь, что я сдерживаюсь от какой-нибудь неприличной грубости только из-за присутствия этой рыжей... Считай за подарок свыше».

– Мне один черный кофе без сахара, молока, сливок и всего того, что вы захотите туда положить. Благодарю.

– Отлично, – женщина сделала пару черточек в записной книжке и с видимым облегчением отчеканила, – ваш заказ будет готов спустя несколько минут. И, последнее, могу я узнать ваши имена, чтобы мы могли написать их на ваших напитках?

– Нет. Не стоит.

Дауни демонстративно закатил глаза, предвидя, что девочка захочет вмешаться и мысленно проклиная ее за это, но в то же время с легким интересом наблюдая происходящее. Робертсон не стала медлить:

– Извините его, он просто не знает ваших правил. Меня зовут Рэйчел, а этого грубияна – Джек.

– Замечательно, – с напускным весельем ответила работница, борясь с сильным желанием отвернуться от парня и продолжить общение с милой гостьей. – Ждите, пока не услышите, что заказ готов. Хорошего дня.

– До свидания, – крикнула Рэй вслед удаляющейся тучной фигуре, и сердито посмотрела на все еще молчащего Джека. Он так и сидел, чуть повернутый в сторону окна от основного прохода между столиками, задумчивый и слишком унылый для сегодняшнего дня.

«Давай, Рэйчел, ты знаешь, что его гложет, знаешь, что ему срочно нужно высказаться. Можешь либо подтолкнуть его к рассказу, либо перевести тему, хотя во втором случае шансы развеселить или просто вернуть в обычное состояние этого ненормального крайне малы. Действуй, или он и дальше будет пожирать глазами тебя и остальных посетителей этого кафе».

– Джек? – девочка позвала находящегося в прострации парня и, наконец, спросила первое, что только смогло прийти ей в голову. – Почему ты выбрал именно это место?

Брюнет несколько раз глухо шелкнул пальцами, и, когда звук стал громким и более четким, тут же утонул в шумной суете помещения, пожал плечами:

– Не знаю. Если честно, сегодня утром, прежде чем выйти из дома и направиться к тебе, я думал о конечном пункте нашей прогулки. Мы, конечно же, могли бы побродить по городу или снова зависнуть в парке, но я не успел перехватить ни куска с того момента, как только встал. Ну или самую малость. Так что кафе или закусочная – лучший вариант. Да и вообще... В этом что-то есть, понимаешь?

Не успел парень договорить, как со стороны кассы прозвучал короткий звонок, и звучный мужской голос отчеканил:

– Мисс Рэйчел и мистер Джейкен, ваш заказ ожидает у кассы. Мисс Рэйчел и мистер Джейкен...

Рэй тут же беспрерывно захохотала, едва только диктор произнес последнее слово, и кафе вновь поглотили другие звуки. Джейкен... А она, в свою очередь, так долго размышляла над прозвищем, хотя бы таком же обидном, как «рыжик», делала записи, сравнивала. Кто бы мог подумать, что обыкновенный поход в Старбакс так ей в этом поможет!

– Джейкен, будь другом, – девочка едва ли могла внятно говорить, постоянно давясь раздражающим горло смехом и чувствуя, как тот отдается легкой, но приятной болью в висках, – забери заказ.

Молчаливый и серый, как одна большая и недовольная жизнью туча, Дауни выплыл из-за стола и, одновременно с этим проклиная каждого человека в этом здании, подошел к кассе. Обеими руками ухватил поднос, на котором опасно раскачивались два стакана, а затем установил его перед уже успокоившейся Робертсон.

– Спасибо. Выглядит аппетитнее, чем в меню, правда?

Действительно, прозрачный стаканчик с небольшими холодными каплями снаружи, в котором плавала шапка из сливок с клубничной посыпкой, и целая тарелка молочного цвета пудинга, заправленного шоколадом, были восхитительны. Даже кофе Джека – казалось бы, самая невзрачная часть обеда – выглядел привлекательно за счет приятного запаха и поднимающегося от крышки пара.

Девочка притянула коктейль ближе, а тарелку с лакомством оставила на середине стола. Невозмутимо взяла свою ложечку и отломилла первый кусочек, медленно жуя и при этом блаженно улыбаясь.

– Вторая – тебе, – пояснила Рэй, делая ледяной глоток из стакана. – И даже не думай отпираться, я знаю, что ты тоже голоден, и, более того, одна я с такой порцией не управлюсь.

Джек с радостью в душе согласился и даже позволил себе растаять в довольной улыбке. Только спустя минуту его лицо вновь стало серьезным и сосредоточенным, как тогда, во время прогулки в парке – даже глаза будто потемнели и превратились в два задумчивых карих огонька.

Ты же не собираешься делать того, о чем думаешь, правда? Мы оба знаем, к чему это может привести – ты зависим и слаб, когда люди знают твои секреты. Не позволяй этой девочке прикасаться к своим демонам...

– Рэйчел, ты можешь меня выслушать?

Рыжеволосая уверенно кивнула и отпила еще немного коктейля, подаваясь вперед и тем самым давая понять, что она полностью готова впитывать в себя каждое слово.

– Понимаешь, это не так просто, как ты думаешь – взять и рассказать что-то человеку, которого ты едва знаешь. В этом, конечно, есть свои плюсы – можно выстроить историю так, как тебе того хочется, и она не будет ложью, а так, лишь небольшой недомолвкой, ведь слушающий тебя не сможет это проверить. Но какой смысл лгать? Поэтому я чувствую, что стану свободнее и чище, если доверюсь кому-то, посвящу в свои проблемы, но... Могу ли я рассчитывать на взаимную поддержку и преданность, Рэй?

Джек опять крепко стиснул кулаки под гладкой крышкой стола, выжидаяще и почти умоляюще глядя на девочку. Та растерянно мешала напиток трубочкой, а недоеденный кусочек пудинга так и лежал на ложке в ее руке. Наконец, она тихо, почти не своим, а каким-то тонким и хриплым в то же время голосом ответила:

– Люди бывают жестокими. Эта как лотерея, и ты никогда не сможешь предугадать, какой человек находится перед тобой в данный момент. Он может говорить одно, а думать о совершенно ином и гадком – только тебе решать, веришь ты ему или нет. Я не стану принуждать тебя к рассказу. Ни в коем случае. Сделай это, когда почувствуешь себя ужасно или когда поймешь, что поделиться нужно немедленно, иначе тебе сорвет крышу. Главное, чтобы ты сам захотел мне довериться – тогда я пойму и выслушаю, даже не сомневайся.

После этих слов девочка как ни в чем не бывало принялась доедать свою часть десерта, а Джек с раскрытыми от удивления глазами наблюдал за каждым ее движением.

«То есть, она согласилась, но дала мне шанс передумать. Неплохо, очень даже неплохо. Пожалуй, оставим на потом сопливые откровения и переживания».

– Знаешь, – Рэйчел быстро дожевала и участливо улыбнулась парню, – ты можешь попробовать кое-что. Да, это великолепная идея!

Последняя фраза была произнесена слишком уж громко, и теперь два соседних столика с любопытством замолкли и обернулись в их сторону. Робертсон поспешила исправиться и понизила голос, все еще восторженно повторяя:

– Просто замечательно! Если ты не можешь рассказать о своих проблемах, так напиши! Заведи свой личный дневник и записывай все, что вздумается.

Дауни протестующе замычал и покачал головой:

– Ты хочешь присоединить меня к армии маленьких девочек, клеющих бабочек и милых щенят в свои разрисованные каракулями тетрадки? Глупости, взрослые люди не решают так свои проблемы. Они беседуют с друзьями за кружкой хорошего пива в баре, ходят на приемы к психотерапевту...

– Тогда почему ты просишь моей помощи? – Рэй удивленно уставилась на Джека, и, видя, что ответ дается ему крайне тяжело, добавила: – Почему не идешь к своим друзьям?

Дауни усмехнулся, представив на мгновение, как он сидит перед Кэти, в то время как та наносит тысячный слой пудры на накрашенное лицо, и слезно рассказывает о своих проблемах. Или как Роджер увлеченно играет в компьютер и краем уха слушает причитания друга, изредка и почти всегда наугад поддакивая и со всем соглашаясь.

– Хорошо, я тебя понял. Что мне нужно сделать? Чертить закорючки в блокнотах и приносить их тебе?

– Нет, что ты. Все куда проще. Во-первых, не обязательно доверять кому-то свои записи – важен сам факт того, что ты пересилил себя и высказался, пусть всего лишь на бумаге. Если появится такое желание, ты можешь показать мне, но этого не случится, верно? Во-вторых, не относись к этому, как к заданию или пытке, а преврати в ежедневное правило. Если будет сложно что-то написать, можешь пожаловаться на ужасную Рэйчел, которая жестоким образом заставляет тебя вести этот глупый и бесполезный дневник.

Робертсон с довольным лицом положила ложечку на поднос и грустно оглядела свой недопитый коктейль. «Почему-то мне кажется, что это ему поможет. Я не практикующий личный психолог, но, когда грустно или тошно, нужно вытаскивать из себя этот гной, неважно, куда – на бумагу или делиться им с кем-то и медленно размазывать по чьему-то лицу. Иначе можно просто свихнуться от груза накопившихся проблем».

– Ты закончила, рыжик? – спросил Джек и встретился с виноватой улыбкой и легким кивком головы в сторону молочного напитка. – Это ничего, попробуем по-тихому пронести мимо персонала. Давай сделаем так: я заплачу и отвлеку официантов, а ты тихо вынырнешь из кафе со стаканом. Встретимся на улице, идет?

– А если нас поймают? – Рэй испуганно вжала плечи и с опаской огляделась по сторонам. – Что они могут нам сделать?

– Думаю, устроят истерику на всю улицу и сообщат в школу. Может быть даже пойдут к родителям, – Джек озабоченно скривил губы и, как и ожидалось, отметил в чужих глазах неподдельный испуг. Он поспешил добавить:

– Но этого не произойдет, если будешь точно следовать моим указаниям, ясно? Жду на выходе.

Бросив это, Дауни протянул руку, требуя части денег за заказ, и, когда получил из дрожащих пальцев чуть измятые купюры, двинулся к кассе. Девочка не стала провожать брюнета глазами и терять драгоценное время, а потому схватила стакан и юркнула влево, встав за угол

и осматривая зал в поисках возможной опасности. Щупленький паренек в фартуке и моющая окно снаружи уборщица – мелочи, но и их нужно учесть для успешного проведения операции.

В детстве Робертсон часто играла с сестрой и отцом в подобные игры: они делились на отряды и рассыпались по саду, создавая себе воображаемые крепости и убежища в кустах, на деревьях или в высокой траве, и, когда из дома раздавался сигнальный гудок, ползли по земле, перебежали из одного укрытия в другое, только бы остаться незамеченными. Из-за такой неплохой подготовки в летнем лагере Рэй присвоили значок «смелого и проворного бойца», который она потом с гордостью носила на правой стороне кофточки, словно это и вправду была боевая награда. Тогда эта картонная звездочка с прикрепленной к ней булавкой казалась рыжеволосой чем-то восхитительным, воплощенным в предмете идеалом, к которому она так долго стремилась и, наконец, заслужила в непростой битве.

Если бы сейчас тебе дали такой же бумажный ошметок, ты бы недоуменно улыбнулась и избиавилась от него спустя несколько минут. Печально это осознавать.

Выбросив из головы лишние мысли, девочка прижала стакан с напитком ближе, прямо к быстро колотящемуся сердцу. «Всего десять шагов, Рэй, давай, сделай их, ведь сейчас ты вызываешь больше подозрений, чем если бы шла к выходу». Равнодушная маска на лицо, расправленные плечи, задумчивый взгляд – и Робертсон осторожно пошла к двери.

Шаг – кажется, или кто-то посмотрел на нее слишком вызывающе?

Второй – почему в кафе стало так тихо? Неужели на нее обратили внимание все посетители, и теперь затаили дыхание, разом умолкли, изредка перешептываясь и насмехаясь над каждым ее действием?

«Перестань думать об этом, у остальных есть дела поважнее, нежели наблюдать за идущей на улицу рыжеволосой девчонкой... Ты уже почти у своей цели, почти пришла, осталось только протянуть руку, и...»

Дверь легко распахивается наружу, позволяя Рэйчел вылететь из помещения и глотнуть свежего теплого воздуха. Но девочка не давала себе передышку до тех самых пор, пока не оказалась на достаточно большом расстоянии от Старбакса, таком, с которого совершающий свою вылазку Джек смог бы ее увидеть. Облегченный вздох тут же вырвался из напряженной груди.

Так глупо гордиться тем, что ты сделала, хоть ты и гордишься. Наверняка, Дауни пришлось куда хуже, или его уже поймали и вот-вот поведут в полицию, а ты стоишь здесь и чему-то радуешься.

Не успела Рэй подумать о всех тех бедах, которые могут ожидать парня в случае провала, как он невозмутимо вышел из кафе и, даже не оглянувшись назад, подошел к замершей от волнения подружке. Та не смогла не похвалиться:

– У нас получилось, да? Вышло же? О, Господи, я так старалась, чтобы меня не поймали, уже несколько раз успела пожалеть...

– Слушай, рыжик, – брюнет бесцеремонно перебил девочку и отхлебнул остатки горького кофе, слегка при этом поморщившись, – я должен тебе кое-что сказать. То, что мы сделали – совсем неплохо, и я не хочу, чтобы ты грустила или винила себя. Все обошлось.

Парень начал медленно и незаметно удаляться в сторону от замешкавшейся Рэйчел, и, когда возможные пути отхода были им отмечены, продолжил чуть живее и с наигранным сожалением:

– Правда, есть один маленький нюанс. Дело в том, что... выносить напитки из этого кафе не было запрещено. Конечно, я хотел тебе рассказать, но ты так живо отреагировала на мою шутку, что я решил тебя не трогать и позволить отыграть роль до конца...

После Дауни еще не раз мысленно возвращался в тот день, проигрывая его в памяти снова и снова. Ведь не зря же самые великие и не очень люди так восхваляют чудесные способности нашего мозга и советуют уделять размышлениям хотя бы несколько свободных минут –

Джек тоже старается придерживаться этого простого правила с тех пор, как умерла Шарлотта, и свободного времени появилось более, чем достаточно. Поначалу было сложно справляться с быстрым и сильным потоком несущихся и накрывающих с головой мыслей: они захлестывали, не давали вынырнуть, сдавливали быстро поднимающуюся и опускающуюся в сдавленном крике грудь и постоянно долбили по голове, заставляя ее раскалываться на части от боли. В такие моменты парень мог лишь лежать и молча глотать слезы, не в силах справиться с собой и некогда ничтожными, но теперь такими дорогими и неприкосновенными воспоминаниями. Потом медленно начало приходить осознание, и блокировать такие мысли стало чуть легче. Этот выводящий из себя звук в его голове сперва был далеким эхом нежного маминого голоса, а теперь окончательно изменился, превратившись в язвительное и надоедливое, хотя иногда даже услужливое, «Я» Джека – своего рода броня, спасающая от ностальгии и грусти.

Наконец, спустя долгие несколько месяцев, Дауни удалось обрести контроль над разумом, а рассмотрению и расщеплению предавалось лишь то, что хотел сам хозяин. Больше никаких ненужных эмоций, истерик и долгих терзаний – на смену всему этому пришли рациональность и холодная расчетливость.

Потому, бродя по городу или же уставившись в потолок спальни отстраненным взглядом, Джек в тысячный раз вспоминал то самое семнадцатое октября, когда посиделки в кафе вылились в душевный разговор, и парень впервые почувствовал свою зависимость от этой рыжеволосой девочки. Он мог в любой момент описать выражение ее лица, когда в пропахших свежей выпечкой стенах впервые раздалось предложение о помощи; как Рэй сосредоточенно смотрела в глаза напротив, в задумчивости касаясь пальцем кончика веснушчатого носа и иногда слегка прищуриваясь, словно она *действительно хотела помочь*. Как будто ей было не все равно, *не наплевать*. Но это воспоминание тут же сменялось другим, еще более интересным – Дауни помнил каждую малейшую детальку. То, как он сам не смог удержаться от рвущегося наружу смеха, и, вопреки своему желанию скрыться от рассерженной девочки, подошел к ней и не сопротивлялся, когда ее кулаки слабо, но все же весьма ощутимо, колотили по плечу и спине. Или бледное лицо, мигмом покрасневшее от смущения и злости, а затем крики, смех, полусерьезное возмущение, оправдания и пролитый на холодный асфальт давно всеми забытый молочный коктейль...

Глава 9

Тем же вечером, когда Рэйчел, уставшая, но довольная и счастливая, заперлась в своей комнате от всяческих расспросов и любопытных взглядов, миссис Робертсон не находила себе места. Еще в обед, стоило только дочери и ее сомнительному на вид другу покинуть дом, Джанетт тут же бросилась в гостиную, туда, где после утреннего перекуса муж читал свежий газетный выпуск.

– Дорогой, ты *это* видел? Видел же?

Привыкший к чрезмерной эмоциональности и раздражительности жены Элиот поднял на нее глаза, все еще держа «Таймс» раскрытой в своей руке. Его обыкновенно задумчивое овальной формы лицо кажется, вытянулось еще сильнее (обе девочки не забывали отпустить шутку о том, что оно очень похоже на длинный воздушный шарик, из каких обычно вяжут надувных собак или фламинго):

– О чем именно ты хочешь мне сказать, Джанетт?

Женщина принялась выписывать по комнате маленькие круги, что-то непрерывно бормоча себе под нос и то кивая, в знак согласия, то прищипывая и качая головой. Ее всегда безупречные волосы окрасились оранжевым в отблеске солнечного света. Наконец, Робертсон решил прервать этот непонятный для него спектакль:

– Что-то случилось, милая?

Она резко остановилась и посмотрела на мужа так, словно впервые его видит и не имеет ни малейшего понятия о том, что они вместе делают в гостиной. У Джанетт случались подобные выходки, но не очень часто – слишком глубоко закрываясь в собственных мыслях, хозяйка дома порой очень долго выпутывалась из этого плена, тяжело осознавая происходящее вокруг нее. На этот же раз все прошло более-менее мягко; женщина решительно направилась в сторону стоящего неподалеку дивана и села на самый его краешек, не переставая удивленно смотреть на мужчину.

– Ты сейчас серьезно? Смеешься надо мной, да? Случилось, кое-что случилось, занятый только собой папаша, которого не волнует жизнь и проблемы собственной дочери! Если бы ты хоть немного обращал внимания на свою семью, на наших детей, то заметил бы, *что именно* произошло!

Элиот устало выдохнул и отложил утреннее удовольствие в сторону, полностью обращаясь к бьющейся в истерике супруге и ласково, немного даже взволнованно, спрашивая:

– Ты имеешь в виду того молодого человека, который зашел за Рэйчел несколько минут назад? Я слышал их голоса, уверен, ты напрасно переживаешь.

Джанетт хрустнула пальцами и грустно посмотрела на сидящего напротив нее мужчину так, словно он был ничего не понимающим ребенком. Подобные споры, едва не перерастающие в ссору, случались в этом доме довольно редко, и единственной их причиной был характер миссис Робертсон. И если с ее желанием окружить себя идеальными вещами, людьми и безупречной жизнью домашние могли иногда мириться, то иногда этот отчасти нездоровый перфекционизм становился поводом для всплеска эмоций.

– Почему ты так спокойно на это реагируешь, Элиот? Ей всего тринадцать лет, а он выглядит как затравленный наркоман, ищущий легкую добычу в лице нашей малышки! Все его слова о дружбе и честности – полная чушь, и я ни за что в это не поверю. Моя дочь никогда не будет общаться с такими персонами! Вставай, поднимайся сейчас же, мы должны поехать...

Робертсон резким взмахом руки оборвал кричащую жену и протянул руку к небольшому чайному столику, на котором высилась гора всевозможных печенек и маленьких шоколадных конфет. По-прежнему не говоря ни слова, взял кружочек шоколадной вафли и отправил в рот, усердно жуя и намеренно громко хрустя своим лакомством. Затем запил молоком с этого же стола и только после мягко и тихо, едва слышимым шепотом, ответил:

– Ты себя не слышишь, дорогая, – начал он, с неохотой выдавливая из себя последнее слово и делая на нем особое ударение, – ни себя, ни меня тем более. Перестань так голосить, иначе и моему терпению скорее придет конец.

Робертсон сделал небольшую паузу, ожидая, что сейчас в его адрес вылетят пара-тройка гневный оскорблений и обвинений, или вот-вот истеричная Джанетт гордо поднимется с дивана и, бросив презрительный взгляд назад, быстро уйдет по направлению к кухне. Нальет бокал красного вина и с жадным блеском и невыразимой, наигранной всеми силами тоской в светлокариных глазах сделает глоток, затем еще и еще один, сдерживая рвущиеся наружу рыдания и размышляя о своей ненужности и никчемности.

Вопреки всему она осталась на месте, поникшей и опущенной книзу головой напоминая сломанную куклу.

– Вот и отлично. А теперь вернемся к нашему разговору. Тебя не устраивает новый знакомый Рэйчел, и поэтому ты хочешь вмешаться, я правильно тебя понял? – Элиот требовательно протянул раскрытую ладонь, и, получив неуверенный кивок, резко сжал ее в кулак, и на запястье отчетливо проступили вены. – Поддерживая мысль о равенстве всех людей в мире и уважении их прав, ты не считаешься с правами своей дочери, если намерена запретить ей общаться с теми или иными лицами только из-за собственной неприязни к ним. Теперь понимаешь? Она не будет вечно под твоим колпаком, Джанетт, и чем быстрее ты это осознаешь и примешь, тем проще будет твоя дальнейшая жизнь.

Закончив рассудительный монолог, мужчина прошел на кухню и вернулся оттуда с новым стаканом молока, полным до краев. Мгновенно осушил его и, отставив в сторону, присел к жене на диван, приобняв ее за острые плечи.

Сама же Робертсон никак не могла принять свою очевидную ошибку, и потому не шевелилась, ожидая реакции и следующих слов супруга. Она прекрасно знает, что мягкость Элиота не позволит ему уйти и оставить поникшую жену в одиночестве, он слишком нежен, слишком заботлив и трогателен этой своей вечной обеспокоенностью. Не требовалось никаких скандалов и криков, чтобы заставить этого человека почувствовать себя виноватым, а потому ей оставалось просто сидеть и терпеливо ждать, пока жалость не возьмет верх над справедливостью. Наконец, Робертсон примирительно поцеловал любимую в шею и прошептал в ее ухо:

– Я хочу поступить честно, как по отношению к тебе, так и к Рэй. Давай на время отложим эту ситуацию, так же, как ты откладываешь семена в надежде посадить их потом, как-нибудь на следующей неделе, когда погода будет благоприятнее всего, – оба слегка улыбнулись, и хозяйка дома расслабилась в теплых объятиях. Да, она действительно грешила, оставляя некоторые дела на будущие дни, и вся семья Робертсонов знала, что неделя незаметно растягивается на месяц, тот на сезон, а злосчастное «потом» превращается в липкую бесконечность, к которой не следует прикасаться. – Отложим, но не забудем. Не думаю, что сейчас от Рэйчел можно будет услышать что-то трезвое и убедительное, когда она вернется с прогулки. Признаться честно, я и сам очень часто держу некоторые слова при себе, а делюсь ими только после тщательного обдумывания – такова уж привычка. Давай поговорим с ней об этом новом знакомом завтра утром? Не сомневаюсь, что за столом она будет чувствовать себя комфортнее, чем припертая допросом к стенке, да и твои фирменные оладья могут сделать ее куда сговорчивее.

Джанетт счастливо закивала головой и вскочила с места, заранее начиная строить примерный план грядущей беседы и набрасывая опорные фразы на воображаемый бумажный лист. Элиот только тяжело вздохнул и продолжил чтение газеты, думая про себя: «Сумасшедшая. Таким законы не писаны».

На следующий день, как и было задумано в голове у Джанетт, утренний прием пищи представлял собой не просто ее поглощение. Пересмотрев десятки книг с различными советами о проведении важных разговоров с детьми, два часовых фильма на эту же тему и бесконечное число интернет-советов от обеспокоенных этой темой мамочек, женщина теперь сидела за столом, с привычной радостью наблюдая за тем, как члены ее семьи справляются с завтраком. Сама же она нисколько не спешила и переводила хитрый, но немного заспанный взгляд с одной дочери на другую, затем на мужа и обратно на уплетающую горячие оладьи Рэйчел, ждала подходящего момента и, наконец, решилась.

Стоит понимать, что подобные «выуживания» информации из детей не могут привести ни к чему хорошему, – утверждал один из сидящих перед камерой психологов, чье лицо и голос заметно искажались на экране, а сидящая с банкой пломбира Джанетт увлеченно кивала и переключала планшет из одной руки в другую. – *Вы должны на начальном этапе воспитания создать атмосферу дружеского общения в ваших с детьми отношениях. Иначе все дальнейшие действия будут просто бессмысленны.* Однако, камера в очередной раз перескочила на другое, чуть полноватое и потное лицо, и завязался обыденный для передачи спор. – *А что, если изначально мать не смогла найти контакт со своим ребенком и не нащупала эту самую нить, с помощью которой может его контролировать без всяких помех? Вы хотите сказать, что она должна опустить руки и прекратить любые попытки, ведь, послушав вас, мой дорогой, оладьи мамочки скорее всего так и сделают.* Зал ахнул, и вместе с этими невидимыми людьми замерла в ожидании и миссис Робертсон. Первый человек спокойно возразил, уверенно глядя

на телезрителей и поднимая руку в успокаивающем жесте: *Ни в коем случае. Я не спорю с тем, что, разумеется, бывают случаи, когда отношения между детьми и родителями не залаживаются изначально – возможно всякое, и, пожалуйста, не будем углубляться в подробности. Но при таком раскладе как раз самое важное, так это не сдаваться и не опустить руки. Понемногу, по капельке, быть может даже без видимого прогресса вы должны расположить к себе свое чадо, стать верным другом и надежным защитником в его глазах. Попробуйте просто поговорить с вашим ребенком, и я уверен, что результат не заставит долго себя ждать.*

Поэтому сейчас был самый подходящий для такого рода беседы момент. Лучше и придумать нельзя. Сделав небольшой глоток обжигающего какао и затем тщательно облизав губы, женщина ненавязчиво, как бы между делом, спросила:

– Как прошел ваш вчерашний день? Что-то интересное или новое?

Элиот грозно уставился на мило улыбающуюся жену и хотел уже было погрозить ей пальцем, но Хлоя довольно сухим голосом начала рассказывать:

– Ничего необычного, мам. Мне даже кажется, что выходные гораздо отстойнее школьных будней.

– По-моему, ты глубоко заблуждаешься, детка, – ответила сладким голосом блондинка и добавила, уже развернувшись ко второй дочери, – просто найди занятие себе по вкусу. А ты, Рэй? Как дела у тебя?

То ли из-за слишком странного поведения мамы, то ли всему виной были эти лживые участливые нотки в каждом ее слове, но Рэйчел мгновенно насторожилась. Аппетит, словно по команде, исчез, и теперь девочка задумчиво ковыряла вилкой подостывшее тесто, пропитанное сладким сиропом.

– Тоже неплохо. Наверное, даже немного лучше, чем у Хлои, – ограничившись таким коротким ответом, рыжеволосая с неохотой отправила очередной кусочек в рот, усердно жуя и всем своим видом показывая, что на длительный разговор можно и не рассчитывать. Джанетт, кажется, была совершенно иного мнения.

– Ну, детка, не скромничай. Кстати, а как там твоя прогулка с тем юношей?

Рэйчел задумчиво опустила глаза в тарелку. Ответить честно и подробно было бы правильным, но, учитывая характер миссис Робертсон, почти невыполнимо. И не потому, что она не внушает доверия или не заинтересована в рассказе, нет, ни в коем случае – дело в том, как эта женщина умеет слушать. Поначалу молча, позволяя тебе полностью раскрыться и передать все свои накопленные эмоции через слова, затем – начиная постепенно задавать легкие и непринужденные вопросы, словно хочет всего-навсего уточнить ту или иную деталь. И, в конце концов, напирает с нравоучениями, жизненными и бесценными советами, которые девочка *больше ни от кого в этом жестоком мире не услышит*. После нескольких минут нудных нотаций остается лишь побежденно уткнуться в согнутые руки и тысячу раз пожалеть о том, что вообще решился прийти в эту комнату и чем-то поделиться.

Таких безрадостных рассуждений Рэйчел придерживалась всегда, но ситуация повторялась снова и снова.

Раскрой рот – и будешь слушать ЭТО до конца завтрака, а в школу пойдешь с откровенным настроением. Чего ты добиваешься, пчелка? Мало проблем, верно? Помолчи, соври какую-нибудь чушь и не рассказывай ей ничего, иначе вся семья будет «безмерно тебе благодарна» за будущее шоу.

Рэй глубоко вздохнула и посмотрела на маму. Та спокойно и не подавая виду допивала утренний напиток, ловко запечатывая рвущееся из нее любопытство глубоко внутри.

– Было весело, – девочка медленно обдумала скрытую сторону каждого сказанного слова, но, убедившись, что придаться не к чему, ласково улыбнулась почему-то хмурому папе и отложила вилку в сторону.

– А как его зовут, милая? Кто он и откуда? Нам же всем жутко интересно!

Женщина чуть приподнялась на локтях и заглянула смущенной дочери в глаза, как бы беззвучно повторяя: «Я знаю, конечно же, знаю, почему ты молчишь, детка, и *это очень глупо*. Поверь, никто не будет ругать тебя, если ты расскажешь о своем новом друге *еще немного*. Папочка будет в восторге, я с замиранием сердца выслушаю твою речь, и Хлоя тоже раскроет рот от удивления, ведь у нее *нет таких хороших знакомых*. Давай же, Рэй, только начни, и, будь уверена, я с радостью помогу тебе закончить».

– Джек. К сожалению, я пока не знаю, где он живет, – Рэйчел прикусила губу, старательно делая задумчивое лицо и якобы вспоминая адрес. – Но он очень хороший человек, мама, и мне нравится проводить с ним время.

– Замечательно, Рэй, – вклинился в разговор до этих пор молчавший Элиот и, отметив искреннюю благодарность в глазах дочери, продолжил, – на этом, я полагаю, можно закончить. Будет неприятно, если дети опоздают на занятия в первый же день после выходных, да, Джанетт? Мне было очень вкусно, но теперь нам и вправду пора ехать.

Миссис Робертсон осторожно повернула голову к мужу и изумленно, отчеканивая каждое свое слово, воскликнула:

– Еще слишком рано, Элиот. Ты же не хочешь, чтобы девочки сидели под дверями и терпеливо ждали назначенного часа? К чему спешить, если мы можем потратить это время на общение друг с другом. Мы ведь так редко...

– Джанетт, – мужчина оборвал ее сначала немного грозно, но после гораздо мягче предупредил, – не надо, прошу тебя.

Робертсон снова стрельнула глазами на уже умолкнувшего супруга и злорадно подумала, насколько же хороша ее выдержка, если этот безвольный тюфяк сломался и растаял от первых капель дождя, в то время как ей удалось стойко выдержать натиск бури. С победной ухмылкой она пропела:

– Этот Джек, дорогая, он... не обижает тебя? Не подумай, что я имею что-то против вашего общения, просто безумно за тебя волнуюсь. Он ведь не заставляет тебя гулять с другими незнакомыми и подозрительными людьми, правда?

– Нет, мама, не заставляет, – сквозь зубы выдавила Рэй и мысленно досчитала до десяти, пытаясь справиться с клокочущими в горле слезами.

«Она опять сделала это», – раздалось в голове девочки звонко и плаксиво. «Как всегда непринужденно и незаметно. А я позволила ей, дала слабинку, и теперь она просто разорвет меня в этой глупой словесной перевалке».

Так уйди, – подсказало что-то внутри рыжеволосой и забило в ушах настойчивым гулом, – *оставь это все. Не поддавайся ее расспросам и просто выйди из-за стола. Это ты можешь сделать?*

– А какой он сам из себя? – Джанетт обвела голодными глазами комнату и, остановив взгляд на висящих в углу и постоянно цокающих часах, продолжила, лихорадочно перечисляя: – У него есть родители? А друзья? Может быть ты знаешь хотя бы некоторых персон, с которыми можно связаться? Хотя это не столь важно, нет, нужно обратить внимание совсем на другую сторону! Его плохие привычки – он курит? Выпивает? Если так, то, Рэйчел, я не переживу, увидев тебя с сигаретой в зубах и бутылкой пива или еще чего хуже! Детка, ты обещаешь мне...

Девочка с застывшими на ресницах слезами посмотрела на умолкнувшего и не смеющего перечить отца. Тот опустил голову и что-то увлеченно рассматривал в тарелке, не обращая внимания на обращенные к нему и полные мольбы глаза. Перевела взгляд на Хлою. Блондинка тоже опустила взгляд в ответ, и по ее влажным от чая и чуть подрагивающим губам можно было отчетливо прочесть: «Прости, пчелка, пожалуйста, прости меня. Я не могу, понимаешь, не могу помочь тебе... Я все вижу и понимаю, но не имею права так рисковать. Сделай что-нибудь и перестань пожирать меня своими щенячьими глазками».

В отчаянии Рэйчел оттолкнула от себя недоеденное блюдо и еще не допитый шоколад и воскликнула:

– Нет, мама, я не обещаю! Не обещаю делать все, как ты хочешь, и повиноваться каждому твоему слову, общаться только с подобранными тобой людьми и жить под твоим вечным контролем. Твои слова... Ты делаешь людям больно, и сама этого не замечаешь. Если ты не поймешь, что не права, не осознаешь своей ошибки и не попытаешься искоренить ее из жизни...

Девочка не договорила, а на красном от злости и горячности лице выступили первые полупрозрачные капли. Тонкими струйками спустились вниз, к жадно глотающим воздух губам, и Рэй почувствовала солоноватый привкус собственного отчаяния. Не позволяя себе разреветься и после этого позорно выбежать из комнаты, так и не сказав самого важного, она шмыгнула носом и крепко стиснула зубы, как можно более грозно и внушительно продолжая:

– Ты не понимаешь, мама... Глупо искать идеальное во всем, что тебя окружает, если сама далека от подобного стандарта. И знаешь, если ты все же проигнорируешь эти слова и не захочешь над ними подумать, то... мне тебя искренне жаль.

Бросив последнюю фразу в тишину застывшей столовой, Робертсон выскочила за дверь и кинулась в свою спасительную комнату. Еще несколько минут после ухода девочки три пары изумленных и пристыженных глаз провожали ее удаляющиеся быстрые шаги.

Глава 10

«Здравствуй, несколько не дорогой дневник, вести который у меня нет ни малейшего желания. Одна маленькая рыжая дьяволица заявила, что ЭТО может помочь мне разобраться с самим собой и проблемами внутри меня, а также дала понять, что кроме нее никто не собирается помогать мне с подобными вещами. Она сказала, что я могу писать здесь все, что вздумается – связанное и не очень, какие-то отрывки историй из моей жизни или даже списки дел на день и того, что я не хочу забыть. Можно попробовать включить описание людей, окружающих меня событий или чего-то непонятного, например, моих философских размышлений.

Признаться честно, не знаю, нужно ли мне это, и помогут ли глупые записочки хоть в чем-то. Пока нужно поставить себе цель. Пусть это будет что-то легкое, но требующее небольших усилий, быть может жалобы на Рэйчел или рассказ о прошедшем дне жизни – не суть важно – главное, зачем я это делаю, моя нынешняя мотивация и желание или же его отсутствие. Рыжик велела написать и об этом и выделить фразу как-нибудь по-особенному. Что ж, я, Джек Даунинг-Уинтроп, начинаю вести этот ничтожный и бесполезный по своей сути дневник, потому что меня заставили сделать это, использовав запугивание и прочие угрозы

я на самом деле хочу разобраться в своей голове и своих мыслях

большинство людей на этой планете ведут дневники и утверждают, что такая привычка способствует развитию мышления и базовых писательских навыков

как бы я ни пытался отрицать это при разговоре с Рэйчел, мне действительно страшно доверить свои сокровенные размышления пусть даже более-менее приближенному к себе человеку, а эта тетрадь вряд ли сможет использовать мои секреты против меня самого

когда я вырасту и стану хоть чуточку серьезней, мне захочется понастольгировать и удариться в былые времена; я перечитаю эти записи, сделаю определенные выводы и сожгу все написанное в собственном камине, в то время как моя ирландская кошка будет жалобно мяукать в одной из огромных комнат двухэтажного коттеджа в Калифорнии

последняя и самая незначительная причина, которую я все же включу в этот список – гордость. Будущий восторг от вспыхнувшего в глазах рыжей удивления, радостная улыбка из-за ее широко раскрытого рта и быстро бегущих по исписанным страницам глаз».

Джек отложил в сторону ручку и пробежался сонными глазами по только что написанному. Поначалу слова выходили очень медленно и тяжело, как комья кашля, которые с силой нужно вытолкать из горла, а затем потекли сами собой, преобразовываясь в весьма сносный текст.

Парень впервые за несколько дней снова оказался в ставших родными, но все еще ненавистных стенах квартиры на Стюарт-Стрит. Все происходящее трое суток назад казалось не более чем бредовым сном или каким-то продолжением одного из многочисленных фильмов, просмотренных Джеком во время пребывания у Роджера – Дауни просто пришел домой. Заглянул в каждую из комнат по пути к кухне и подпрыгнул на месте от страха, держась рукой за сотрясающуюся от гулкого биения сердца грудь, когда раздался женский плаксивый голос:

– Джеки?! Мальчик мой, это ты?

Парень неверяще выпрямился и медленно заглянул за угол, уже было приготовившись к удару или летящей в него посуде. Мэг Стилсон сгорбилась на одном из стульев и чуть ли не каждую минуту вытирала серым платком слезящиеся глаза. Ее руки сухими плетью болтались между деревянных ножек.

– Я так рада, что ты вернулся. Куда пропал так надолго? Я не видела тебя со вчерашнего вечера, милый, и очень беспокоилась.

Джек тяжело плюхнулся на стул и вопрошающе посмотрел на спокойное лицо тети. «Да, чувак, ты невероятно везучий», – подумал он, разглядывая более подробно темные мешки под глазами и широкие, закрывшие собой почти всю радужку, зрачки женщины. «Этой действительно наплевать. Для нее ты не шатался черт знает где, не коротал все шесть дней у друга, в то время как тот смерял тебя сочувствующим взглядом и щедро делился кровом и пищей – она не видела тебя всего сутки, парень. Хороший пример для антирекламы наркотических препаратов».

Словно прочитав чужие мысли, Мэг искренне удивилась:

– Ты чем-то встревожен, верно? Расскажи мне, может, мы вместе сможем решить твою проблему?

Дауни грустно улыбнулся и на секунду прикрыл глаза.

«Я никогда, ни за что на свете не доверюсь этому человеку. Тот, кто унижает тебя и относится, как к собаке, *не может любить*. Она лишь временно делает вид, что любит меня, копит свою гниль внутри, а после извергает эти помои. Чувства такого человека не могут быть искренними».

Если ты не можешь получить того, чего хочешь, – подсказал тут же появившийся голос, – попробуй взять максимум из возможного. Сейчас ты спросишь ее о чем угодно, не боясь последующего за твоим любопытством наказания. Используй свой шанс.

Джек как можно правдоподобнее зевнул и тихим голосом спросил:

– Могу я лечь в своей комнате? Просто очень соскучился по этой кровати.

– Да, конечно, солнце. Обнимешь любимую тетю перед сном?

Джек попытался заглушить кричащие в голове мысли и подавить подступившую тошноту. Они обнимались всего два раза – когда все семейство Дауни некоторое время гостило у Стилсон и чуть позже, но в похожих обстоятельствах. Теперь же любое прикосновение к этой растекшейся в довольной улыбке обкуренной женщине вызывало неподдельное отвращение.

Парень встал и на гудящих ногах подошел ближе к Мэг, наклонившись почти к самому ее лицу. От исходящего из ее рта зловония табака и чего-то еще непонятного, но не менее омерзительного, свербило в носу.

Перебори себя, Джеки. Она хочет почувствовать твою поддержку и заботу, ощутить своим тощим телом твоё тепло... Если это не побудило тебя сдаться, подумай о завтрашнем и последующим за ним дне, когда ОНА, наконец, вспомнит о той самой проблеме. Представь в деталях, как расщепившаяся женщина будет носиться за тобой по дому, осьпая

ругательствами, и на этот раз бродяжничать уже не придется. Даже твой дружок Фишер не сможет прийти на помощь. Ты останешься совершенно один. Подумай об этом.

Дауни крепко-крепко зажмурил глаза и вцепился в плечи сидящей перед ним женщины, всячески отгораживая себя от реальности любыми способами. «Это все неправда, тебе просто кажется, Джек. Всего лишь сон, и на самом деле ты спокойно лежишь в постели и обнимаешь подушку. Обыкновенную мягкую подушку и ничего кроме».

Рука Стилсон легла на спину парня и прижала к себе, так, что голова брюнета оказалась между ее плечом и правым ухом. Сухие кудряшки волос теперь щекотали кожу лица.

«Только не кричи, умоляю тебя, не кричи. Она отвратительная, ты знаешь, но, прошу, не подавай виду, постарайся терпеть, ты же сильный, ты очень даже сильный. Вспомни, как однажды ты убежал от огромной собаки, будучи маленьким мальчиком. Несся по дороге к загородному дому, поднимая за собой клочья коричневой пыли и с усердием перепрыгивая песчаные комья, постоянно оглядывался назад и, завидев сквозь тучу земли черную шерсть, бежал еще быстрее, хотя такая скорость прежде казалась тебе невыносимой. Ты не думал ни о чем другом, кроме как о больших когтистых лапах и, наверняка очень острых, клыках. Представлял, что эта собака разрывает тебя на куски за твою слабость, бросается на тебя и всем своим телом придавливает к грунту, а ее горячая слюна капает прямо на шею – только такие мысли еще больше подстегивали тебя, открывали внутри второе, третье дыхание и не позволяли сбавить темп. Так неужели сейчас ты боишься больше?»

В тот день ты всего лишь убежал от собаки, – услужливо прошептал внутренний голос и после некоторой тишины добавил, – а сейчас находишься у нее в объятиях. Разница не столь уж и велика, верно?

Простояв в таком положении с минуту, Джек поспешил отстраниться, и на недоуменный взгляд тети ответил:

– Извини, но я очень устал. Ты ведь не против, если я пойду спать?

– Конечно, иди, – нараспев сказала она и уставилась отсутствующим взглядом в стену напротив. – Да, иди, Джеки. Ты можешь идти.

Не желая терять такую блестящую возможность избавиться от общества этой странной женщины, Дауни чмокнул ее в щеку и бросился в комнату. Запер дверь, подставив под ручку спинку стула, и медленно осел на пол, стараясь хоть немного переварить только что случившееся. На губах надолго осел привкус соленого пота и используемого хозяйкой дома крема.

Именно после этого он решительно схватил первую попавшуюся в руки тетрадь и принялся писать, постоянно что-то зачеркивая и исправляя, ставя на полях вопросительные знаки и украшая заглавные буквы закорючками. Ему было, что рассказать этим страницам.

«И хотя я еще не совсем уверен, хорошая ли это идея – вываливать все из своей головы сюда, на пока еще чистые листы. Тут есть свои риски, ведь, прочитай Мэг посвященный ей абзац, она пришла бы в ярость. Снова.

Рэйчел сказала писать каждый день, даже в те минуты, когда предложения приходится клещами выуживать изнутри. Хотел бы я сейчас посмотреть ей в глаза и спросить, осталась ли она довольна моим сочинением?

Что ж, будет лучше писать по определенной теме, которую я сам себе задам – так получится избежать большой путаницы и уложить хоть что-то в своей голове. Пусть первой темой будет сама тетя, ее поведение и... а что в ней еще есть? Жестокость, грубость, зависимость от всевозможных веществ, будь то трава или алкоголь – и эта женщина воспитывает меня и собирается делать это и впредь? Глупости, глупости

(здесь ведь я могу писать любую чушь, все, что только вздумается)

ведь у нее нет серьезных резонов для содержания меня в этом доме. Хотя, один все же имеется, и это не совесть, как того можно было ожидать, а закон. Мы боимся федералов, поли-

ции, представителей судебной власти, потому что нам страшно отвечать перед ними за свои поступки, разве нет? Тогда почему же не слышим голоса своей совести, а только топчем ее, и, когда та кричит, что это неправильно и бесчеловечно, делаем задуманное без единого промедления, опасаясь разве что позора и будущих сплетен. Людям стало наплевать на самих себя, они перестали слушать, и потому не слышат. Великолепное получилось сочинение по философии.

Наверное, Рэй, ты все же удостоишься великой чести прочитать мое творение, поэтому я хочу, чтобы ты улыбалась, читая эти строки. До сих пор я много размышляю о том дне, когда ты впервые пригласила меня в парк (ты ведь была инициатором, так еще и вытащила меня из дома в ну очень не подходящий момент), и мы ели мороженое и о чем-то болтали. Тогда я почти рассказал тебе кое-что, но вовремя одумался и не уверен, правильно ли поступил. А после, в кафе, я осознал, что просто не могу выжать из себя ни единого слова; я был физически и эмоционально нем. Правда, и дневнику доверяться не стоит. Кто знает, в какой из прекрасных дней жизни эти буквы будут использованы против меня самого, так что... Не будем торопить события, рыжик, ведь свою ежедневную норму я выполнил.

(Интересно, прощаются ли маленькие девочки-подростки со своими дневниками, укладывают их спать или просто желают сладких снов?)

Конец записи (21.10.12)»

Глава 11

В рутине холодного октября Джек Дауни в очередной раз пересекал Арлингтон-Стрит, прижимая ближе к треплемой ветром куртке пакет из кондитерской. «Почему я всегда, каждый раз выхожу на улицу только в невыносимый холод и отвратительную погоду?»

До школьных каникул или, как их еще называют, единственной-недели-отдыха-от-постоянных-мучений, оставалось несколько дней, а точнее всего три несчастных и обычно самых тяжелых осенних будня. Именно поэтому, чтобы скрасить оставшееся время и не растечься на диване, уткнувшись в экран телефона, парень с большой радостью принял приглашение Рэйчел. Правда, вела она себя немного странно и, даже не видя ее лица, а слыша только искаженный динамиками голос, Джек отметил про себя что-то неладное. Быстро поздоровавшись и незамедлительно перейдя к сути дела, она подавила в себе малейшие нотки волнения:

– Я знаю, что у тебя могут быть какие-то свои планы на этот день или учеба, задания, которые тебе нужно срочно доделать именно в этот день, поэтому не обижусь, если ты не придешь. Постараюсь не обидеться, – весело добавила она, и Дауни тут же почувствовал перемену в настроении подруги. – Но тем не менее, не могу не пригласить тебя. Правда, есть один нюанс. Уверена, ты не будешь против, если мы проведем время не за общим столом в гостиной, выслушивая похвалы о твоём характере и попытки выудить из тебя хоть пару интересных историй, а у меня в комнате. Но веселье я все равно обещаю.

Парень тогда мило поблагодарил девочку и обещал явиться к назначенному часу, захватив с собой что-нибудь съестное. Таков был уговор – на Рэйчел лежала организация уборки (если такова была нужна) и подготовка спальни, в то время как Джеку досталась почти что самая трудная задача.

Ты ведь и представить себе не мог, что однажды будешь стоять у прилавка в магазине и вспоминать, какие пирожные любит Робертсон, думать о цвете глазури для пончиков и с таким трудом выбирать напитки, которые вам обоим могут понравиться?

На самом деле Джеку такие хлопоты доставляли одно удовольствие. Именно сейчас, уверенно шагая вдоль уже знакомых домов и ощущая приятную тяжесть сумки в руке, он чувствовал *свободу*, ту самую, которой ему так не хватало. Все проблемы и суэта стали такими несущественными и призрачными по сравнению с предстоящей вечеринкой, и пусть она обе-

щала быть небольшой и тихой, это превратится в нечто уютное и домашнее, согревающее душу изнутри, как разливающийся по венам горячий куриный бульон.

Сопровождаемый этими приятными мыслями, Дауни достиг дома Робертсонов и, поставив пакет с покупками на холодный асфальт, позвонил в дверь. Тут же на первом этаже зажегся свет, раздался хлопок открывающейся входной двери, и Рэйчел бросилась к гостю по одной из тропинок вдоль стриженного газона.

– Джейкен! Ты сегодня быстро, как раз во время! А что это в сумке? – девочка потянулась к лакомствам, но брюнет быстро перехватил ее руку.

– Пока это сюрприз, рыжик. И, да, еще раз назовешь меня так, и я не буду разговаривать с тобой целый день, уж поверь мне. Это глупо, и то, что какие-то там слепые или глухие официанты не разобрали мое имя – не повод для смеха.

– Конечно, конечно, как скажешь, – рыжеволосая состроила серьезное и заумное лицо, но тут же охнула и потянула Джека внутрь сада. – Пойдем, скорее, ты же гость, а гостей не принято долго держать в дверях!

На это парню осталось только вздохнуть и проследовать за юной хозяйкой, сдерживая всеми силами улыбку.

– Так что там? Ты ведь принес то, что я просила?

Робертсон шутливо насупилась и легонько толкнула Джека в бок, в то время как тот пытался справиться с перекрещенными ручками. На удивление, появление Дауни в этом доме не вызвало бурю эмоций, но и не оставило равнодушными его обитателей – Элиот поприветствовал парня крепким рукопожатием, Хлоя всего лишь перебросилась пару слов касательно какого-то общего школьного проекта, а Джанетт снова предложила гостю чай, немного странно смерив его глазами, когда услышала быстрый и вежливый отказ. И теперь подростки расположились в комнате Рэй и ее сестры, провернув защелку на двери и усевшись на мягкий ворс ковра.

– Черт, рыжик, ты слишком любопытная и нетерпеливая. Тебе говорили об этом?

Наступила напряженная тишина, и парень начал осторожно извлекать из пакета еще горячую выпечку и сладости. Сперва в его руках показался крепкий бумажный пакет с шоколадными пончиками, которые пришлось сразу же выложить на подставленное девочкой блюдо, затем две упаковки творожных эклеров с мелкой клубничной посыпкой и, в завершении, небольшого размера упаковка светло-зеленого цвета.

– Это конфеты? Или что-то еще?

– Думаю, тебе понравится. Это не мое; считай, что только что ты получила подарок от Роджера Фишера, моего щедрого, но иногда слишком заботливого друга. Он узнал о нашей вечеринке и передал через меня чай со вкусом карамельных ирисок. Попробуем?

– Конечно! – рыжеволосая выскочила из комнаты и примчалась через минуту, прижимая к себе теплый чайник с водой и пару полупрозрачных стаканов. Джек занялся приготовлением напитка.

«Зачем людям нужно общение друг с другом? Почему бы не ограничиться чем-то простым и незатейливым, не требующим никакой отдачи и участия, как, например, обмен сообщениями по мобильному или телефонный звонок? Казалось бы, идеальный вариант, если бы ты был уверен хотя бы на пятьдесят процентов в том, что улыбающийся смайл, который высвечивается на экране в ответ на какое-то твое слово, действительно передает настроение друга, и он не сидит с каменным лицом, думая, какую же хорошую вещь сделал. Или разговор по телефону – никогда нельзя угадать, о чем думает человек там, на другом конце провода, правда он спешит и вынужден наскоро попрощаться, потому как ему всего-навсего лень говорить с

тобой. Это занимает целых пять минут, те самые пять минут, которые он может потратить впустую, лежа на кровати и размышляя о смысле своего пустого существования, то есть это время ему *крайне* необходимо. Люди переносят встречи, потому что работают в поте лица, уделяют время семье и детям, ссорятся, глотают свое одиночество и навечно застревают между диваном и новой серией бесконечно любимого сериала, который никогда в их жизни не закончится, но никто не говорит о других причинах, более существенных. К примеру, ты никогда не сможешь признаться себе в том, что ехать на другой конец города к другу глупо не из-за дефицита твоего времени или неотложных дел, которые появились спустя пару секунд после вашей договоренности; мешает самая обыкновенная лень. Нам жалко платить за проезд, мы не видим причины идти пешком в течение целого часа; нежелание покупать дорогие продукты или десерты к столу не заставляет нас бросаться к плите и вкладывать душу в пусть даже простой, но вкусный домашний пирог – вот основная человеческая проблема. Постучать пальцами по клавиатуре куда проще, нежели искать встречи, *не так ли?* К чему эти пустые слова и бесполезная трата времени?

Вот, что происходит с людьми.

И опасаться нужно не глобального потепления или каких-то природных катаклизмов, не войн, хотя последнее еще стоит нашего внимания – нет, нужно бояться обесценивания личного общения. Ни в коем случае не допустить, чтобы виртуальное поглотило его полностью, оставив только пару рыхлых крошек, а смотреть в глаза, говорить, следя за движениями чужих губ, чувствовать телесный контакт. Иначе в один прекрасный день мир всего лишь сойдет с ума от недопонимания и собственной беспомощности».

– И... готово! – Дауни вырвался из задумчивого облака и разлил приятно пахнущую чем-то сладким жидкость в чашки. – Не знаю, как ты, а я готов умять все, что здесь есть.

Рэйчел на это ничего не ответила, а только выключила свет и зажгла небольшой ночник в дальнем углу, из-за чего вся комната погрузилась в приятный полумрак. Затем вытащила из самого центра тарелки темный пончик и откусила кусок, перемазав губы и щеки шоколадной глазурью. Джек почему-то никак не решался притронуться к своему лакомству.

– Знаешь, Рэй, я решил кое-что... – парень взволнованно посмотрел на чумазую подружку и тоже отправил в рот сладкий десерт. Медленно прожевал, смакуя каждый кусочек и наслаждаясь молчанием, а после глухим голосом продолжил:

– Все-таки я могу рассказать тебе. Пришлось очень долго идти к этому, не поверишь, но я даже этот несчастный дневник веду, но все равно... *оно* не проходит во мне, это непонятное и странное чувство. Его не получается выгнать или заглушить чем-то другим, более ярким – оно по-прежнему долбится где-то внутри меня, и я подумал, что, если я тебе расскажу, то... мне может стать легче.

Девочка отложила сладость в сторону и сделала глоток чая, перед этим вытерев лицо и руки влажной салфеткой. Конечно, никто не сомневался, что эта беседа случится именно сегодня, ведь старания Рэй не могли пройти даром. Правда, она не рассчитывала, что он соберется с мыслями и сам начнет этот сложный разговор, но все же результат не заставил долго себя ждать.

Главное, не скажи лишнего, просто слушай и впитывай его слова. Ему плохо, тяжело, и потому ты должна, даже обязана понять и дать дельный совет. Иначе ты снова все испортишь.

– Ты, наверное, меня сейчас не поймешь, да и не захочешь понять – у тебя идеальная семья, Рэйчел. Любящие тебя родители, сносная сестра, и эти люди всегда готовы помочь тебе, приласкать или что-то вроде этого. Черт, я жалуюсь, как недовольный капризный ребенок.

Джек отправил в рот пончик целиком, с трудом его жуя и заглатывая кусками, чтобы поскорее продолжить рассказывать и, наконец, освободиться от тяжести. Рыжеволосая же восприняла такое молчание по-своему:

– Так кажется только со стороны. О, Господи, это лучшие эклеры, которые я когда-либо ела!

Дауни неуверенно кивнул и теперь уже с сомнением посмотрел на сидящую напротив девочку. Он прекрасно помнил тот сорвавшийся разговор в кафе: как Рэй всеми силами пыталась вытащить из него слова, а затем грубо оттолкнула одной только фразой.

Она легкомысленна, – пронеслось в голове парня и после долго еще там вертелось, – и вряд ли сможет тебя понять. Посуди сам, Джеки – как избалованная девчонка сможет войти в твое положение? Ты еще не понимаешь и, как слепой котенок, тычешься в подошвы чужих ботинок, не подозревая, что когда-нибудь эти самые люди оттолкнут тебя, сломав крохотную челюсть. Ей нет смысла вникать в чужие проблемы, потому твой рассказ выйдет из тебя еще раз, всколыхнет воздух и бесследно исчезнет в стенах этой комнаты, растворится, а вы с рыжей будете и дальше есть свои пончики и пирожные. Высказавшись, ты ничем не заполнишь образовавшуюся дыру внутри себя, а затем будешь копить там ненависть и обиды.

Никогда не поздно одуматься и не совершать неисправимых ошибок.

– Да, действительно, вкусные, – парень пересилил себя и не стал тут же продолжать. Взял творожный десерт, никак не желающий быть съеденным и вырывающийся из рук, отправил его в рот, почти не чувствуя вкуса, а после, наконец, выдал:

– Как думаешь, сколько людей на этой планете готовы тебя послушать? Сотни, тысячи? Печально то, что за бесплатно это сделают лишь несколько человек.

Рэйчел помрачнела и изменилась в лице, вдыхая теплый пар карамельного чая. Что он пытается сделать? Проверить ее? Тогда к чему эти философские размышления?

– Ты может быть и не поверишь, но у меня есть друзья. Хорошие и доверяющие мне люди, только знаешь, что? Давай я лучше превращу это в маленькую сказку. Однажды волк пришел к одному из них и попросил бросить ему кость – не евши несколько дней, он уже не мог охотиться и готов был скончаться от голодной смерти. Друг поспешил помочь, и в следующий раз зверь пришел с другой просьбой, но на этот раз его товарищ был не в настроении. Когда волк спросил, где можно взять чистой воды, ведь он болен, и ему срочно нужно залечить свою ужасную рану, он услышал ответ: «Видишь поле с яркими желтыми цветками, похожими на крошечные солнца? Иди прямо, только скорее, приятель, и никуда не сворачивай». Тот с радостью послушал совет и отправился в путь – сначала пытался бежать, одержимый желанием и благодарностью за помощь, несмотря на рвущую боль, затем медленно шел, полз, и потом, лежа на боку и жадно глотая воздух, он почувствовал, как силы уходят из тела и более не возвращаются, оставляя на месте себя только приятную слабость. На следующее утро волк умер, совсем один, заблудившись в бесконечном мягком одуванчиковом поле.

Дауни сделал небольшую паузу, ощутив, как у него самого мигом пересохло горло, а говорить становится все труднее и труднее. Рэйчел же больше не могла взять лежащий перед ней сладости, осторожно не спросив:

– Но зачем же волк полностью доверился этому самому другу? Неужели он не понимал, что это может быть обман или какая-то ошибка?

– Все просто – ему всего лишь нужно было во что-то поверить. Волк потерялся и, обретя цель, рванул к ней сломя голову, не подозревая о предательстве. Вот, что я пытался объяснить тебе, когда ты советовала вести дневник и во всех красках расписывала прелести будущих записей. Иногда бумага тоже может лгать, но не сама, а когда кто-нибудь другой ею воспользуется. Так скажи теперь, Рэйчел, могу ли я доверять тебе?

«Можешь, всегда и во всем, но я так боюсь тебя разочаровать, боюсь, что какой-нибудь мой поступок станет решающей каплей в твоём сознании, и ты усомнишься в людях только из-за одной меня».

– Можешь, Джек. Всегда.

Снова повисла неловкая пауза, во время которой каждый занялся своими собственными мыслями. Рэйчел растерянно разглядывала обои за спиной парня и думала, точнее, очень старалась думать, но выходило не совсем то, что нужно – эта небольшая история о волке произвела на девочку сильное впечатление. И теперь она в нерешительности ждала, ведь говорить что-то уже не было смысла. «Если он все же рискнет, и я хоть чем-то смогу помочь ему, пусть даже самую малость, я буду чувствовать себя гораздо лучше. Только бы прервать это тяжелое молчание».

Видимо, уловив настроение подруги, Дауни кашлянул, сел поудобнее, подвернув под себя ноги, и не отрываясь смотрел ей в глаза, едва шевеля губами:

– Мы переехали в Бостон около трех лет назад, когда маме по дешевке предложили купить квартиру в районе Чайнотауна. Признаться честно, мне тогда было все равно до финансовых дел нашей семьи, я беспокоился только о продаже загородного дома, в котором так хорошо было летом отдыхать на веранде. Да, я был тем еще ворчуном, с этим не поспорить. Мы с мамой собирались начать новую, лучшую жизнь без отца и воспоминаний о нем, планировали закрыть долги и чуть позже, поднакопив средств, выбрать жилье подальше от шумного центра. Разумеется, в новой школе меня приняли не сразу, но было глубоко наплевать на мнение других людей – именно в тот период у нас началась погоня за любым центом. Мы экономили, как могли, но я до сих пор не могу простить себе некоторых вещей. Только недавно вдруг осознал, насколько глупо было просить в магазине мороженое, учитывая то, что за такую же цену можно купить кукурузной крупы или риса на несколько дней вперед.

Джек рассказывал размеренно, теперь немного прикрыв глаза и все глубже погружаясь в историю своего детства, заодно вместе с этим сортируя воспоминания по разным полочкам. Кажется, он полностью совладал с эмоциями и больше не ощущал непонятного жара в груди и подступающих к глазам слез. Более того смог спокойно доесть пончик и, не прерываясь, продолжать некогда тяжелую для него беседу:

– Но дело не в том, что бедность мешала нам радоваться жизни – мы по-прежнему гуляли в парке по воскресениям, проводили время вместе, иногда навещали в гости к новым знакомым в городе. Правда, потом все начало меняться. Даже слишком быстро, так незаметно, но стремительно, что я с трудом отковыриваю в памяти эти моменты, – брюнет поморщился и залпом выпил очередную чашку чая. – Мама не могла смириться с нашим положением и искала любые способы заработать хоть самую малость. Тогда я не понимал, как, пропадая из дома на целую ночь, можно на следующее утро вернуться с деньгами в кармане. Мы не жаловались на жизнь, не просили у кого-либо помощи или поддержки, только однажды я заметил, что мама стала как-то странно и натянуто улыбаться. В течение всего дня она позволяла этой некрасивой и искусственной улыбке портить свое лицо, а потом... Потом я увидел правду. Одной ночью (хотя я не был уверен, что это единичный случай) мне не спалось; на душе было так гадко и беспокойно, что я решил рассказать об этом матери – черной тенью скользнул от своей комнаты на кухню, откуда слышались какие-то звуки. Казалось, что человек, сидящий у окна и согнувшийся до невозможного спину, поет грустную песню, но потом мне стало ясно, что это были судорожные всхлипы. Она плакала, Рэйчел, но делала это тихо и бесшумно, лишь бы только не разбудить меня, понимаешь?

Джек опустил голову и проглотил рвущиеся наружу слезы. Не нужно было этого делать, ни к чему было начинать, ведь прошлое уже не вернуть. Он бы не сидел сейчас здесь и не корчился от душевной боли под жалостливым взглядом рыжеволосой счастливой девчонки.

Все люди рано или поздно ломаются, Джеки. С этим нужно просто смириться. Они крошатся, как сухие веточки, с громким хрустом и треском. Однако, некоторые сучки не сдаются и пускают свежие ростки на месте старой трухи, зеленеют и вновь наполняются жизнью... Другие же, сломанные под самое основание, гибнут и в конце концов превращаются в бесполезный мусор.

– Слушай, я вижу, как тяжело тебе говорить об этом, – вмешалась молчавшая до сих пор Рэйчел. Ее всегда веселые глаза потемнели и потеряли бьющуюся в них живую искру. – Давай закончим. Возьмем эти несчастные пончики и эклеры и пойдем смотреть какой-нибудь глупый фильм, только, умоляю тебя...

Она не договорила и встала с пола, тут же отворачивая свое лицо в сторону и с таким трудом сдерживая дрожь в голосе. Разумеется, глубоко в душе Дауни ее ненавидит – ей никогда не испытать того, что он пережил, не прочувствовать самой эту горечь разлуки с близким и дорогим человеком. Девочка может только удрученно кивать, втайне радуясь своей нынешней жизни и постоянно сравнивая ее с рассказом парня, отмечая все новые и новые преимущества, прежде казавшиеся пустыми мелочами.

– Я не вру, Рэй, это правда. Если бы я хотел тебя обмануть, сыграл бы на чем-нибудь другом. Просто та ночь... Тебе, наверное, не понять, какого мне было стоять там и смотреть на плачущую маму, чьи рыдания иногда заглушал шум проезжающих по улице автомобилей. Я тогда не мог сдвинуться с места, хотел утешить ее, обнять и растаять в ее заботливых и ласковых руках, но ноги будто приросли к полу, не давая мне пошевелиться. А потом она обернулась на меня. Как сейчас помню ее теплые живые глаза, появившуюся на тонких губах извиняющую улыбку... *Она не хотела, чтобы я видел, как ей грустно. Для всех она должна была выглядеть самой счастливой.*

Джек прикусил губу и почувствовал, как его настойчиво тянет назад, в эти воспоминания, как он проваливается в них и летит сквозь пустоту, а мимо проносятся ожившие картины. На одной из них маленький пятилетний Джек плачет из-за разбитой чашки, пытается склеить разбитые кусочки и постоянно оглядывается на дверь – не идет ли кто. Другая показывает более радужные события; на ней семья Дауни осматривает новый дом, купленный в новом городе, распаковывает коробки, и по квартире разносится приятная для ушей мелодия. Парень тогда мечтал, как останется здесь навсегда, только он и Шарлотта – они бы ни за что не ссорились, а сам он был готов защищать свою дорогую маму от всех на свете опасностей.

Правда, следующий момент Джек с радостью бы вытащил из этой копилки, порвал купюру и с жадным блеском в глазах наблюдал, как чернеют в пламени огня и превращаются в пепел бумажные кусочки.

Это был зимний вечер, кажется, середина декабря – весь город готовился к предстоящему Рождеству, и по морозным улицам уже растягивались яркие гирлянды и цветные украшения. Из-за плохого самочувствия Шарлотты пришлось вызвать доктора, который что-то тихим и спокойным голосом объяснял женщине. Та только изредка кивала, поднимала на пришедшего свое осунувшееся изможденное лицо и что-то бормотала себе под нос – жаль, разобрать слова Джек был не в силах. Затем, когда мужчина ушел, парень подошел к матери и нежно сжал ее руку в своих ладонях, успокаивая:

– Это ничего, мы быстро поднимем тебя на ноги. Из-за обыкновенной простуды не стоит так расстраиваться, тем более, подхватить что-нибудь в такую погоду проще простого. Давай, я заварю тебе лекарство.

И оба вымученно улыбнулись, никак не желая смириться с осознанием своей беспомощности. Дауни тогда долго не мог оторваться от материнских глаз, все всматривался в них, пытался уловить хоть толику радости и надежды на благополучный исход, но находил в их отражении лишь свое испуганное лицо.

Спустя еще одну неделю, долгую и мучительную, Шарлотте Дауни не стало лучше – наоборот, состояние ее только усугубилось, из-за чего было принято решение о госпитализации женщины. Парень яростно отвергал все уговоры матери о ненужности лечения, ее желании остаться дома и побыть с любимым сыном подольше, на что больная тихо ответила:

– *Не важно, что произойдет со мной, Джек, просто мне кажется, что... Ты поступишь правильно, споря со мной, но какое-то странное чувство преследует меня повсюду. Оно шепчет мне, что я не смогу найти силы и поправиться, но это ничего. Я люблю тебя, милый, но очень боюсь...*

Сухая рука прикоснулась к лицу брюнета и бережно погладила его, по-прежнему сохраняя блеклую улыбку, и как бы продолжая: «Того, что уже не смогу вернуться в наш дом».

Все же пересилив себя, Джек вынырнул из поглотивших его мыслей и услышал тихий голос Рэйчел, едва слышимый и полный нескрываемой грусти:

– Что с ней случилось? У вас отобрали и этот дом?

Парень смерил подругу насмешливым взглядом и как можно спокойнее и равнодушнее произнес, тщательно подбирая слова:

– Она умерла, рыжик. От лихорадки в течение нескольких недель, – за этой фразой последовал вполне ожидаемый вздох, и брUNET заметил, что Робертсон зажала рот рукой. – Но это не самое страшное или ужасное, хотя, казалось бы, что может быть хуже смерти любимого человека? Гораздо тяжелее видеть, как этот самый дорогой тебе человек угасает, а вместе с ним утекают его силы и жизнь; заглядывать в знакомые глаза и раз за разом молиться, чтобы те не оказались стеклянными; знать, что будущее неизбежно, и ты не в силах его изменить.

Сказав это, Джек подошел к окну и отдернул плотные шторы – комнату мигом залил оранжевый свет заходящего за горизонт солнца. Оно медленно и почти невидимо для глаз опускалось к земле, а небо пестрило мягким персиковым, желтым, красноватым оттенками и темноватой синевой по краям, словно какой-то неуклюжий художник опрокинул на ночной холст акварельные краски. Рэйчел все еще не могла пошевелиться, замерев на раскрашенном лучами заката полу.

– Да, наверное, мне стало немного легче, – признался парень, не отрываясь от вида за окном. – Все-таки было тяжело хранить все это внутри себя. Я больше всего боялся быть непонятым, обсмеянным, думал, что мои проблемы касаются только меня одного и потому разбираться с ними я должен самостоятельно. Спасибо тебе.

Девочка осторожно подошла сзади к резко умолкнувшему парню и положила руку ему на плечо. В свете уходящего дня черты лица брюнета казались еще острее, а темные глаза, как у ворона, заворожено наблюдали за наступлением вечера. Наконец, Дауни выдал:

– Солнце стало садиться гораздо раньше, правда? С наступлением зимы день будет становиться еще короче.

– Да, ты, пожалуй, прав. Прости, что просила тебя рассказать об... *этом*. Мне правда жаль, Джек. Очень жаль.

Рэйчел крепче сжала подставленное плечо, но реакции не последовало. Парень не вздрогнул от неприязни, не повернул головы в сторону юной собеседницы и ничего больше не сказал.

«Я не понимаю, что сделал не так», – подумал он, любуясь видом темнеющего неба. «После выхода всех этих мыслей я должен был почувствовать легкость и свободу, а на самом деле не ощущаю ничего. Совершенно. Меня словно выжали, выпотрошили и бросили в угол, пустого и никому не нужного Джека».

Так они стояли вдвоем, молча, размышляя о разных вещах, но незаметно друг для друга схожих в одном и том же:

закаты в Бостоне одни из красивейших.

Глава 12

Многие зачастую говорят, как бы невзначай: «В тот момент для меня как будто заново зажглось солнце». Для чего они это делают и какой вообще смысл несет в себе эта фраза? Разве

можно перебрасывать ее с одних губ на другие, играть, трепать, а после удивленно вздыхать, из-за того, что безвозвратно утерян ее первоначальный вид и значение? Но ведь именно так люди и поступают, верно?

Почему малолетний несмышленный школьник, решающий какую-то сложную задачу и неожиданно для себя нашедший верный ответ, позволяет себе *так думать*? Разве его солнце представляет из себя правильное решение и, следовательно, хорошую отметку?

Как можно жить в мире, где разбрасывать подобные слова может каждый, втаптывать в грязь подошвами своих ботинок, чтобы они смешивались с мусором, пылью, превращаясь в сложноотделимую от земли лепешку? Разве будут после этого люди ползать на коленях и собирать такие «подарки», или же им куда проще забыть о них и последовать чужому примеру, приперчив брошенные фразы своей слюной?

В тот момент для меня как будто заново зажглось солнце

Джек бережно вывел строку на обложке своей школьной тетради и обвел в жирный овал серым карандашом. Сегодня в классе было довольно тихо, и пока миссис Редж увлеченно рассказывала о свойствах металлов и их строении, у парня было предостаточно времени на размышления. Легкий гул только помогал потоку мыслей течь быстрее, а направление им задавал непосредственно сам Дауни. Он еще раз пробежался глазами по написанному и вывел чуть ниже знак вопроса, украсив его внушительного размера точкой.

Если воспринимать слово «солнце» в другом его значении, как, например, что-то ценное и имеющее для человека большое значение, то теперь картина предстает в совершенно ином свете. *Заново зажглось солнце* – и кто-то обрел столь желанный смысл в действии или предмете; *заново зажглось солнце* – потому что некто небезразличный к тебе поднес спичку и терпеливо ждал, пока горячее пламя не охватит торчащий фетиль, а после не убрал руки, несмотря на жгучую боль приближающегося к пальцам огня; *заново зажглось солнце* – в то время как этот человек сгорает и позволяет красным языкам обглаживать себя, только бы поддержать свет и не дать ему снова погаснуть.

Парень подумал немного и вывел «жертва» под первой строкой. Затем почесал затылок и, переведя взгляд на внимательно наблюдающую за каждым его действием соседку, зачеркнул слово, рядом написав

Самопожертвование

«Да, так, действительно, лучше», – согласился он и поставил еще один вопросительный знак рядом. Кэтрин недоуменно хмыкнула и прокомментировала:

– По-моему, урок химии гораздо полезнее вечных мыслей на тему смысла жизни и подобных проблем.

Дауни нахмурился и раскрыл тетрадь на чистой странице, заодно спрятав обложку с записями от раздражающей своим любопытством девушки, и начертил карандашом в правом углу разлинованного листа:

нет

– Даже если подумать, хотя бы немного, то из лекции можно вынести для себя новый материал, который потом поможет тебе на контрольном тесте, а твои размышления о зажженном солнце – бесполезны, – Кэти тихонько цокнула языком и вновь устремила свои светло-коричневые глаза в сторону молчащего парня.

Джек отлично знал этот прием. Джонс не умеет (или не хочет) говорить «мне скучно». В то время как в ее голове вертится раздражающее «кто-нибудь, развлеките меня», с языка слетают либо поучительные упреки, либо бесконечные и иногда игнорируемые Дауни советы. Правда, обычно эти нападки со стороны девушки прекращались в течение пяти или десяти минут после того, как сосед давал понять, что не в настроении или отвечал односложными фразами. Сейчас же брюнет был в отвратительном состоянии – голова раскалывалась от пульсирующей в висках боли, спина ныла болью в любом положении тела, а до звонка с урока и

столь желанной перемены придется ждать еще около получаса. Поэтому на очередное «о чем ты думаешь?» он резко ответил:

– Ни о чем не думаю, Кэти, у меня просто не получается думать. Представляешь, насколько плохо может быть от твоего надоедливого нытья?

Джонс тут же покраснела и набросилась на обозленного Джека, хлыща его по лицу своим шепотом:

– Да что с тобой? С каких пор ты стал таким занудой?

Видимо, восприняв гнев парня за очередную незначительную шутку, Кэтрин только легонько толкнула его локтем и принялась что-то усердно писать в собственной разрисованной конспектами тетради.

«Ты бываешь просто невыносима», – Джек крепко сжал челюсть, чтобы ни одно слово случайно не вылетело наружу, и этот зубной скрежет только придал ему и его рассуждениям больше смысла. «Я никогда тебе не признаюсь, что порой вижу, как моя рука бьет наотмашь по твоему слишком самодовольному и умному лицу. Ты поначалу неверяще озираешься по сторонам, в то время как на скуле и щеке расцветает розовый след от ладони, снова переводишь на меня взгляд, и собираешься вскочить, уже раскрыв рот в обозленном крике. Но я замахиваюсь снова и снова. Ты не представляешь даже, какое удовольствие приносят раз за разом подобные мысли».

Девушка же как ни в чем не бывало что-то усердно выводила шариковой ручкой, то ли намеренно не замечая направленного на нее прищуренного взгляда, то ли полностью отдавшись своему занятию. Закончив, она пододвинула листок ближе к Дауни и с веселой улыбкой на губах кивнула на написанное.

Кто-то в очередной раз не выспался или переел сладкого у Фишера. Завязывай с этим, иначе придется посещать стоматолога с Роджером на пару.

Джек непонимающе бегал глазами по тексту, думая о том, что же выводит его из себя больше: ее глупые упреки и проявление таким образом заботы или этот длинный веснушчатый нос в его личной жизни. Желание выпотрошить из Кэти радость усиливалось с огромной скоростью.

«Почему ты не можешь умолкнуть и развернуться к себе на время оставшегося урока? Ведь закрыть свой болтающий без передышки рот проще простого, особенно, когда видишь, что он ужасно мешает окружающим. Черт, почему же здесь так жарко?»

Дауни вытер невидимый пот с абсолютно сухого лица и вернул запись соседке. Та нахмурилась и нагнулась к самому уху парня, стараясь говорить как можно четче и тише:

– С тобой все хорошо, Джек? Не думай, что я не замечаю, будто что-то не так. Какие-то проблемы с Мэг, да? Расскажи мне, если хочешь...

– Не хочу, – рывкнул брюнет и почувствовал спиной обращенные на себя взгляды с задних парт. – Мне не о чем говорить. У меня все замечательно, и было бы еще лучше, если бы ты перестала приставать с вопросами.

Джонс мрачно кивнула и отодвинулась на свою часть парты, игнорируя появившийся в глазах парня торжествующий огонек.

От этой кудрявой дьяволицы легко отделаться, – озвучил знакомый голос вертящиеся на кончике языка слова. *Позже скажешь ей, что погорячился и загладишь вину (которой на самом деле нет вовсе) маленьким шоколадным батончиком. Давай лучше вернемся к нашему солнцу.*

Но больше поток мыслей не был таким же спокойным и ровным, как раньше – капля за каплей выплескивались из него, мгновенно иссыхая, и вскоре на месте некогда сильного течения стали проглядываться острые темно-серые куски камней и мелкого щебня. Джек попытался крепко зажмуриться и повторял про себя фразу до тех пор, пока та не потеряла перво-

начальный смысл и не начала путаться о свое же начало, эхом разноситься по всей голове, заполняя собой каждую свободную клетку тела.

Заново зажглось солнце, для меня заново зажглось солнце, солнце для меня...

больше не светит

Дауни несколько раз поморгал и осмотрелся в поисках произнесшего последние слова, но тщетно. Класс по-прежнему был частично сосредоточен на уроке, а остальные лениво сопели друг другу в плечо. Только Джонс испытывающее глядела прямо на парня, верно, ожидая, что он это заметит и обратит, наконец, на нее внимание. Не выдержав, она сказала:

– По-моему, ты немного изменился. Раньше тебя невозможно было застать спокойно сидящим и о чем-то так глубоко задумавшимся – ты вечно двигался, что-то вытворял и выглядел *живым*, понимаешь? Не уверена, что дело только в твоём похудевшем и осунувшемся лице, Джек, но это становится серьезным. Нельзя убежать от проблем бесконечно, перестань мусолить их по отдельности и просто выкинь куда подальше. Охапкой. В кучу. А потом полей бензином и смотри, как этот мусор медленно горит, поднимая вверх клубы бледного дыма.

Брюнет немного грустно посмотрел на расстроенную девушку и согласно кивнул, как бы подчиняясь ее правоте и признавая поражение. Нет, он действительно представил, как в кольце его рук оказывается гора того, что он раньше считал важным и трудным, чего боялся и всячески откладывал расправу на потом. Почти ощутил, как пыль сыплется с этого вороха вещей, похожих на старые газетные листы, и покрывает вспотевшие ладони тонким шершавым слоем. Затем руки расходятся в разные стороны, и хлам падает на сухую землю с глухим шлепком, а следом на него тонкой струей льется горячая жидкость. Вспыхивает спичка – маленькая горящая точка исчезает в страницах, а после те охватывает тепло, и языки пламени пожирают одну за другой. Правда, потом неожиданно появляется Кэтрин; встает напротив огня, тычет пальцем в грудь застывшего перед ней парня и начинает громко хохотать. Дауни отвечает на ее смех легкой и доброй улыбкой, после чего толкает девушку в плечи. Кудри тут же подхватывает холодный ветер; догорающее пламя возрождается вновь, когда тело падает прямо на пепел и жженые клочья бумаги, взвивается над кричащей от боли жертвой и поглощает ее с невероятной скоростью. Сначала волосы, которые исчезают с глаз в течение нескольких секунд, следом загорается одежда, а бардовые ожоги начинают покрывать нежную кожу спины и шеи. Кэти извивается на костре, плачет, давится жгучей гарью, не в силах посмотреть на своего убийцу в последний раз.

А у Джека на лице – пустая улыбка с горьким привкусом полыни и едкого дыма, в руках полупустая канистра бензина, и глаза жадно ловят каждую искру, вылетающую из-под горящего тела.

Разве не весело вышло, Кэти?

Все ли у тебя там в порядке?

Отгнав от себя ужасную картину, почему-то слишком хорошо закрепившуюся в памяти и не желающую отсюда уходить, Джек более осмысленно перевел взгляд с доски на подругу и как можно дружелюбнее ответил:

– Очень странный совет, если честно. Но ты зря стараешься – я в норме. Может, разве что стал чуть больше прежнего размышлять об окружающих меня вещах и по-другому взглянул на мир. Ничего необычного. Можешь расслабиться.

Кэтрин недоверчиво хмыкнула, но все же не спешила так быстро сдаваться. Она некоторое время рассказывала ему о собственных проблемах, периодически поглядывая на ведущую урок Редж и то и дело прерываясь в поисках нужного слова или выражения. Слушая этот порядком ему надоевший бред, Дауни попытался снова отключиться и оказаться внутри себя, побеседовать с этим всегда не вовремя появляющимся голосом и заняться хоть чем-то, отвле-

кающим от беседы, когда Джонс решила выбрать иной путь. Она выждала небольшую паузу и как бы совсем невзначай спросила:

– Знаешь, кто-то распустил слух о том, что ты теперь водишься с младшей сестренкой Хлои. Из средних классов. Это правда? – и спешно добавила, видя появляющуюся на лице друга злобу:

– Не думай, что я правда верю в эту чушь, Джек, ни в коем случае. Это не больше сплетни глупых и ноющих вечно школьников, я всего лишь хочу помочь тебе избавиться от этого нелепого недоразумения.

Дауни тупо уставился на Кэтрин и долго не мог вникнуть в смысл сказанных ею слов. «Она хочет убедиться в том, что кроме нее и Фишера у меня больше никого нет. Что я зависим только от них, и помощь могут оказывать лишь эти двое». Взял карандаш и, старательно закрывая лист от посторонних глаз, написал на обложке как можно ровнее

друг?

Затем все же повернулся к Кэтрин и медленно, совершенно забыв о ведущей лекцию женщине, сгущающих учениках и оставшемся, но более никому не важном времени до окончания затянувшегося урока, выдал:

– Да, я дружу с Рэйчел Робертсон. Довольна? Ты не одна, к кому я могу подбежать, поджав хвост, и унизительно заскулить – перестань так думать. Возомнила себе, что хорошо меня знаешь, хотя половина из имеющихся у тебя фактов обо мне – обыкновенная ложь. Грязь, которой я запачкал твои ноги, чтобы, разнося ее по улицам и делясь сплетнями, ты оставляла за собой жирные следы, размазывала ее, а потом долго оттирала щеткой с подошв ботинок.

Брюнет хотел остановиться, ведь ужаса и неприязни в глазах напротив было вполне достаточно, но вдруг осознал, что не может перестать говорить. Словно тот мысленный ключ иссох, и теперь возродился в другом, словесном, более мощном и разрушающем потоке, вырывающемся из его рта с огромной силой. Парень опять – вернее, во второй раз в своей жизни – почувствовал настолько сильное желание выговориться, что все остальное становилось блеклым по сравнению с этой потребностью. Правда, если в прошлый раз разговор шел комьями, какими-то старыми отрывками воспоминаний из детства и бесконечной жалобой на жизнь, но ближе к концу начал литься довольно мягко и размеренно, то теперь всплывающие в голове острые фразы и оскорбления произвольно вырывались наружу.

Как тебе такое, Кэти? Или твое солнце еще не потухло?

– Знаешь что, Джонс, я устал скрывать от тебя свои настоящие чувства. На самом деле ты меня раздражаешь, выводишь из себя каждый своим поступком. Нравится такое? Это же ты хотела от меня услышать? Или думала, что я тут же брошусь к тебе на шею и стану хныкать о том, какой же я неудачник? Нет, милая, я счастлив, а вернее, буду таковым, когда перестану ежедневно видеть твое глупое лицо!

Кэтрин смотрела на соседа широко раскрытыми глазами и старалась вникнуть в суть его слов. Вечно веселые и пахнущие лимоном кудряшки словно поникли, облепив бледное лицо и визуально сделав его только уже, а дрожащие губы то и дело подергивались в жалкой попытке возразить или хоть как-нибудь ответить.

Дауни мог продолжать еще очень и очень долго, припоминая все накопившееся в нем за эти годы и не боясь выплескивать злость и гнев на бедную девушку, но ему помешал раздавшийся в коридоре звонок. Не глядя в глаза Джонс и не обращая внимания на тихие вопросы одноклассников, обращенные к замершей Кэти, Джек сгреб в рюкзак все лежащие на столе вещи и быстрым шагом вышел из класса.

Вслед ему раздались слабые рыдания.

Спустя несколько минут Джек уже медленно брел по направлению к школьной столовой, ощущая надоедливое урчание в животе и какое-то другое, чуть более сложное, но все же важное и гложущее чувство. Не вина, потому что стыдиться ему совершенно нечего, и не обида или грусть – нет, он был немного разозлен перепалкой с Кэти, хоть и не придал этому конфликту никакого значения.

Если тратить жизнь на людей, которые тебе не нужны – не останется времени на самое важное, – подумал он, спускаясь по лестнице и постоянно оглядываясь назад в ожидании следующей за ним рассерженной Джонс. Ему безумно не хватало еще одной ссоры, может даже более громкой и эмоциональной, хотелось выплеснуть из себя все, до самого дна, чтобы потом и дальше ходить опустошенным и заново накапливать в себе крупички от разговоров, действий и событий окружающего мира. Нужно было хорошенько все обдумать.

«Я ведь всего лишь высказал то, что думаю. Разве не это является высшим человеческим счастьем – говорить без лжи о наших ощущениях и тех или иных мыслях, сравнивать и критиковать без малейших прикрас и сладких деталей, но в то же время быть принятым обществом? Почему, если Кэти раздражает меня своим поведением, я вынужден покорно ей улыбаться и только машинально кивать, на самом деле не получая удовольствия от общения? Друзья ведь должны понимать друг друга, учиться на ошибках и замечаниях – разве это настолько тяжело? Такое впечатление, будто сейчас людям куда проще поднять двухсоткилограммовую штангу и пробежать с нею кругом, чем признаться в том, что они действительно думают о человеке».

Но кому нужны друзья, которые неуважительно к тебе относятся и требуют соответствовать своим стандартам? Кому вообще нужны такие люди?

Дауни никак не отреагировал на прозвучавшую в ушах фразу и уверенно распахнул стеклянные двери внутрь. В нос миглом ударили запахи чего-то горячего и жареного, выпечки и прочих блюд незамысловатого меню для учеников, а каждую клеточку мозга заполнил шум и бормотание сотни детей. Одни жевали, увлеченно рассказывая друг другу какие-то новости или истории и вовсе не замечая, как добрая половина пищи вываливается изо рта обратно в тарелку; некоторые стояли в сторонке и судорожно всматривались в толпу находящихся в помещении людей; другие же нетерпеливо переминались с ноги на ногу у прилавков с едой, видимо, ожидая свою порцию от нерасторопной полной женщины в темно-синем фартуке. Парень нехотя пристроился к этой своеобразной очереди.

«Я не требую невозможного, ясно? С каких это пор мое мнение о вещах стало восприниматься так остро?»

С того самого момента, Джеки, как ты начал высказывать его вслух. Ты удобный, с тобой не нужно заморачиваться по поводу одежды, манер или речи – тебе ведь все равно, правда? Со временем твоя молчаливость и угрюмость стали восприниматься как должное и что-то абсолютно естественное. Ты молчишь, значит, согласен с человеком и нисколько не возражаешь против его слов; ты хороший слушатель и всегда можешь дать если не дельный, то наверняка подбадривающий совет; о своих проблемах ты широко не распространяешься, а потому с тобой превосходно общаться. Не напрягающий своими скелетами в шкафу парень рад любому знаку внимания, которого ему так сильно не хватает. Именно из такой серой массы выгоднее всего выделиться.

Брюнет невольно поежился и под недовольным взглядом буфетчицы забрал полный поднос. Что ж, сегодня этот замечательный бургер и салат он съест в полном одиночестве, разве что увлеченный пререканиями с внутренним и не менее паршивым двойником. Лучше и быть не может.

Выбрав глазами один из спрятанных в самом углу столовой столиков, парень направился к нему, не прекращая этот странный мысленный спор.

«Я действительно нужен им. И они мне... тоже».

Тогда почему ты оправдываешься передо мной, Джеки? Где уверенность в собственных словах?

Дауни решил больше не размышлять на эту неприятную тему и принялся за свой скромный обед. Полуразвалившийся бургер был немного примят с одной стороны, а его торчащие внутренности не добавляли ни капли привлекательности, хотя салат был вполне сносным. Все же взяв первое блюдо в руки, Джек широко раскрыл рот и надкусил, усердно жуя жесткое мясо.

«И все-таки, что я делаю не так? Может, дело и правда не в Кэти, а во мне? Она всего лишь проявляла заботу и внимание, была одной из немногих, кто действительно интересовался моей жизнью и занимал в ней достойное место...»

Самое время найти ее, упасть на колени и слезно умолять о прощении. Иначе рано или поздно ты можешь остаться один. Совсем один. Тебе не за что будет зацепиться и ты начнешь тонуть в самом же себе.

Брюнет только задумчиво засовывал в себя безвкусную пищу, машинально кромсая ее зубами и тут же проглатывая, когда сзади к нему кто-то приблизился. На поверхность стола упала тень невысокого человека, а затем тоненькая ручка настойчиво начала тереть плечо парня, возвращая его таким образом в реальность. Джек обернулся – перед ним стояла Рэйчел с подносом в руках.

– Привет. Не против, если я присоединюсь? – девочка уже поставила свои тарелки рядом с Дауни и извиняюще улыбнулась, заправив за ухо выбившуюся из хвоста рыжую прядь. – Никак не могу найти свободного места.

Парень понимающе кивнул и обернулся назад. Ученики по-прежнему занимали добрую половину всей столовой, но все же несколько пустых столиков одинокими серыми пятнами выделялись среди множества спин и рюкзаков. Видимо, заметив недоумевающий взгляд Джека, Робертсон тяжело вздохнула и пояснила, откусывая от своего сэндвича небольшой кусочек:

– Нормального свободного места, Джейкен, не смотри на меня так. Да и вообще, я думала, ты обрадуешься, что я пришла. Знаешь, как сложно было найти тебя в школе – как серая мышь, честное слово! Хорошо, что ты не призрак и хоть чем-то питаешься, иначе понятия не имею, сколько бы еще пришлось искать повода для встречи.

«Зачем ей это?» – подумал про себя брюнет, накалывая вилкой очередную порцию влажного и хлипкого салата. «Какой смысл возиться с таким, как я? Она не получает из общения со мной никакой пользы, так для чего же? Уверен, что в классе ее ждут друзья, с которыми ей действительно весело, но почему она не разделяет свой обед с ними?»

Жалость, Джек. Зачастую именно это одурманивает людям рассудок. Они умиляются, увидев на улице брошенного голодного котенка; бросают печальные взгляды на пробегающую мимо бродячую собаку, чья редкая шерсть покрывает вытирающие кости; маленькая рыжеволосая девочка с добрым сердцем не может оставить тебя в одиночестве, потому что чувствует, что необходима тебе. Придется смириться. По-другому в этом мире не живут. Ты либо находишь в себе сострадание к людям и всячески стремишься им помочь, ощущая при этом превосходство и осознавая цену собственного счастья, либо сам вызываешь жалость окружающих. И, кажется, мы оба знаем, к какой стороне ты относишься.

– Нет, что ты, я правда рад. Просто думал, что у тебя наверняка есть дела поважнее, нежели времяпрепровождение в моей компании.

Как и ожидалось, на лице Рэй вспыхнул красноватый румянец. Она тут же ответила:

– Стоп. Хватит нести чушь, иначе я запушу в тебя этим... О, Боже, это что, горчица? – девочка поморщилась и отодвинула от себя чужое блюдо. – Никогда ее не любила. Куда лучше сладкий соус или кетчуп. Но не суть, главное, прекрати копать в себе! Кстати, я тут подумала и поняла, что знаю, как решить твою проблему. Будешь слушать?

Джек сосредоточенно кивнул и начал внимательно следить за каждым движением подруги. Сначала ее пальцы распрямили салфетку и выложили на нее с десятков зубочисток, а затем подняли одну и сделали небольшую дырку. Закончив все это, Рэйчел взяла вторую и сказала:

– Представь, что эта маленькая деревянная палочка – некоторая часть тебя. Ты можешь бережно гладить ее, когда чувствуешь себя хорошо или надламывать каждый раз, стоит в твоей жизни случиться чему-то плохому. Итак, ты от нечего делать начинаешь постоянно прикасаться к зубочистке – сгибаешь ее то в одну, то в другую сторону, но не очень сильно, теребишь ее в руках и думаешь про себя: «Я отвратителен. Моя жизнь бессмысленна. Окружающие меня люди заносчивы и высокомерны, я никому не нужен». Повторяешь это бесчисленное множество раз и не замечаешь, как тоненькая деревянная шпажка переламывается пополам. А затем следующая. И еще одна. Так до тех пор, пока не испортится последняя, на которую тебе, к сожалению, уже глубоко наплевать. Какие выводы можем сделать?

Робертсон отхлебнула чай из пластикового стакана и выжидающе посмотрела на сидящего напротив парня. Тот снова ушел в себя, хоть и не слишком глубоко, а потому нужно было дать ему немного времени. Но не больше нескольких минут. Этого вполне хватит.

– Теперь я могу с полной уверенностью заявить, что у тебя отсутствует литературный талант. Сравнение меня и моих проблем с зубочистками было самым глупым, что я когда-либо слышал.

– И все же ты меня понял. Отложи их в сторону, перестань заикливаться на определенных вещах и просто начни жить. Не существовать, а именно жить, как большинство людей на этой планете.

Дауни все еще слушал и не отрывал глаз от спокойного лица девочки. Этот приподнятый кверху носик, россыпь веснушек на щеках и навечно застывший в улыбке рот очаровывали, наталкивали на теплые и приятные мысли. Сразу вспоминалось странное спокойствие с толикой счастья и тепло, разливающееся по всему телу, когда пьешь горячий кофе, сидя на подоконнике в огромном уютном свитере; или странный восторг при виде высокого стога сена – колющиеся соломинки и дивный сушеный запах долго еще остаются на одежде. Кажется, будто эта девочка появилась сама по себе: раздвинула тоненькими ручками крупные головки маков и громко засмеялась подхватившему рыжие пряди ветру. Она явно пришла босиком с цветочного луга, напевая под нос мотив излюбленной песенки. Наверняка по воскресениям эта мелодия звучит на кухне, когда детский голос старательно тянет каждое слово, порой не попадая в ноты, но тем самым делая музыку еще прекраснее.

Дауни попытался представить, как Рэйчел стоит у кухонного стола и осторожно раскатывает деревянной скалкой присыпанное мукой тесто; ее лицо немного измазано белым, а руки до локтей испачканы кусочками сладкой смеси. Она что-то едва слышно бормочет себе под нос, ловко превращая тягучий пласт в аккуратные кругляши, затем бережно выкладывает их на протвень и отправляет в духовку, каждые пять минут следя за изменениями через прозрачное стекло в крышке.

Почему-то этот образ засел в голове парня настолько крепко, что избавиться от видения оказалось не так уж и просто – Джек с минуту бессмысленно глядел на свои ладони, и только после этого заметил, что к столику, за которым они сидели, кто-то подошел. Странный мальчишка в темном пиджаке, вдвое больше его самого, незаметно вырос между говорящими, поправил прилипшую ко лбу челку потными руками и, обращаясь только к Рэйчел, как будто полностью игнорируя Дауни, выдал:

– Тебя ищет Тара. Сказала, что хочет показать кое-что. Она настаивает, чтобы ты сейчас же пришла.

Робертсон медленно дожевала сладкий пирожок и, даже не удосужившись вытереть джем с уголков смеющегося рта, ответила пришедшему:

– Если тебе не сложно, Ник, передай ей, что я задержусь. У меня обед с другом.

От этих слов мальчик еще больше покраснел и смущенно кашлянул в кулак, просто отвратительно стараясь изобразить внутреннее спокойствие. Он пару раз переминался с ноги на ногу, бросил жалостливый и умоляющий взгляд на рыжеволосую, а после унесся прочь, размахивая руками из стороны в сторону во время бега.

Джек надолго запомнил этот момент. Более того, придя после обеда домой и сев за письменный стол, извлек из тубмочки записную тетрадь и быстрым, небрежным почерком переписал это небольшое событие в своем видении. На самом же деле оно почти не отличалось от действительности, только в конце этой заметки Дауни вывел излюбленный вопросительный знак и добавил чуть более ровно:

Отказалась. Видимо, на то были причины.

Но парень еще давно уловил скрытый за извиняющей улыбкой девочки мотив – она и вправду не хотела, чтобы он ел в одиночестве, или же ей самой доставлял удовольствие обед с ним. Значило ли это, что за обыкновенным желанием помочь есть что-то еще, нечто гораздо ценнее и значимее, чем искренняя забота и доброта?

Ты боишься признаться себе в том, что она запросто могла тебя полюбить. Тогда ты легко смог бы объяснить ее непреодолимое желание быть рядом с тобой, слушать твою нытью, давать какие-то советы. Рэйчел ничем не отличается от этих вечно хихикающих и строящих глазки во время длительных перемен девочек, но тебе нужны доказательства. Хотя, какой с них прок – так или иначе ее отношение к тебе уже не изменить. И все же тебя до мурашек пробирает мысль о том, что это милое создание привязано к тебе мимолетной симпатией. Интересно, почему? Может, сам ответишь самому же себе?

«Потому, что мне страшно», – Джеку пришлось даже отложить в сторону остатки своего ланча и внимательно взглянуть в уплетающую десерт девочку. Та иногда довольно жмурилась и не замечала уставившегося на себя друга. «Я не хочу, чтобы она ушла так же, как другие. Все они рано или поздно уходят. Мама, папа, Кэти, Роджер – те, кто любят меня или привязаны, хоть самую малость, в итоге меняются и становятся совсем другими. Словно чувства отравляют их души. А что, если в один прекрасный день Рэйчел тоже проникнется нечто похожим и потеряет себя? Самое ужасное в том, что я не смогу исправить этого, в то время как вина за совершенную ошибку сожрет меня целиком».

Потому Джек решил не медлить. Собравшись с силами и раздумывая в поисках нужных слов, он, наконец, напрямую спросил:

– Рэйчел, что ты ко мне чувствуешь?

Робертсон недоуменно моргнула и на время оторвалась от поглощения лакомства. Она и сама не раз задавалась подобным вопросом, но спустя минуты раздумий так и не найдя подходящего ответа, легко забывала и переключалась на другие, не менее важные и требующие внимания размышления. Теперь же девочка видела, насколько сильно взволнован сидящий перед ней брюнет, а потому как можно мягче начала объяснять, стремясь ни в коем случае не задеть друга за живое:

– Сложно сказать вот так сразу, понимаешь? Да, я тоже думала об этом, но не смогла прийти к однозначному ответу, – она потерла переносицу кончиком пальца и подавила внутри себя тяжелый вздох. – Говорить о простых вещах всегда трудно. И еще я очень волнуюсь, как бы наши взгляды насчет этой темы не разошлись, и...

«Ну давай уже, давай, скажи это, рыжик! Признайся, наконец, в том, что возишься со мной только из-за этих чертовых бабочек в животе. Я обещаю, что не буду злиться. По крайней мере, сделаю над собой усилие».

Но, вопреки ожиданиям Джека, Рэй выдала залпом:

– Я не хочу встречаться с тобой, если ты об этом. Прости. Умоляю, извини, если ты рассчитывал на то, что я соглашусь, хоть ты и не озвучил свое предложение. Я не знаю, поймешь

ты или нет, а может и вовсе теперь будешь причислять меня к бессовестным лгуням, но я считаю тебя замечательным другом. Одним из немногих, которыми я сильно дорожу. Я так и знала, что однажды ты спросишь меня об этом, – рыжеволосая уткнула ставшую тяжелой голову в сложенные замком руки и уже тише продолжила, – и все надеялась, что до разговора дело не дойдет. Пообещай мне, Джек, скажи, что мы все равно останемся друзьями. Что все будет по-прежнему. Пожалуйста, даже если это ложь, произнеси вслух ее.

Рэйчел подняла глаза и встретилась с карими глазами Дауни. Поначалу ей казалось, что они густого шоколадного цвета, но только теперь смогла разглядеть в них нечто особенное. Небольшие вкрапинки посветлей, словно кто-то случайно капнул молоком в темную кофейную гущу.

Девочка попыталась по этому обращенному к ней взгляду прочитать то, что должно твориться в глубоко спрятанной душе Джека, и какого же было ее удивление, когда парень попытался слегка улыбнуться.

– Не волнуйся из-за пустяков, рыжик. Я ведь не просто так это начал. Хотел намекнуть, что в наших отношениях нет места романтике и чему-то в этом роде; для меня ты не больше, чем друг. Спасибо тебе за это.

Когда фраза выпорхнула наружу, подобно подгоняемому ветром древесному листу, Дауни не мог сдержать ликования. Невероятное облегчение пришло на смену беспокойству и тревоге – наверняка Рэй чувствовала тоже самое. Эта не сравнимая ни с чем легкость, когда после долгого учебного дня можно растечься на кровати или диване и блаженно устать в пустоту; когда долго держишь в руках неподъемную тяжесть и освобождаешься от груза, а мышцы на руках и спине отзываются легкой, но приятной болью.

Джек долгое время не мог понять, как на самом деле должен относиться к своей юной подруге. Общаться с ней также, как с Кэтрин, он, конечно же, не мог, ведь это были совершенно разные люди – в отличие от вспыльчивой и иногда чересчур обидчивой Кэти, Рэйчел была более рассудительной и озорной. На Роджера она также не походила. Контакттировать с такого рода людьми Дауни не умел, потому что и не пытался раньше.

Парень по-новому взглянул на свою знакомую – теперь уже совершенно другими глазами и точно зная в глубине души, что именно он к ней испытывает. Больше никаких намеков, притворств и наигранностей. Все оказалось куда проще на деле, нежели в мыслях.

– Как насчет фильма в выходные? – брюнет наткнулся на озадаченное выражение лица и поспешил пояснить свои слова. – У нас с Роджером – одним моим хорошим знакомым – есть небольшая традиция, вернее, она была раньше. Около двух или трех лет назад. Ее суть заключалась в том, что мы собирались вечером в свободное от учебы и дел время и... смотрели какое-нибудь кино. Обычно попкорном и снеками занимался он, а моей работой был выбор хорошего фильма на добрые полтора часа. Это позволяло забыть о проблемах или каких-то напрягающих тебя вещах. Поверь, ощущение тепла чужого тела рядом, хруст вкусняшек и поглощающий все внимание экран телевизора – бесценны. Хочу предложить тебе нечто похожее. Или у тебя уже были планы на эти дни?

Рэйчел легко помотала головой и встала из-за стола, подтянув резинкой растрепавшуюся прическу. Звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту, и тогда девочка, быть может, растворилась бы в толпе бегущих учеников, как тает крупинка сахара в обжигающем кипятке. Но она никуда не спешила:

– Замечательно. Нет, я серьезно, – девочка взяла в руки поднос, но Джек тут же его перехватил вместе со своим. – Спасибо. Предлагаю встретиться у меня, около семи или шести вечера, как тебе? Или знаешь место получше?

– Нет, по-моему, это хорошая идея, – тихо ответил Дауни и благодарно улыбнулся Рэй. Удивительно, что она не стала задавать лишних вопросов или язвить насчет собственного дома Джека – подумав об этом, казалось бы, небольшом нюансе, парень тысячу раз пожалел о своем

предложении. Робертсон ничего не знала о его взаимоотношениях с Мэг, о постоянных скандалах и пьяных ссорах, и все же почему-то постаралась не затрагивать эту тему. Как будто внутри нее сидело маленькое нечто, которое иногда высовывалось наружу и шептало девочке на ушко, так, чтобы поучения слышала только она одна: «Сейчас помолчи. Ответь уверенным кивком головы и больше не произноси не слова. Отлично. А теперь слегка коснись пальцем щеки, дай ему понять, что вам обоим пора идти».

В подтверждение этих чудных мыслей Рэй действительно кивнула и потянула ладонь к лицу. Но, остановив ее на полпути, сказала:

– Можно кое о чем у тебя спросить? Я знаю, что это, наверное, личное и далеко не мое дело, просто мне вдруг стало интересно...

– Рыжик, если ты будешь мямлить еще хотя бы минуту, я не выдержу и запущу в тебя салфеткой. Честное слово, потом не вздумай обижаться.

Рэйчел смешно нахмурилась и бросила короткий взгляд на огромные настенные часы. Время так некстати заканчивалось. «Хочешь получить максимальное удовольствие, – раз за разом повторяла миссис Робертсон обеим дочерям при любом удобном и не очень случае, – прервись на самом интересном моменте. Позволь себе прочувствовать этот пик каждой клеточкой своего тела, дай ему растечься и закрепиться где-нибудь глубоко внутри. Рецепт хорошей встречи мало чем отличается от принципа приготовления абрикосового сиропа – переержав, можно бесповоротно испортить вкус, сделав его горьким и отдающим гарью». Так и теперь нужно было прощаться, чтобы после встретиться с искренней радостью в глазах, но один самый важный вопрос так и остался незадаанным. Снова боясь все испортить, Рэй приглушенным голосом спросила, надеясь, что ее слова поглотит стоящий вокруг шум и гул голосов:

– Почему вы перестали смотреть кино с Роджером? Что-то случилось или это всего лишь стечение обстоятельств?

Джек озадаченно посмотрел на смущенную девочку и пожал плечами, как бы отказываясь обсуждать это и тем самым меняя направление разговора. Правда, от него не укрылось, что Рэй все же заметила эту неестественную перемену настроения, потому коротко бросил:

– Люди бывают злыми. Ты доверяешь человеку, всецело ему отдаешься, а в итоге разбиваешься о жестокую правду, – парень замер посреди столовой и задумчиво, больше говоря это для себя, нежели для подруги, продолжил, – так что порой оно и к лучшему. Иногда куда легче отказаться от чего-то, чем сквозь боль и неприязнь это терпеть. С Роджером вышло нечто похожее. Он больше не хочет смотреть со мной фильмы. Я не собираюсь его упрашивать.

Дауни быстрым шагом направился к огромным столам с грязной посудой, взгромоздил туда два подноса и вернулся к Рэйчел. «На этом лице написана безысходность и грусть всего человечества», – подумала она, едва слушая, что говорит ей парень. «Почему он не может больше улыбаться? В мире столько поводов для радости! Как бы я хотела сделать его счастливее, хоть чуточку, самую малость, только бы он сказал, что теперь ему гораздо лучше, нежели раньше. Разве я многого прошу?»

– Тогда завтра в шесть, договорились? – в последний раз уточнил он, уже разворачиваясь в сторону выхода и поправляя широкие лямки рюкзака. – Я позабочусь о закусках. Надеюсь, что смогу тебя удивить.

И, не говоря больше ни слова, по-прежнему с холодным выражением лица, парень вышел из столовой. Рэйчел так и стояла на одном месте, не в силах двинуться ни на шаг, пока не раздался пронзительный звон из коридора. Но даже ринувшийся в классы поток учеников не смог вернуть девочку в реальный мир, а потому она стояла так несколько минут. Когда к ней подошла буфетчица и легонько тронула ее за плечо, рыжеволосая как-то странно посмотрела на женщину и тихо извинилась. Затем медленно прошла к выходу и после еще некоторое время брела по длинному, довольно широкому и увешанному различными копиями картин проходу.

«Таких, как Джек, тысячи или даже сотни. Всем не сможешь. Остается только держать эту суровую истину внутри себя, просыпаться с ней и точно также засыпать, зная, что ничего сделать уже нельзя. И эта самая мысль закрепится в сознании, так прочно, что оторвать будет невозможно – потому люди и сходят с ума, от собственного бессилия».

В маленькой комнатке на Прескотт-Стрит двое мальчиков увлеченно следили за каждым движением на экране небольшого телевизора, изредка вздрагивая, когда из-за угла на главных героев набрасывались привидения, большие походившие на одетых в воздушные простыни людей, чем на настоящих монстров. Не сказать, чтобы комната и вправду была недостаточных размеров – она, наоборот, казалось еще уютнее из-за прикрепленных к стене полок с кактусами и парой книжек, одиноко опирающихся друг на друга. А мягкий ковер, ворс которого делал шаг абсолютно бесшумным и приятно ласкал детские пятки, как нельзя лучше вписывался в общий интерьер.

Но один из растянувшихся на полу смотрел фильм поверхностно, закрыв глаза и лишь краем уха слушая крики или напряженную музыку из включенного ужастика. Он думал вернее, старался думать, хоть мысли и были похожи на один большой спутанный кольтун, нуждающийся в долгом и кропотливом разборе каждого волоска

о том, что, наверное, нет ничего, что могло бы заменить человеку его лучшего друга. Это не то же самое, что семья или близкие – те воспринимают тебя как ребенка, несмотря на возраст, и не упустят случая вставить одно лишнее наставление или подбросить жизненно важный совет. Их будет интересовать здоровье, успехи в школе и прилежность твоего поведения, ведь все происходящее в жизни вещи они оценивают с высоты никогда не дремлющего родительского могущества. А друг... Это совсем другое тесто.

Человек знает тебя и одновременно нет, а точнее лишь догадывается об умалчиваемых тобой вещах – но и врать ему не имеет смысла. Иначе, накладывая один слой лжи, пусть даже тоненький, на другой, ты сформируешь огромный ком, поднять который в конце-концов окажешься не в состоянии. Человек может поддержать так, как этого не сделают другие, ведь не всегда ребенок в первую очередь рассказывает о чем-либо родителям. А друг хлопает тебя по плечу и горестно вздохнет, тщательно делая вид, что искренне тебе сочувствует, и ты все равно уже почувствуешь себя куда лучше.

Джек почему-то ассоциировал дружбу с мармеладными конфетами. Да, как бы по-детски это не звучало, он действительно представлял, что два существа склеиваются друг с другом липким сиропом и крупинками сахара, сначала слегка, так, что одним неверным и неосторожным движением руки можно оторвать, а затем все крепче и крепче, пока не превращаются в единую сладкую массу. И от смеси обязательно должно было пахнуть мятой или лимоном – мальчик воображал эти чудные запахи, словно сейчас перед ним вправду лежал только что срезанный цитрусовый или мятные листья, источающие свой аромат.

Так и теперь юный Дауни верил в силу вечной и почти что братской дружбы, которую не способны разрушить никакие побочные силы. Ведь это невероятно сложно – найти такого же человека, как глупо уставившегося в мелькающие картинки Роджера Фишера, за столь малый промежуток времени. Из-за внезапного и незапланированного переезда, организованного по желанию Шарлотты, Джек в один миг лишился всего, чего так долго и с таким отчаянным трудом добивался. Авторитет в классе, прежние друзья, не менее дорогие и близкие для мальчика – все это осталось там, в их старом загородном доме, забытое и брошенное на произвол судьбы.

Новое настоящее представлялось Джеку серым и лишенным всякой радости, как бы заботливая мать не старалась привить сыну любовь к новому месту.

Так было до появления Роджера.

Он пришел незаметно, как-то медленно влился в жизнь пятнадцатилетнего, замкнутого и отталкивающего всем своим существом Дауни, едва появившегося в стенах еще незнакомой ему школы. Поначалу знакомство было сухим и не обнадеживающим, а потом парень сдался. Понял, что без чьей-то поддержки и помощи не сможет удержаться на плаву, а потому с радостью принял протянутую ему руку, не замечая, как с каждым днем все больше и больше привязывается к светловолосому спасителю. И, когда в душной пустоте класса после одного из уроков прозвучало незабываемое приветствие, просто не смог отказаться.

– Да, чувак, неважно выглядишь. Такое ощущение, что ты тот самый парень из черно-белых фильмов-ужасов, где от подростков-психопатов за километр разит депрессией, а потом они убивают кого-то на улице, чтобы заглушить душевную боль. Меня, кстати, Роджер зовут. Будешь?

Незнакомец протянул молчащему парню половину своего печенья, и тот осторожно принял его, благодарно кивнув и расправившись с лакомством за считанные секунды.

С того самого дня Джек чувствовал, что ему необходимо общение с Фишером. Это был своего рода быстродействующий наркотик, который тут же всасывался в кровь и приносил столь желанное облегчение и расслабление. Правда, со временем Дауни стал замечать, что его отношение к дружбе и мнение Роджера существенно различались. Совершенно, если быть точнее.

Потому, терзая себя мыслями о той самой встрече в классе и последующем общении с Роджером, Джек

наконец, пересилил самого себя и решил, что сейчас что ни на есть подходящее время открыл глаза и обратился к сидящему рядом другу:

– Фиш?

Парень дернулся от очередного жутковатого момента в фильме и повернул голову в сторону любопытных глаз. Выжидательно почесал макушку и убавил звук, чтобы разговаривать было проще. Дауни начал издали:

– Знаешь, я тут подумал немного, – многозначительно протянул он, отмечая в чужом взгляде загорающийся огонек любопытства, – о том, какое будущее нас ждет. Ты собираешься быть программистом, так?

Брюнет поучил неуверенный кивок в ответ и продолжил, уже немного воодушевившись:

– И остаться в Бостоне. Но, понимаешь же, что многие люди забывают свою прежнюю, школьную жизнь, и с появлением новых знакомств и проблем все больше и больше отдаляются от старых друзей. Как ты собираешься с этим поступить? Тоже забросишь все это?

Дауни взволнованно затаил дыхание и приготовился впитывать в себя каждое произнесенное Роджером слово, откладывая где-нибудь глубоко, а через много-много лет вспоминать об их великой и несокрушимой дружбе. «Уже представляю, как он сейчас рассмеется на эти вопросы и добродушно отмахнется от меня, но потом все же признается, что ни за что на свете не сможет забыть наши приключения. Скажет, что настоящие друзья не должны отступать перед такими маленькими преградами – это равносильно тому, чтобы, поднимаясь в крутую гору и почти достигнув ее вершины, споткнуться о камень, поменять направление движения и спуститься вниз из-за одной только крохотной ссадины. Это же несерьезно, правда?»

Видимо, Фишер думал немного иначе:

– Я... пока об этом не думал. Пройдет несколько лет, Джек. Все может поменяться. Пока что не могу обещать, что мы будем общаться постоянно – так или иначе, ты классный парень. Нет, я серьезно. Надеюсь, после этого лета ничего не изменится.

Сказав это, Роджер беззаботно хлопнул брюнета по плечу и возобновил просмотр фильма, даже не удосужившись взглянуть на его лицо, хоть на долю секунды. Что было большой ошибкой.

Джек с поглупевшим и бессмысленным взглядом встал с пола и навис над своим гостем. Затем, не обращая никакого внимания на встревоженные вопросы Фишера, подошел к все еще работающему телевизору и что есть силы дернул за толстый шнур, рывком извлекая его из розетки.

Кино окончено, господа, у нас кончился хлеб. Хватит на сегодня правды.

– Ты что творишь? – недоуменно воскликнул парень, тоже поднимаясь с места и отодвигаясь на пару шагов от обезумевшего Джека. Миска с попкорном пошатнулась, когда его нога изменила свое положение, и десятки кукурузных кружков потерялись в глубоком ворсе ковра. – Что с тобой? Ты так сильно расстроился из-за того, что я сказал? Чувак, я же не серьезно все это – подумаешь, бросил какую-то глупость невпопад, с кем не бывает. Да и действительно, сам посуди – откуда ты знаешь, что нас ожидает после старших классов? Быть может жизнь разбросает так сильно, что собраться снова мы будем уже не в состоянии. Живи только сегодняшним днем, парень, и не злись так из-за всякой чепухи.

Дауни же стоял в дальнем углу комнаты и гладил рукой длинный черный шнур, словно послушливую змею. Он по-прежнему не произнес ни слова, а только молча сверлил полудикими глазами испуганного и нагло оправдывающегося парня.

«Мне и вправду хотелось сделать что-нибудь. Что угодно, лишь бы он забрал свои гадкие слова обратно, туда, откуда они появились пару минут назад. В тот момент я настолько искренне его ненавидел, что не мог вообразить достойное для такого, как он, наказание. Помогла только мысль о том, что этот человек вряд ли знает, о чем говорит. Внутри него прячется другая, неуверенная в каждом своем поступке личность, которой совершенно наплевать на чужие чувства. Да, именно так и нужно думать».

Идеальных людей не бывает, Джеки. Запомни это как следует. Ты можешь искренне любить человека, а тот будет всего-навсего пользоваться твоей привязанностью. Можешь доверять, но будь готов к тому, что однажды некоторые из твоих секретов вылезут наружу. И в этом нет чьей-либо вины, это человеческая природа сделала нас такими – научила расставлять приоритеты в зависимости от собственных потребностей, отбрасывая на второй план все прочее и лишнее. Так вышло и здесь, ты просто оказался во второй категории. А теперь, будь добр, положи провод на место и не делай глупостей.

Джек послушно отстранился и начал медленно надвигаться на опешившего Роджера, пугая его приглушенным голосом и пепельно-серым лицом:

– Я и живу настоящим, Фиш. Каждый день, просыпаясь утром, я задаю себе вопрос «а что дальше?», а затем с презрением отбрасываю его как можно скорее, потому что не могу найти достойного ответа. У тебя так было? Хоть раз в твоей чертовой жизни? Было или нет?

Роджер как вкопанный стоял, упершись спиной в стену. Прикосновение обоев к коже казалось обжигающе-холодным, мерзким и отвратительным, но отстраниться он не мог.

– Ты и представить себе не можешь, каково это – да и зачем оно тебе, верно? Это же не ты пытаешься изо всех сил найти человека, на которого можешь положиться, а потом ни с того ни с сего осознаешь, что все это время глотал комья земли, старательно ее пережевывая в надежде добраться до сладких ягод? Я хотел верить тебе, думал, ты станешь моим единственным и вечным другом... Убирайся из этого дома. Сейчас же.

Фишер не двинулся с места и долго-долго смотрел Джеку в глаза. Пытался разглядеть там хоть что-то, похожее на сожаление от несдержанного негодования, желание, но невозможность извиниться или выдать из себя пару-тройку добрых и примирительных слов, но наткнулся на мрачную решимость. Не давая парню продолжить свой гневный монолог, он поднял брошенный ранее рюкзак и развернулся к выходу из комнаты. Затем замер, нерешительно одергивая запутавшиеся лямки и, наконец, тихо сказал:

– Ты не самый несчастный в этом мире, Джек. Я не собираюсь жалеть тебя или втолковывать то, что ты и так прекрасно знаешь, просто... Я боюсь, что ты начнешь искать недостатки

в других людях, затем в своих близких, в себе, а после уже не сможешь остановиться. Не дай этому случиться, сделай все, что в твоих силах. Желаю удачи.

И, снова встретившись с безжалостными, некогда еще теплыми и человеческими глазами, прошел к двери, вышел во двор и осторожно повернул ручку до глухого щелчка. Больше Фишер ни разу не ступал на порог этого дома.

Глава 14

Как и было оговорено, через пару дней встреча в доме Рэйчел все же состоялась, хоть Джек и не был в особом восторге. Какое-то странное предчувствие грызло его изнутри – не то осадок от прошлого разговора в школьной столовой, не то нечто другое, необъяснимое, но давящее с не меньшей силой. И, когда он увидел на дисплее телефона короткое сообщение от Робертсон, которая заверила его, что сама займется приготовлением попкорна и с нетерпением ждет их сегодняшней встречи, то вовсе упал духом. Она не забыла. Конечно же, не забыла.

Думал, произойдет чудо? Ты в мыслях решишь отменить просмотр фильма, и в тот же момент она позвонит тебе с новостью, что планы кардинально изменились? Глупо надеяться на волшебство, Джеки. Это детские сказки, из которых ты давно вырос.

Джек только потряс плечами, словно желая вытряхнуть из своей головы эту надоедливую сущность, постоянно раздающую бестолковые советы и критикующую каждое второе его слово или действие, а затем набросил на себя легкую куртку и выскочил из дома. Погода оставляла желать лучшего.

Особо никуда не спеша, парень медленно брел по направлению к дому подруги. Времени до назначенного часа было предостаточно – он мог бы доделать тот самый давно забытый доклад по истории или... Разве у него есть какие-то дела? Что-то важное и срочное, не требующее никаких отлагательств, задача, от решения которой будет зависеть каким-то образом его жизнь? Нет? Что ж, тогда самое время прогуляться по неизведанным кварталам Бостона и поговорить с самим собой о всяких глупостях. Ведь так люди обычно делают – думают и в то же время отчаянно пытаются избавиться от каких-либо мыслей.

Разве? Ты себя недооцениваешь, парень. Лучшие бы задумался о чем-то более важном и значимом. К примеру, о карманных расходах. Рано или поздно, Мэг заметит воровство, и, поверь, не поспеет на наказание. Нарываешься или намеренно об этом не думаешь?

Дауни завернул за угол одного из домов и сунул руку в карман, выудив оттуда небольшой кожаный кошелек. Он сделал его самостоятельно, своими неумелыми руками сшивал куски кожи – а ведь именно Кэтрин поделилась с другом необходимыми материалами. Джек тогда думал подарить свою поделку кому-нибудь. Правда, Джонс тут же отказалась, сославшись на то, что видела, с каким трудом ему удалось создать эту вещь, а потому не хочет лишать парня заслуженной награды. Шарлотта Дауни тоже осторожно разъяснила немного погрузневшему сыну:

– Ты хочешь поделиться со мной своей радостью, милый, и я очень хорошо тебя понимаю. Но это только твоя маленькая победа и ничья больше – прошу, не заставляй меня отбирать то, что служит показателем твоего усердия. Оставь эту прелесть себе. И каждый раз, когда будешь доставать кошелек и касаться его руками, вспоминай, как делал его, вкладывал душу и сердце. Поверь, тебе сразу будет становиться лучше, даже в самый тяжелый час. Иногда ведь не нужно чего-то большого и громоздкого для счастья – порой сделанная собственноручно вещь в разы лучше самой дорогой роскоши.

И, потрепав улыбающегося мальчика по голове, женщина пошарила рукой в полупустой банке, вытащив оттуда мятую пятидолларовую купюру, а затем положила в один-единственный кармашек грубого кошелька. Протянула его сыну, и Джек бросился из дому в ближайший

магазин – отметить радостное событие. Он не заметил грустного взгляда матери, устремленного ему вслед.

Так и теперь Дауни достал доллар и крепко сжал его в руке, намереваясь купить подарок для рыжей подруги. Что именно – он не решил до сих пор, но шел вперед, окрыленный уверенностью в своей правоте.

«Вечер кино... Маленькую, но памятную вещичку... Или что-то съедобное и вкусное?»

Бредя в легкой задумчивости по тротуарам, он и не заметил, как вышел к главному входу парка. На удивление парня, возле огромной арки с радужными буквами громоздились широкие столы со всевозможными видами безделушек, пряников и печений. Ноги сами понесли Джека к прилавкам.

Умоляю тебя, – устало произнес внутренний голос, зная, что в который раз останется не услышанным, – не иди туда. И не говори, что собираешься потратить деньги на всяких мелочный хлам, который не нужен ни тебе, ни ей. Неужели так сложно – быть чуточку экономнее. Разве твоя мама тратила такое количество денег впустую, даже когда они у нее были в достатке?

Дауни тут же посерьезнел и как-то остепенился, все больше и больше придираясь к внешнему виду выставленных на продажу товаров. «Ярмарки... Что же еще может сделать людей счастливыми и расшевелить серые массы, если не скопление красок и низких цен в одном месте. Посреди городского относительного спокойствия и размеренности это место являет собой яркое желто-красно-оранжевое пятно толпящихся людей, веселых голосов и сладких запахов печеных в меде яблок... Особенно осенние ярмарки».

Джеку оставалось лишь облизнуться и пройти дальше, к следующим столам, и только через несколько минут беглого просмотра продаваемых вещей его глаза зацепились за свечи. Маленькие и большие, толстые, длинные, узкие, в форме шаров и прямоугольников – они были похожи на странные сказочные дома крошечных человечков. Цвет воска также отличался у каждой свечки: здесь были и нежно-розовые, перламутровые, зеленые, фиолетовые, малиновые, и даже покрытые объемными блестящими хлопьями. Дауни заорожено замер на месте, в то время как сидящий за столом мужчина спросил:

– Нравятся? Как я вас понимаю, очень даже. Едва увижу в магазинах или где еще такие – и стою как вкопанный, пока не прогонят или не начнут коситься. По-моему свечи осенью – лучшее лекарство для души, как считаете?

Дауни неуверенно кивнул и детально осмотрел каждую из предложенных фигур – более всех его заинтересовала цилиндрическая свечка темно-коричневого, ближе к песочному, цвета. Он повертел ее в руках и спросил цену.

– Тебе отдам за полдоллара, – лукаво подмигнул продавец и благодарно кивнул, получив свои деньги и спрятав их в большой нагрудный карман. – Рад был помочь. Удачи тебе, юноша, иди и освети этот мир!

На этот крик парень только смущенно опустил голову и быстрыми шагами удалился с ярмарки, все же не удержавшись и прихватив по пути два сладких еще горячих яблока на длинных острых шпажках. Было почти шесть.

«Не думаю, что сделал что-то плохое или неправильное», – подумал он, быстро направляясь в противоположную сторону от входа в парк и снова погружаясь в городскую тишину. «Тем не менее, уверен, что Рэйчел оценит подарок. Почему-то мне не хочется в этом сомневаться».

И, чувствуя на душе приятное тепло и спокойствие, брюнет направился к дому Робертсонов, прижимая к куртке лакомства и свечу. Это умиротворение словно кто-то поместил внутрь его самого, как будто разлил обжигающий воск, и теперь стенки горла покрылись тонкой гладкой пленкой, неосязаемой на вкус. Как посыпка с купленных только что яблок или сладкая тягучая карамель с кремом поверх них, так и грусть в юношеском сердце заполнилась чем-

то липким и сладким, приятно пахнувшим, но невидимым снаружи. Джек редко ощущал себя так хорошо.

Чуть позже, зайдя в комнату Рэйчел и терпеливо дожидаясь убежавшую на кухню маленькую хозяйку, парень выудил из кармана толстовки и приготовленный заранее подарок. Осталось разве что

объяснить, что ты взял и купил ей ЭТО без особого повода, но сделать так, чтобы все не стало еще больше походить на свидание – как можно непринужденнее и спокойнее, напустив на лицо маску равнодушия, вручить свечу и сказать, что ты всего лишь проходил мимо ярмарки и подумал, почему бы не удивить подружку приятным сюрпризом

выдохнуть и дождаться подходящего момента. Не желая торопить события, Джек спрятал восковую фигурку за углом дивана-кровати, и как ни в чем не бывало пошел к выходу из комнаты, желая узнать, почему же Рэй задержалась. Далеко, правда, идти ему не пришлось.

– Скучал? – рыжеволосый вихрь чуть не сбил парня с ног и толкнул его обратно, заставляя сесть. – Угадай, что я нам принесла?

Робертсон загадочно улыбнулась и указала на закрытый поднос, от которого исходил приятный аромат хлопьев и хлеба. Не став мучить себя и гостя, она поставила блюдо на ковер и сняла крышку, наклоняясь к лакомству и позволяя дыму обласкать свое лицо. Дауни не мог скрыть ребяческого восторга:

– Попкорн? Ты серьезно? Я думал, это будет что-нибудь поинтереснее... – он многозначительно замолчал, давая девочке выплеснуть накопившееся в ней возмущение. Рэйчел, действительно, обиженно заворчала:

– Вообще-то, это домашний попкорн, а не просто купленный в супермаркете полупустой пакет с не пойми чем внутри. Это во-первых. А во-вторых, мог бы проявить чуть больше уважения к тому, что я заранее позаботилась о сегодняшнем дне, подготовила все необходимое, старалась, а теперь ты...

Джек наигранно тяжело вздохнул и сел напротив Рэйчел, рассматривая ее немного сморщенное и недовольное лицо. Странно, но эта маленькая девочка менялась почти до неузнаваемости в зависимости от различных ситуаций. К примеру, радостная Рэйчел всегда яркая, солнечная, с веснушчатым носом и щеками и горящими свежей зеленью глазами (по крайней мере такой она бывает чаще всего). Совершенно другой она становится на уроках, особенно в самом начале тяжелого учебного дня – озорное выражение сменяется уставшим и сонным, а собранные наспех волосы в какой-нибудь хвост или прибитую косу только дополняют этот образ прилежной трудящейся школьницы. Сейчас же, в полумраке одной из спален дома, на фоне заходящего за горизонт солнца, Рэй казалась совсем иной. Длинные распущенные пряди мягко обводили острое личико, домашняя майка болталась на тонких полосках ткани, проходящих через худые плечи – все было так гармонично и в то же время непонятно и несочитаемо, словно такого человека и вовсе не может существовать. Эта немного злая и задетая шуткой девочка в ночной кофточке, серых и, наверняка, мягких на ощупь штанах не была похожа на серьезную и сосредоточенную во время учебы или же не сидящую на месте и заражающую своим весельем Рэйчел. Потому сейчас Джек с любопытством глядел на новые черты Робертсон, стараясь запомнить каждую лишнюю мелочь. Наконец, он осторожно начал:

– Знаешь, я тут проходил мимо парка, и случайно забрел на осеннюю ярмарку... Приглядел кое-что...

Дауни потянулся к укромному месту и вытащил оттуда купленную свечу, не сводя глаз с тут же оживившейся Рэйчел. Затем, проделывая все медленно и следя за каждым изменением

на чужом лице, поставил подарок на пол прямо перед подругой, не переставая выжидающе на нее смотреть. Та недоуменно уставилась в ответ.

– Это тебе, рыжик. Подумал, что, раз уж ты освободила меня от забот о закусках, я могу порадовать тебя чем-то другим. Нравится?

– Очень! – девочка бросилась из комнаты. Послышалось шуршание с кухни, звуки зажигаемой плиты, и вот Робертсон вернулась, прикрывая рукой горящую зубочистку. Не говоря ни слова, она поднесла огонь к фитилю, несмотря на подбирающееся к пальцам пламя, и, наконец, свеча вспыхнула и озарила полумрак мягким светом. – Где ты умудрился найти ее? Разве в Бостоне еще продают свечи?

Не дожидаясь объяснений, рыжеволосая снова засуетилась, и спустя пару минут перед гостем появился небольшой ноутбук и пара одеял и подушек. Джек также старался принять участие в подготовке к просмотру фильма, и, несмотря на постоянные просьбы Рэй и ее легкие жалобы, ему все равно удалось внести свой маленький вклад. Расстилая на и без того мягком и приятном на ощупь ковре слой легких одеял, Дауни заметил, что в его голове формируется какая-то странная мысль. Ее хочется выразить прямо сейчас, здесь, но слов предательски не хватает, и потому из губ вылетает разве что обрывочное бормотание и короткие невнятные фразы. Услышав это, Рэйчел спросила:

– Ты говоришь сам с собой? Или мне показалось?

– Иногда со мной такое бывает, – уклончиво пояснил парень и принялся с еще большим усердием разглаживать неровности ткани. – Если что-то сильно меня беспокоит, приходится разок-другой поспорить с собственной головой. Иногда это даже полезно.

– Да, я тоже слышала об этом, – подтвердила девочка, быстро стуча по клавишам ноутбука и напряженно всматриваясь в яркий экран, – я имею в виду, о пользе такого способа. Психологи утверждают, что это не позволяет нам сойти с ума, хотя, по-моему – полная чушь. Когда споришь с самим собой, можешь легко запутаться в доводах, слишком глубоко погрузиться в эти размышления – а вернуться обратно очень сложно. Например, моя тетя Дафна, пока жила одна, любила поговорить вслух. Сначала это были песни или легкие стихи, затем она обсуждала с собой список необходимых продуктов или дел на следующий день, словом, это не вызывало ни у кого никаких вопросов.

Девочка ненадолго замолчала, отрываясь от печатания и снова убегая на кухню – назад она вернулась с холодным лимонадом в хрустальном графине.

– И что случилось дальше? С твоей тетей, – добавил Джек, чувствуя, что подруга медленно теряет нить разговора. Сам же он был готов занять себя любыми рассказами, лишь бы не думать о той самой непонятной и не желающей полностью сформироваться идее.

– Все быстро скатилось к чертикам. Дафна начала говорить с собой в присутствии других людей, затем все чаще и чаще – при своем новом мужчине, который вскоре не выдержал всего этого и пустился в позорное бегство. Она не слушала нас и не желала принять свой недуг, хоть мы и пытались намекать как можно мягче и вежливее. Наверное, непонятно звучит, и тебе сложно в это поверить. Представь, что сидишь напротив человека и говоришь с ним о погоде. О том, что завтра обещают дождь, и прогулку в лесу придется перенести на несколько дней вперед. На что он кивает и отвечает тебе: «Ты абсолютно прав, милый, это подождет. Куда важнее сделать малиновые кексики к ужину – иначе нам придется выкинуть муку, разве это не ужасно? Или лимонное печенье ты любишь больше? Уверена, завтра будет чудесный день для покупок, нам важно не забыть о списке, а лучше даже сделать его прямо сейчас. Как же мне не хватает моего Милтона – славный был котик. И почему коты попадают под колеса так часто? Не забудьте посетить его могилку до полуночи, дорогой. В противном случае, вас могут ждать большие неприятности».

Зажав рукой нос, Робертсон пыталась изобразить писклявым голосом, как же нелепо тогда звучали эти слова – правда, получалось у нее с трудом, но озорная улыбка не сползала

с детского лица. Дауни тоже не мог не улыбнуться. «Она говорит о страшных вещах с такой легкостью и весельем, словно каждый день становится свидетелем подобного. Самое ужасное во всем этом – ее непринужденность. Можно плакать от грусти, прищемив лапу бездомному животному, а некоторые хохочут, приставляя нож к горлу человека, между тем перерезая ему сонную артерию и пересказывая старый, давно изживший себя анекдот. Именно последних стоит опасаться, но я им только завидую».

– И так было постоянно, – продолжала Рэйчел, возвратясь к нормальному тону и теперь заморожено уставившись на маленький огонек свечи. Она стала говорить медленнее и с большими паузами между предложениями. – Однажды она начала ругать себя за что-то: кричала и размахивала руками, пытаясь побить саму же себя. В конце-концов соседи позвонили в больницу, и ее увезли со страшными кровавыми царапинами на обеих руках. Это все ногтями, Джек. Она намеренно поцарапала собственную кожу, разодрала ее, а потом убеждала всех, что заслужила от себя же такое наказание. Дафна считала это *нормальным*, понимаешь? Боюсь представить, о чем она думала, делая с собой *такое*.

Рэй замолчала, и на миг в комнате повисла неприятная тишина. Джек был только рад возникшей заминке – появилось немного времени обдумать услышанные слова. Ему казалось, что эта история не так уж и проста, как показала ее девочка – за этим есть что-то еще, нечто большее и гораздо весомее, нежели простые перепалки сумасшедшей женщины с внутренним голосом. Она искала ответы, обращалась за ними к самой же себе и приходила в ярость, не получив желаемого. И, подобно тому убийце, прижимала себя к стене, не позволяя лишний раз вздохнуть, а после спрашивала в который раз: «Теперь-то ты мне скажешь? Почему же молчишь, неужели я недостаточно стараюсь?»

неужели тебе совсем не больно?»

Уже заранее зная правду, Джек все же осторожно спросил:

– И что потом? Она окончательно сошла с ума?

– Нет, что ты! – Рэйчел потрясла головой, и длинные рыжие, но почти коричневые в свете севшего солнца, локоны метнулись из стороны в сторону. – Как о таком вообще можно говорить? Мама запретила мне с ней общаться, но мы продолжали обмениваться письмами и рисунками втайне от всех. Она присылала грязные каракули, но мне было все равно приятно их получать. Как я поняла, Дафна пробыла в лечебнице два или три года, а потом врачи сказали ей уехать отдохнуть в горы. Швейцария, кажется. Может быть целебный воздух поможет ей полностью вылечиться, и она к нам вернется.

Джек только пожал плечами и ничего на это не сказал. Разумеется, помешанную женщину не отправляли на отдых – это было бы глупо и невыгодно экономически. Скорее всего, она воеет где-нибудь в психиатрической больнице для особых пациентов, получает жидкую кашу на бумажном подносе и по-прежнему говорит сама с собой.

«Нам врут в детстве, желая уберечь от ужасов этого мира, а потом правда, подобно звериным когтям, впивается в спину и тащит к себе, выплевывая слова прямо в лицо. И мы мечемся, сотрясаемся в жалких попытках выбраться на свободу – дергаем руками и ногами, отчаянно зовем на помощь... Неизвестно, стоит такая правда своей цены, или же ей лучше навсегда оставаться как можно дальше, в темном уголке, сокрытой от нежных человеческих душ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.